

АКУЛИНА
БУКОВА

АКУЛИНА

СНОВИДЕНИЕ

АКУЛИНА

СНОВИДЕНИЕ

*«Будь осторожен,
если любишь спать»*

Жанне нравилась её настоящая жизнь. Но случайно побывав в другом мире, где она впервые столкнулась с магией, Жанна решила, что влюбилась. Её избранник был прекрасен, и она была уже счастлива вновь и вновь переходить в его странный мир, когда внезапно всё изменилось: на время потеряв с ним связь, она сумела найти возлюбленного тогда, когда его уже опоили зельем беспамятства. Он не помнит, кто она и что они вообще когда-то встречались, а Жанна всё также не представляет, что же такое магия, и не понимает, что ей самой теперь делать! Сумеет ли она вернуть любимого? Или же всё бросит и вернётся обратно, в свой мир, туда, где никогда не ощущала чувства любви?..

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	26
Глава 4	44
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	84
Глава 10	89
Глава 11	97
Глава 12	105
Глава 13	111
Глава 14	118

Будь осторожен, если любишь спать.

хоть, старушка оказалась добрейшей и не обиделась, да ещё и напутствовала Жанну напоследок:

– Наперёд, если видишь знакомого тебе человека, прежде чем догнать и обратить на себя его внимание, не забывай для начала подумать: а точно ли ты хочешь, чтобы он оказался рядом в твоей жизни? – или это только импульс, или привычка, или это вообще не твоё желание?.. Тогда многое тебе станет ясным, и избежишь многих проблем.

Жанна неловко улыбнулась в ответ и сразу заметила: а действительно, – глаза-то у бабули серые, а вовсе не зелёные, как были, судя по записи на фото, у прабабки!

Она ещё раз извинилась за свою оплошность. Но, отходя, не удержалась и снова оглянулась, и заметила, как старушка, взглянув в ответ, блеснула зелёными очами. Конечно, это был только мираж, и, быстренько стряхнув пробежавшую по коже неприятную дрожь, Жанна отправилась дальше.

Как раз в тот день, когда они вот так столкнулись, она обнаружила кое-что интересное – новый магазин в самом центре города, в старинном здании, мимо которого она ходила практически каждый день, скучно шагая на работу. Она никогда раньше и не замечала эти огромные резные двери... Но сегодня вычищенная и блестящая медная вывеска, искусно сделанная под старину, прямо зазывала войти! Бороться с любопытством было нелепо, и она безмятежно открыла тяжёлую дверь.

Внутри было темновато. У стен и в углах мерцал приятный золотистый свет, позволяющий рассмотреть и особый дизайн – сети паутины, кое-где расположенные весьма композиционно, с использованием муляжей мух и других букашек, сделанных так искусно, что казалось даже, будто они шевелятся. Навесной потолок эксклюзивной работы был наполнен слегка таинственным свечением странного рисунка – золотистые линии расплывались по поверхности и периодически, мягко утопая, пропадали в ней же.

– И что вы продаёте? – спросила Жанна, осматриваясь.

– А вы не видите? – развёл руками продавец, будто охватывая всё пространство.

Она оглянулась ещё раз, медленнее, подозревая, что что-то упустила из виду, и продавец понял, что этот покупатель нуждается в помощи.

– А! Может быть, мухи? Или саламандры? – уточнил он и даже потянулся за коробками, стоящими среди множества других на полках за его стойкой.

– А вы юморист! – засмеялась Жанна, открыто глядя ему в глаза и ожидая продолжения шутки.

Тот подозрительно прищурился. И тут же, увидев небольшой порез на её руке, вновь ободрился.

– О, наверняка, вам нужна паутина? Какого срока? Предпочитаете свежую? Отличный лечебный эффект, просто отличный!.. И знаете, для особых случаев, – он многозначительно склонился над стойкой и придвинулся поближе, – у нас есть такие сети, что были созданы ещё очень-очень много лет назад. Весьма старые, понимаете ли... А есть и нити, изготовленные на серебряном веретене и промытые лунной водой. Вы таких больше нигде не найдёте – только здесь и только у меня! Я знаю, где их достать...

Он говорил так тихо, будто доверял необыкновенную тайну или посвящал любимого клиента в то, как добыть товар, который может позволить себе не каждый. Но Жанну такая доверительность только напугала – она сразу догадалась, что продавец не в себе.

– Нет, пожалуй, я пойду, – с дрожью произнесла она, опасаясь, что он рассердится и нападёт на неё.

– Так быстро?.. Вы даже цену не спросили, – удивился тот. Но она мотнула головой, и он тут же вежливо, с пониманием добавил, – вы правы: пауки – гораздо выгоднее. И дешевле, и каждый раз своя собственная паутина!

Она хило улыбнулась.

– Вижу, для вас паутина – это нормально.

– Что ж, и летучие мыши?..

– Да, мне это не нужно, – она потихоньку, шаг за шагом, спиной отходила к двери.

– Но если вам ничего не нужно, зачем же вы пришли?

– Просто увидела дверь.

– О да! Вы заметили её ещё с той стороны?! Такой пронизывающий взгляд – это редкость! Дверь у нас действительно есть! Дверь – это хорошо. Это можно войти и выйти, – вновь оживился он и беспечно махнул в сторону. Вслед за его рукой словно пронёсся ветер, а заодно и пара летучих мышей.

Конечно, Жанна успела испугаться, но, по счастью, уже схватилась за ручку входной двери и почувствовала себя и осмелевшей, и даже спасённой. Как вдруг увидела: порыв ветра сдвинул со стены тяжёлую ткань покрывала, а за ним оказалась ещё одна старинная дверь, сияющая в нереальных лучах.

– Ого! Так это у вас тут музей?! Что ж раньше не сказали!

Резко забыв желание убраться восвояси, Жанна подошла ближе.

– Музей? Хм... А как же вы сюда вошли? – ещё больше удивился продавец и замолчал, не дождавшись ответа: посетительница заворожённо замерла у двери, будто та притягивала её к себе.

– Что вы говорите? – наконец, оторвалась она, чтобы переспросить.

– Ничего. Хотите посмотреть, что за ней? Вы ведь за этим пришли?

– С чего вы взяли?

– Ваши зелёные глаза говорят вполне открыто. Кстати, вы поостереглись бы такой откровенности, а то душу украдут...

Жанне стало совершенно неловко – её тёмно-серые глаза никак нельзя было спутать с зелёными даже в таком странном свете!

– Счастливой работы! Я так задержалась!.. – она юрко метнулась к входной двери и напоследок даже нашла силы улыбнуться ненормальному продавцу.

«Невероятно! – подумала она, выскочив на улицу. – Мало того, что заняли хорошее здание непонятно, зачем; так ещё и продают неизвестно, что! А может, это и не магазин вовсе?..».

Она оглянулась напоследок, чтобы запомнить странную вывеску. Но, к её изумлению, ни вывески, ни даже старинной двери не было, хотя здание стояло, как ни в чём не бывало...

Конечно, этот эпизод заставил её сильно задуматься, но ответ нашёлся быстро – отыскав в интернете фотографии, Жанна убедилась, что с этой стороны здания двери-то никогда и не было, а значит, всё произошедшее ей просто померещилось! Потому она успокоилась насчёт «магазина», но очень забеспокоилась насчёт своего здоровья – это ж до какого состояния надо себя довести, чтобы вот так задуматься и вообразить целый диалог с незнакомцем?!..

Поначалу она решила сходить к доктору, но потом взяла пару дней отгула, чтобы отдохнуть, и теперь была в полном порядке. Или, по крайней мере, так думала... И только старинные часы вели себя так, словно заболели они, и продолжали будить её посреди каждой ночи, будто стремясь довести до иступления!

Она даже как-то отнесла их к часовщику. Тут, правда, тоже вышел немного неприятный казус: часовых дел мастер как две капли воды оказался похож на того самого продавца, который ей... ну... *привиделся* в тот злосчастный день, когда у неё пошатнулось здоровье. Потому она не стала слушать его уверений в том, что эти часы весьма хорошего

качества и всё ещё в полном порядке, и поторопилась вернуться с ними домой. И теперь точно больше никому не собиралась их показывать! Но вопрос у неё оставался: если всё-таки происходящее – просто галлюцинация, в том числе и трезвон будильника, который она никогда не заводит, то почему от этой галлюцинации сама она постоянно просыпается, а потом ещё и хочет спать?!..

Вот и теперь после нещадно долгого звона Жанна нехотя открыла глаза.

– Ну чего вы от меня хотите?! – прошипела она. – Куда вы меня будите? Сами же видите, сами показываете время – полпервого. Нет, не так: половина первого ночи! Ночь! Я спать хочу. Я спать должна!

Она дотянулась до часов и подозрительно повертела в руках. Они также подозрительно смотрели на неё; молча, как ни в чём не бывало. Жанна резко передёрнула плечами, заметив зелёный отблеск на корпусе, и тут же поняла, что это просто отражение её сорочки.

– С ума так можно сойти! – пробурчав, недовольно вернула она часы на стол.

Конечно, не единожды уже Жанна ставила их в другой комнате, но каждый раз они трезвонили так сильно, что всё равно приходилось вставать и идти за ними, и только тогда они замолкали. Поэтому теперь они были рядом – чтобы не приходилось лишний раз подниматься с тёплой постели...

Ещё раз буркнув что-то несурзное про «бабулино наследство», она уронила голову на подушку, чтобы поспать до утра.

Наконец-то она шла на работу! И давно уже не ходила она туда с таким удовольствием! Раннее утро, пение птиц... Никогда раньше она даже и не замечала, как разгорается утром солнце, поднимаясь из-за горизонта, как это прекрасно!.. А вокруг – люди, первыми разрушающие остатки ночной прохладной тишины города...

Тут Жанна резко остановилась и застыла от изумления: магазин был на месте. Тот самый – странный магазин с медной вывеской, который никак не мог быть на этой улице, в этом здании – ведь в нём никогда не было таких старинных дверей, она точно это выяснила!

Она осторожно огляделась – но люди вокруг шли, как обычно, и никому не было дела до её негодования. Проглотив страх собственного безумия, Жанна недовольно брякнула, будто отбрыкнувшись от этой слабости:

– Как же мне это надоело!.. – и гордо продолжила путь, даже весьма быстро перестав терзать рукав, который при виде призрака магазина стала нервно теревить.

Добравшись до работы, она уселась на рабочее место, чтобы начать...

«Дзиинь!», – обиженно брякнули часы в последний раз, видя, что Жанна вообще не желает просыпаться.

Медленно, еле-еле приподняла она тяжёлую голову с подушки. И подскочила, поняв, что работа только снилась...

«Опоздала, опоздала!». Она мчалась по мокрой после утихшего дождя улице и ей было совсем не до того, стоит ли магазин на месте или не стоит! Пришлось придумывать, почему она не пришла вовремя. Благо, немного потерянный взгляд сотрудницы позволил начальству предположить, что она не здорова, и Жанна даже легко отделалась от неминуемого выговора.

«Но какой сон! И как хорошо, что это на самом деле был только сон. Значит, у меня всё нормально, значит, мне наяву ничегошеньки не могло такого привидеться! Я в порядке!», – она чуть не улыбалась от радости, что во всём разобралась.

На обратном пути Жанна опять решила пройтись по той же улице – ей было очень приятно убедиться, что у слишком теперь знакомого здания никаких странных дверей, странных вывесок нет и быть не может.

Остановившись на несколько минут, будто раздумывая, куда бы ещё пойти, она мельком рассматривала его, чтобы в сотый раз убедиться – здесь никогда ничего странного и не было! И в какой-то момент даже обратилась к проходившей мимо парочке, чтобы соврать:

– Я тут впервые, не подскажете, в этом здании есть какие-нибудь интересные магазины?

И получила долгожданный прекрасный ответ:

– Да никогда и не было!

Сердце Жанны подпрыгнуло от радости и спокойно уселось на своё обычное место, чтобы больше не дёргаться по пустякам, навязчивым идеям и всяким гадким непонятным миражам.

Дома же, перед тем, как лечь спать, она на кое-что решилась.

– Сейчас я закину вас далеко-далеко и выплусь, потому что сегодня вы мне спать не дали! – приговаривала Жанна, пряча часы в угол балкона, заваленный хламом. Здесь же стояли те самые пыльные коробки – полученное наследство от бабки Галины, – в которых она полгода назад и нашла этот будильник и альбом с семейными фотографиями. И ушла в спальню.

Но как только время перевалило за полночь, её спокойный сон вновь был резко прерван: трезвонило так, будто нечто хотело, чтобы её уши лопнули! Ей даже не пришлось приходить в себя ото сна – окружающий мир так резко дзинькнул, что Жанна подпрыгнула и побежала на балкон – вытаскивать часы бабули.

«Что ж мне с вами-то делать?!», – она в сердцах поставила их на стол и мрачно свалилась на кровать, чтобы тут же уснуть.

Её гнев растворился, и на лице появилось успокоение.

Она подскочила выпавшаяся и сразу схватила часы – они мирно, по-доброму смотрели на неё, игриво отсвечивая зелёной ночнушкой, и молчали! Жанна даже подпрыгнула от радости, что сегодня всё так хорошо начинается!..

Всмотревшись в зеркало, она широко, с гордостью улыбнулась, мысленно поздравляя себя с тем, что старинные часы, наконец, усвоили урок с балконом и больше не будут её тревожить; и даже с особым удовольствием выглянула в окно: чтобы посмотреть, а какой он – новый день, в котором она чувствует себя такой живой. Потом собралась и ушла на работу, обещая себе целый день только улыбаться.

Правда, что-то дрогнуло глубоко внутри, когда Жанна проходила по центральной улице. Поначалу, отогнав все нелепые ощущения, внутренне всё ещё улыбаясь и глядя только вперёд, она спокойно прошла мимо здания, которое в последнее время забирало на себя слишком много её внимания. Но после не смогла удержаться и всё-таки обернулась. Вот тут-то и похолодело на мгновение внутри!.. – старинная дверь была на месте.

Жанна немного смутилась и даже растерялась: как это? – теперь, когда всё нормально и правильно, мираж со странной дверью опять тут как тут?.. Она успела расстроиться, но после, хоть и оглянулась пару раз, чтобы убедиться, что дверь так и не исчезает, сумела уверить себя, что день всё-таки прекрасен.

Придя на работу, Жанна уселась на рабочее место и полезла в сумку за сотовым телефоном. Но вот вытянув руку обратно, она с изумлением поняла, что достала совсем не его – пальцы упрямо сжимали излюбленные прабабушкины часы.

Медленно поставила она их на стол, не зная, что и подумать! А потом резко вздрогнула: внезапно они начали звонить...

«Да проснулась я уже, проснулась!», – Жанна положила руку на старинный предмет и уставилась на него заспанными глазами, будто пытаясь решить какую-то задачку. Но решения не было, а время шло, и пришлось подняться...

«Хорошо хоть не проспала! – ворчливо размышляла она, медленно жуя завтрак и не особо желая идти на работу. – Вот если бы я сегодня уже отработала...», – подумала она мечтательно и с какой-то завистью к самой себе, «той» – во сне.

День прошёл не особо интересно – сидя в офисе, она опять решала ничего не значащие вопросы. А на обратном пути обратила внимание, что никаких старинных дверей в знакомом здании действительно нет...

Оно уже перестало её пугать – Жанна поняла, что если где-то и есть двери с медными вывесками под старину, то только в её снах, и вполне успокоилась, уверившись, что совсем не больна, а просто немного запуталась, потому что в последнее время плохо спала. Эта мысль – о том, что она здорова и ничем не страдает, – придала ей столько уверенности и радости жизни, что с некоторым добродушием глядела она теперь на бабулины часы, совсем не боясь, что они могут зазвенеть посреди ночи.

А они и продолжали звенеть! Но, слыша их, она уже даже не открывала глаза, а просто думала: «О, полпервого! Спим дальше», и снова спокойно засыпала...

Глава 2

«Погода немного сероватая, хмуренькая. Но ничего – возьму весёлый зонтик!», – решила Жанна, в очередной раз собираясь на работу. Она не особо любила дождь. Солнце, яркое, во всё небо – вот это была её стихия, а не мокрота и серость. Но последние дни паники и страха, а потом резкий перепад совсем в другую сторону – к пониманию, что со здоровьем всё отлично, – подарили ей такую уверенность в себе, что в этот раз даже такая погода не могла испортить ей настроения. Она была довольна и как никогда в этом мире ощущала себя такой живой, такой любопытной и смелой!

Жанна уверенно шла по центральной улице и знала, что впереди будет знакомое здание – то самое, которое иногда ей снится. Оно и понятно – она ведь почти каждый день ходит одной и той же дорогой на работу, а значит, хоть никогда и не всматривалась в него специально, оно всё равно могло врезаться в память... «Это не страшно, что оно вдруг стало такниться...», – успокоительно подумала она, проходя и чуть ли не улыбаясь своему бодрому настроению и тому, что она так прекрасно умеет самой себе всё объяснить.

Она даже не стала отводить взгляд, а наоборот, решила ещё раз внимательно осмотреть фасад. Ей было любопытно: а нет ли сегодня двери?..

А дверь была!.. – старинная, с медной вывеской сверху, немного поцарапанной, с кое-где зеленоватыми буквами, и потёртой массивной ручкой из красного дерева...

Жанна остановилась. «Если на самом деле в этом здании нет таких дверей – а их там нет, я видела фотографии... – то, значит, сейчас мне всё это снится, – с интересом подумала она и вдруг хитро добавила, – но раз я сплю, зачем тогда мне идти на работу?..». Тут она внимательно посмотрела на свои руки и повертела ими перед лицом. Проходящий мимо мужчина усмехнулся, видя её ребячество, и, смутившись, она сразу отвернулась, делая вид, что вовсе ничем таким и не занимается.

«Всё так реально... по-настоящему. Вдруг это не сон? Что, если я действительно опоздаю на работу и меня уволят?», – испугалась она.

Жанна нерешительно постучала туфелькой по тротуару, пытаясь придумать, как поступить, а взгляд её вновь упал на вывеску. Всмотревшись, она увидела, как нацарапанные медные буквы будто стали чётче: «*Fortunam suam quisque parat*¹».

«Хм... Интересненько, что это значит... Но, пожалуй, пойду-ка я всё-таки на работу, а то уволить могут», – будто оправдываясь перед старинной дверью, подумала она.

Но не успела Жанна пройти и пары шагов, как серое небо резко почернело и раздался такой гром, что она кинулась под вывеску, сразу поняв, что сейчас хлынет дождь. Небо воды действительно не пожалело, и, решив спокойно открыть зонтик в укрытии, Жанна юркнула за дверь.

«Невероятная погода!», – подумала она и, словно в ответ своим мыслям, услышала вдруг добродушный голос:

– Да, погода сегодня шепчет!

Обернувшись, она увидела за стойкой старого знакомого – того самого странного продавца, который напугал её в этом магазине. «Ну, *тогда* напугал... когда мне это снилось в первый раз...», – немного огорченно вспомнила Жанна, что это был не самый лучший сон в её жизни – в то время, когда она считала, что не здорова.

– Вообще-то там ливень! Если б я сюда не забежала, уже точно промокла бы вся! – не удержавшись, сварливо ответила она, с неудовольствием глядя на него.

– О, там ливень? А у нас сегодня погодка прямо шепчет! Щебечут птицы, льётся солнца свет, цветут ромашки много-много лет... – пропел продавец. И, видимо, он был так рад хорошей погоде где-то «у нас», что начал в такт своей мелодии раскачиваться из стороны в сторону. – Как ваше настроение, барышня?

Жанна посмотрела на него с изумлением.

– А вы знаете... Мы ведь с вами уже встречались... – осторожно начала она, пытаясь подобрать слова.

– Да, несомненно, это несомненно! Встречались, вот тут, в этом самом месте и встречались!

– И вы знаете, – медленно добавила она, – в прошлый раз вы меня напугали.

– Разве? – неожиданно он перестал качаться и, облокотившись обеими руками на столешницу, посмотрел так пристально, что Жанна очень сильно засомневалась в своих же ощущениях: «Ну как можно было решить, что он ненормальный?! Он ведь так серьезен...», – подумала она. И тут же перебила саму себя: «Ничего себе, серьезен! А что это за песня сейчас была?!», – Жанна снова всмотрелась во внимательные глаза и поняла, что ощущает нечто подозрительное: что её или разыгрывают, или обманывают.

– А знаете, что! – вдруг резко всплила она, сама от себя не ожидая подобной смелости – она ведь всегда со всеми людьми была мила, никому обычно не противоречила и уж точно не конфликтовала. «Золотой характер», – как-то окрестила её школьная учительница, и до сих пор Жанна очень даже этому верила.

¹ *Fortunam suam quisque parat* – Свою дорогу каждый находит сам (лат.)

– А что?! – прищурился в ответ продавец, но тут сразу было видно, что он просто отшучивается, принимая эту игру.

«В конце концов, если это мой сон, то я могу говорить всё, что хочу!», – решила она и тут же спросила вслух:

– Вот скажите: могу я говорить всё, что хочу?

– Несомненно, но...

– И ругаться могу? – Жанна стукнула по столу, зная, что в своём собственном сне обязательно услышит то, что хочет. – И ударить?..

Она уже смаковала такую идею: прийти всё-таки на работу, да как навести там свои порядки!..

– Милая барышня, вы сегодня чрезвычайно остроумны! – с лёгкой улыбкой ответил молодой человек. – Всё же позволю себе дать вам небольшой совет: говорить всё, что хочется, можно только там, где тебя не слышат, и только тому, кто тебя на самом деле не поймёт. А то бед не оберётесь... А вот ударить... – ударить можно, если сами хотите получить удар.

Жанне стало стыдно. Она хотела тут же обсмеять продавца, чтобы замять тему, но вдруг сказала немного обиженно, как ребёнок, у которого забрали вещь, которую он начал считать своей новой игрушкой:

– Но ведь это *мой* сон! Разве я не могу поступать, как хочу?

– Сон? – повторил тот. – Что ж, философский подход... В какой-то степени, конечно, – все мы немного спим. Но, боюсь, даже во сне можно кого-нибудь обидеть или оскорбить. Да и зачем поступать во сне так, как не поступил бы наяву? Разве во сне подлый будет благороден? И разве благородный сможет совершить подлость только потому, что он спит?

Жанна задумалась.

– Наверное, вы правы, – нехотя признала она, стыдась посмотреть ему в глаза. – Мне неловко, что я как будто с цепи сорвалась. Знаете, просто я так устала за последние дни... Волновалась. Вас испугалась в прошлый раз...

– Это ничего, – добродушно ответил он. – Я ведь понимаю – вы сегодня впервые сюда зашли. А я тут и стою для того, чтобы встречать. И провожать.

– Впервые?

– Ну, впервые после того раза, – улыбнулся он, видя, что она снова в замешательстве.

– Ааа, – протянула она и снова повторила. – Да. Я испугалась.

Она ещё раз оглянулась и медленно пошла к двери. Ей всё ещё было очень неловко.

– До свидания, Жанна! – вдруг кинул ей молодой человек.

Это прозвучало так ненавязчиво, так по-доброму, что она обернулась и, держась за потёртую ручку, спросила:

– А вас как зовут?

– Вильтон.

Он смотрел мягко и пронзительно одновременно. Она кивнула на прощанье и вышла, прекрасно понимая, что в её собственном сне все могут знать её имя. Это ведь *её* сон.

Жанна всё-таки решила привести коллег в чувство и отправилась на работу. Правда, единственное, что успела, – это положить сумку на стол, а заодно и увидеть целую кипу листов в рабочей папке. Вокруг было тихо, и ей стало так скучно, что она вдруг услышала звон будильника...

Она открыла глаза.

«Дзинь, дзиньк!». Часы чему-то были явно довольны – они сразу перестали звенеть, хотя она до них даже не дотронулась.

Жанна вытянула перед собой руки и всмотрелась в ладони. Ничего особенного – они выглядели, как всегда. Как и тогда, недавно – во сне.

Она спокойно собралась на работу. Неспешно позавтракала. Одела красивое платье, но радости оно ей не прибавило. Было грустно – идти по улице, видеть этих людей, таких разных и незнакомых, и не иметь возможности никому ни рассказать, какими красивыми и реальными бывают сны, ни спросить что-нибудь странное, ни услышать что-нибудь необычное...

– ... а его звали Вильтон... – попробовала она рассказать менеджеру Марине немножко, но та смеялась так, что Жанна закусила губу и замолчала.

Рабочий день прошёл скучно, да и попытка сходить в кино настроения не прибавила – там тоже было неинтересно.

– Что с тобой? – жуя попкорн, уточнил надоедливый приятель, на что в ответ получил почти искреннее:

– Устала. Не высыпаюсь давно уже...

Произнеся это, Жанна даже сама удивилась: а ведь действительно, вот он, ответ – усталость от недосыпа. «Так надо пойти и поспать!», – решила она и быстренько поспорила с молодым человеком, чтобы спокойно отправиться домой и лечь в кровать.

Она снова стояла у деревянной двери и смотрела на вывеску: «Fortunam suam quisque parat». Немного поцарапанная старая медь, начищенная до блеска... Жанна медленно провела ладонью по ручке и осторожно вошла.

– Здравствуй, Вильтон! – с некоторой робостью позвала она мужчину, который переставлял на полках коробочки.

Он обернулся и широко лучезарно улыбнулся.

– Привет, Жанна! Рад, что смогла так быстро вернуться – ты вчера так внезапно ушла.

– Ну, мне было неловко, – помедлив, доверчиво ответила она. – Я ведь наговорила всяких глупостей. Кстати, я думала, ты вчерашний день не запомнишь...

Вильтон усмехнулся.

– Считай, что забыл! На самом деле секрет прост: если хочешь, чтобы другие люди забыли о тебе некоторые вещи, сама о них забудь.

– Нет, я как раз хочу всегда всё помнить – это гораздо удобнее. А что ты делаешь?

– Да вот, саламандр сушёных привезли. Собираюсь выложить для продажи, а тех, что были, пожалуй, испепелю.

– Как это?

– В порошок, чтобы удобней было... Тебе нужен? Отдам со скидкой. А, ладно, что там! – подарю, за знакомство!

Жанна передёрнула плечами.

– Пожалуй, не стоит.

– Ты всё ещё хочешь туда войти, да?

Вильтон добродушно на неё уставился.

– А что, так заметно?

– Ты постоянно на неё смотришь.

– Разве?... – удивилась она и снова мельком глянула в сторону светящейся двери.

– Да это и очевидно – раз ты не хочешь ничего купить и всё равно приходишь сюда, значит, ты хочешь *туда*.

– А что мне *там* делать? – спросила она, неловко потирая руку.

– Сама смотри, – пожал он плечами. – Гулять, думать, дышать...
– Всё то же, что и здесь?
– Конечно. То же, что и здесь. Жизнь везде одинакова.
– А почему тогда она у всех разная?
– Так это сами люди и разные. Каждый выбирает сам, как он будет выживать.
– *Выживать?*..
– Грубо звучит? Но всё идёт именно к этому. К тому, как выжить среди таких же.
– Ты говоришь загадками... – ответила Жанна и тут же вспомнила. – Кстати, о загадках: там, над дверью, слова. А что они означают?
– О, *Fortunam suam quisque parat*. Эти, да? Это просто: «Свою судьбу каждый находит сам».

Она рассмеялась – нет, не из-за вывески, хотя та и показалось ей странной. Просто ей почему-то было так хорошо, что хотелось улыбаться.

– Любопытное название... А, может, ты и прав? Что, если я – войду? – она повернулась к необычной двери. – Там открыто?

– Да, открыто. Но я должен предупредить...

– Конечно! Сколько стоит вход? – пошутила она, но Вильтон даже не усмехнулся, видя, что она не замечает серьёзности его слов.

– Вход не стоит ничего, ведь ты его нашла сама и, значит, можешь им воспользоваться. Но помни: если хочешь успеть вернуться, ты должна прийти, пока не закончится твоё время. Ты знаешь, что такое – *твое время*?

«Наверное, он про то, когда я просыпаюсь...», – догадалась Жанна в лихорадочном вихре мыслей о том, что же скрывает собой такая дверь.

– Да-да, знаю! Встану, когда будильник прозвенит, и на работу успею... Всё нормально!

– Тогда не забудь об этом. Конечно, если для тебя это действительно важно!

Она улыбнулась, чтобы не показаться невежливой, но сама, не отрываясь, глядела на дверь: сияние стало ещё прекраснее, таинственнее, нежнее... Волны призрачного света колыхались, а ручка начала светиться, будто предлагая, чтобы ей воспользовались...

Жанна шумно выдохнула. Каждой клеткой она ощущала, что за такой великолепной дверью должно быть что-то не просто из ряда вон выходящее, но нечто бесконечно прекрасное и необъятно чарующее. И она обязательно должна была это увидеть!

Она протянула руку и открыла её. И сделала шаг вперёд – туда, навстречу неизведанной красоте...

Сначала Жанна зажмурилась – так ослепительно после тёмных углов магазина ударил в глаза яркий свет. Яркий солнечный свет раскалённого добела горячего летнего дня.

Открыв глаза, она открыла заодно и рот: перед ней оказалась самая настоящая улица, яркая и очень красивая. И было так свежо! – как будто в грудь Жанны резко вдохнули новую жизнь, о которой она не подозревала. У неё на миг даже закружилась голова, и потому она сразу поняла, что ей только показалось, будто из руки прохожего внезапно вылетела огромная птица и унеслась в небо. Правда, головокружение прошло быстро, и списать на него остальные странности не удалось, так что, увидев громкую группу молодёжи, которая явно забавлялась тем, что каким-то образом заставляла воздух над головами, окрашиваясь в разные цвета, принимать формы различных предметов, Жанна пошла в другую сторону, чтобы больше ничего такого ей не привиделось.

Проходя мимо кафе, она остановилась, заметив, что огромные буквы шикарной вывески висели прямо в воздухе: она бы поклялась, что они ничем не крепились к зданию!

А за большим прозрачным окном Жанна видела людей, к которым просто летели дымящиеся чашки... Мимо её собственной головы внезапно пронеслось что-то светящееся, но когда она обернулась, то ничего необычного рядом не оказалось – только пробежавшие дети, схватив, что-то зажали в кулачке. Ещё раз оглянувшись на них, она пошла дальше, но тут вдруг резко отшатнулась: ей почудилось, что прямо в лицо летит нечто огромное, будто ворон невиданных размеров.

– Осторожнее!

Светловолосая девушка, с которой она столкнулась, поднималась с тротуара, не обращая внимания на протянутую руку.

– Я случайно, простите! – попробовала Жанна сгладить неприятность, но та, не отвечая, критично осматривала испачканное платье.

– Вы всегда на людей кидаетесь? – уточнила она, закончив осмотр и подняв на неё взгляд.

– Вот впервые, получается... – попробовала та пошутить, но блондинка весьма пристально на неё уставилась, так что Жанна даже почувствовала какой-то холодок, пробежавший по коже.

– И вы не собираетесь это исправлять? Я сама должна?!

Жанна смутилась. Оглянувшись и поняв, что проходим до них нет никакого дела, она дотронулась до испачканного подола, чтобы почистить, но та возмущённо выдернула его.

– Вы с ума сошли?!

– Как же... И что я, по-вашему, должна сделать? – теперь уже возмутилась Жанна: и извинения её не приняли, и попытку помочь – тоже. «Может, она хочет денег? На химчистку...», – подумала она, пытаясь вспомнить, сколько у неё с собой в сумочке.

– А вы что, по-другому не умеете? – настороженно спросила та.

– А *как*? – ещё осторожней уточнила Жанна, видя, что её, кажется, принимают за ненормальную, как недавно она сама – Вильтона.

– А вы – кто? – девушка медленно обошла её со всех сторон, будто пытаясь разобратся, что это за экспонат.

– Человек, – помедлив, ответила Жанна, мельком скосив взгляд по сторонам, чтобы она не заметила её растерянности, и пытаясь вспомнить, в какой стороне находится магазин с хотя бы немного знакомым продавцом.

– Держи его!

Мимо пробежали дети, и Жанна снова отшатнулась, потому что в этот раз прямо на неё летело *нечто*. Оно было похоже на призрака – так, как она могла бы себе его представить, спокойно сидя в кресле у потрескивающего огонька, за чашечкой горячего кофе... Конечно, если бы знала, что призраки существуют, и если бы у неё был свой дом, уютный, с камином...

Она так крепко задумалась, будто вовсе не задумалась о настоящем, а спустилась в далёкие воспоминания, и незнакомке пришлось её даже окликнуть.

– Вы что, в детстве никогда в это не играли?

Жанна мотнула головой, облегчённо вздохнув, – значит, *это* видит не она одна!

– Так вы не отсюда? – догадалась блондинка. – И не можете почистить мне платье вот так, прямо сейчас, да?

– К сожалению... – не совсем понимая, пожала плечами Жанна.

У той сразу пропало всякое возмущение, и почти с какой-то гордостью она легко и спокойно провела, что-то шепча, рукой по платью – и пятно вдруг просто исчезло!

– Вот так-то! Понравилось?

– Ещё бы! А как это? – изумилась Жанна.

– А вы из какого мира? Кстати, меня Манди зовут, а вас?

– Жанна, – удивилась она, что та не знает – в её-то сне... – Я из... Как бы объяснить... Вильтон мне дверь открыл...

Она махнула рукой в сторону магазина. И поняла, что уже незаметно потемнело, – похоже, здесь тоже собирался дождь.

– И мне пора идти... – неловко добавила она, видя, с каким интересом Манди на неё глядит. Но та ничуть не расстроилась и даже фамильярно схватила её под локоть, как лучшую подружку.

– О, я провожу! А тебе точно надо уходить? Может, останешься? Если ты только-только зашла, то тебе должно быть очень интересно. Тут столько всего! – беззаботно ворковала она, но Жанне стало слишком прохладно и оставаться здесь не хотелось. Видимо, погода понемногу менялась, да и про работу она вспомнила: «Скоро же вставать...».

Они быстро дошли обратно, к знакомому Жанне зданию.

– Ты ещё придёшь? Мы погуляем, я тут всё тебе покажу? – просительно смотрела на неё Манди. – Может, завтра? Я буду здесь в это же время. Найди меня?

Жанна схватилась за ручку двери и на прощанье улыбнулась. «Я постараюсь», – подумала она, но вслух не произнесла. Ей почему-то всё ещё было некомфортно и к тому же казалось немного странным – почему Манди не знала, как её зовут?.. «Ведь Вильтон знал. Вот он, стоит такой серьёзный, что-то говорит...» – подумала она. – Наверное, так нелепо выгляжу!», – конечно, лицо её от всех этих новых впечатлений сейчас просто горело! Выйдя из магазина, Жанна тут же полезла в сумку за зеркальцем, чтобы посмотреться, но, вытянув что-то и разжав ладошку, увидела только знакомое стекло – за промелькнувшим зелёным блеском она заметила стрелки часов. «Дзинь...».

– А её звали Манди, представляешь? Там всё так натурально! – Жанна снова отхлебнула кофе, заваренный покрепче, чтобы наконец-то получше открыть глаза – всё-таки начальник не одобрит, если увидит, как она зеваает на рабочем месте.

– Ну конечно, *натурально!* – поддразнила Маринка. – Скажешь тоже! Как будто птицы, вылетающие из рук, призраки и вывески в воздухе – это обычное дело! Это просто сон. И ты, видимо, хорошо живёшь, раз такие цветные сны видишь! Вот я, например, после работы так устаю, так устаю... что даже пара бутылок пива в ночном клубе не помогает расслабиться.

– Ты бы лучше вместо клубов домой пораньше приходила – тогда бы и высыпалась, и уставала бы меньше, – посмотрела на Марину старшая по отделу, Саша. – А вот ты, наверное, в офисе не очень-то урабатываешься, потому и спишь долго... – с намёком положила она сверху стопки документов на столе Жанны ещё одну папку.

– Уже доделываю! – пробурчала та, быстро опуская глаза в невероятно скучные, серые своей бесполезностью листы.

К вечеру она, наконец, окончательно проснулась, да от радости, что новый рабочий день скоро окончится, так похорошела, что даже немногословные системные администраторы сделали ей пару комплиментов.

Обратно домой она чуть ли не летела. С особой гордостью и удовольствием она прошла по знакомой, уже немного родной улице – той самой, где во сне в старинном здании находился магазин, принесший ей столько новых впечатлений.

Медленно, со вкусом ужиная, она наслаждалась мыслью, что нудный рабочий день закончился и теперь она предоставлена самой себе – может отдохнуть, как хочет,

пораньше лечь спать и понежиться в кровати. А там, возможно, ей снова что-нибудь приснится...

Вильтон дружелюбно улыбнулся, когда, радостная, она вметнулась в дверь. Жанне даже удалось заметить чью-то спину за только что хлопнувшей старинной дверью со свечением, у стены.

– Я тоже туда хочу! – сразу выпалила она, поняв, что не она одна любит ходить в ту сторону. – А кто это был?

– Да так, периодически проходят тут... – уклончиво ответил он. И, заметив её недоумение, объяснил. – Мне нельзя обсуждать тех, кто через меня проходит. Только, если поступит распоряжение от руководства...

– О, у тебя тоже есть начальство? – с любопытством спросила она. Вильтон усмехнулся.

– Стоял бы я тут, если бы это никому не было нужно... У каждого своя работа.

– Да, это точно! Только у некоторых она слишком скучная и нудная, – буркнула Жанна.

– Тебе не нравится твоя работа?

– Перебирать скучные бумажки? Звонить незнакомым людям, чтобы другие незнакомые люди получили с этого выгоду? Нет, мне не нравится моя работа.

– А твой мир? – внимательно посмотрел он, даже отложив в сторону коробку с травами, которые перебирал.

– А что – мой мир?

– Он тебе нравится?

«Какой странный вопрос...». Жанна растерянно пожала плечами.

– Никогда об этом не думала. Это ведь моя обычная жизнь.

В воздухе повисла пауза. Вильтон молчал, будто ждал, что она ещё хорошенько поразмышляет. Но она задорно улыбнулась:

– Я могу войти в дверь, которую сама же и нашла?

– Конечно, – усмехнулся он, вспомнив, что это были его же слова, но взгляд его всё равно остался немного озабоченным. Правда, Жанна нисколько этого не заметила – она уже стояла у двери, собираясь её открыть.

– Постой!

Это прозвучало так строго, что она резко обернулась, не дотронувшись до ручки.

– Просто хотел напомнить: если твой мир дорог тебе, ты должна успеть вернуться!

Она облегчённо вздохнула.

– Конечно. До звонка будильника – правда? Я помню.

Вильтон, кивнув, проводил её пристальным взглядом. А когда она вышла, достал новую коробку со свежими поступлениями трав, чтобы продолжить свою работу.

А Жанна уже шагала по улице. «Как тут красиво!», – думала она, оглядываясь. Клумбы с необычными цветами словно дышали. Она даже подошла ближе, чтобы рассмотреть: каждый цветок, каждый бутон вдыхал и выдыхал, как живой. Они шевелились, и это было так чудесно! – как будто качались цветные волны... Налюбовавшись, она оглянулась, вспомнив, что в прошлом сне с ней обещала погулять Манди. Но той пока нигде не было видно.

«Зачем обещать, если сам не собираешься выполнять своё слово?», – обиженно подумала Жанна. Нет, ей не особо понравилось, что Манди с ней фамильярничала, и гулять она вполне могла и сама... Просто хотела, чтобы обещания выполнялись, тем более в её же собственном сне!

Жанна ещё раз огляделась и пожала плечами. Ей было всё равно, что вокруг идут люди и некоторые с удивлением заметили её жест – это неважно, пока она спит. Вот если бы она была на работе... «О нет! Никакой работы, никакой работы!», – мысленно воскликнула она, вспомнив, как там скучно, и кинулась вперёд, торопясь набраться новых впечатлений, пока злостный будильник не решился снова её разбудить!..

Она шагала по улице и широко улыбалась. Ей это нравилось – вокруг было чудесно, погода была прекрасная! Так хотелось просто дышать этим воздухом и наслаждаться этой свободой – когда ты никому ничего не должен, когда ты можешь спокойно оглядывать всех людей, не боясь, что это кто-нибудь заметит. «Здесь же всем всё равно, это ведь сон...», – довольно отметила она, во все глаза осматривая прохожих.

Тут она остановилась – в глаза попало резкое сияние и тут же исчезло: это упало солнце на окно-витрину старинного кафе с вывеской, висящей в воздухе.

Решив, что сейчас можно и кофе спокойно попить, Жанна вошла внутрь.

– Вот это местечко! – не удержавшись, воскликнула она так, что некоторые посетители даже оглянулись.

Место действительно было примечательным! Старинные дубовые столики, очень аккуратные, кое-где – с весьма искусной резьбой, создавали не столовые уголки, а круги вместе с уютными сиденьями-скамьями, внешне напоминающими недлинное бревно. Кое-где пространство за сиденьями было огорожено по кругу самыми настоящими стволами деревьев и прелестно украшено ветвями – это были места для тех, кто хотел скрыться от чужих глаз.

На каждом столе, как и на широких дубовых подоконниках, стоял небольшой фонарь, в котором за маленькой дверцей трепетал огонёк свечи. Никакой паутины, никаких пауков, саламандр и лишних коробок, которые были в помещении Вильтона, здесь не наблюдалось.

– Несомненно, у нас просто великолепно! – тут же обратился к Жанне администратор. – Заказывали столик? Хотите знатно пообедать или, быть может, просто перекусить?

– А кофейку у вас можно? – не ожидая отказа, она мысленно примеряла, куда присядет. – Может быть, сюда?..

Жанна направилась к столику у окна и даже улыбнулась проходившему мимо парню. Правда, тот не обратил на неё внимания – в это время он прятал деньги в кошелек. Тут она вдруг смутилась – ей показалось, что она никогда не видела таких купюр.

– Простите... – замялась она, почувствовав внутри небольшой холодок. – Боюсь, я немного... не местная... А чем можно расплатиться, что тут в ходу?

«*Не местная?*.. – мысленно передразнила она себя. – Как можно так глупо говорить, да ещё в своём же сне?!».

Администратор посмотрел на неё хоть и внимательно, но с пониманием, и достал из кармана пару банкнот.

– Вот такие деньги. Монеты показывать не буду, их слишком много... А вы и по бумажным поймёте, что у вас такие есть... Видимо, нет?.. – увидел он, с каким интересом она их рассматривает. – Вы здесь первый день?

– Второй.

– Как интересно! – с ещё большим вниманием посмотрел он на неё.

– Почему? – внезапно с тревогой Жанна поняла, *что* тут кажется ей таким странным – и вчера, и сегодня: слишком уж всё вокруг... обычно. «Почему они говорят со мной так, будто не снятся мне, а сами тут... живут?», – снова почувствовала она холодок, пробежавший по телу, но тут же забыла своё беспокойство, видя доброжелательный взгляд.

– Ну, знаете, это такая редкость – к нам редко заходит кто-нибудь, кто не знает нашего мира.

– Почему? – уточнила она и догадалась, что спросила какую-то глупость – на его лице было написано такое недоумение, будто он пытался решить: а в своём ли она уме...

– Как же... А как к нам ещё кто-то может зайти? Это ведь... не всем дано, – пожал он плечами.

Жанна задумалась и ещё раз огляделась. Не найдя объяснения его словам в окружающей обстановке, она поднялась.

– Тогда, пожалуй, я пойду. Раз денег на оплату у меня нет...

– Милая девушка, присядьте! – улыбнулся он ещё доброжелательней. – Я с удовольствием угощу вас нашим фирменным кофе. Тем более что сегодня в городе такой праздник!..

– Но я не знаю, когда смогу вам заплатить.

– Это неважно, это ведь *угощение*. Потом, когда определитесь, что вы тут делаете, может быть, ещё зайдёте к нам, – подмигнул он, и Жанна присела обратно.

Через несколько минут перед ней стояла высокая кружка дымящегося напитка с шоколадно-кофейной пеной и изумительным запахом.

– Коричная палочка, немного базилика и ещё пара пряностей, – пояснил он, заметив её восхищение. – Ничего, что я сам принёс? Я присяду?

Жанна кивнула, пробуя горячий шедевр. Администратор присел напротив.

– Вообще-то я не должен себя так вести, но очень уж вы интересная девушка!

– Разве? – довольно улыбнулась она. – А кто должен приносить заказ? Официанты?

Она огляделась, чтобы увидеть хоть одного, но поняла, что заказы шли к посетителям своим ходом – по воздуху, без чьей-либо помощи.

– Официанты ожидают вон в той комнате, – указал он. – Как только заказ на кухне готов, они переправляют его клиенту, но сами лишний раз не нарушают его покой, если только их специально не позовут, – пояснил он, и Жанна сразу заметила, что на столе у светильника стоит и маленький колокольчик.

– Это так хорошо придумано! – с одобрением отметила она, продолжая с удовольствием осматриваться.

– А меня, кстати, Арсени зовут, а вас?... – немного неловко провёл он пальцем по карточке с именем на своей фирменной куртке в цвет вывески кафе.

– Я – Жанна, – ответила она, опять ощутив какую-то тревогу. – А разве вы не знали, как меня зовут, когда я пришла? – вдруг сорвалось с языка. Арсени удивлённо улыбнулся. – А почему тогда Вильтон знал?

– А кто это – Вильтон?

– Ну, он мне открыл дверь... сюда, в этот мир, в котором у меня нет денег, похожих на ваши, – попыталась Жанна объяснить, и тот, кажется, наконец-то понял.

– Как интересно! Проводник, что ли? Никогда бы не подумал, что в наше время они ещё есть!

– Проводник?

– Да. Тот, который стоит между мирами и пропускает, куда надо.

– А куда – надо? – настороженно уточнила она, всё чаще подумывая – а можно ли так долго видеть один и тот же сон?..

– Ну, куда открыт вход. Как иначе-то...

– А почему вы удивились, что я пришла *оттуда*? – рискнула она спросить ещё.

– Так вы первая такая, кого я вижу.

– Хотите сказать, больше никто не проходит? – она хотела показать, что знает гораздо больше, рассказав, что сегодня в дверь проходили и другие, но Арсени усмехнулся.

– Нет, проходят многие – кому по делам надо, кто просто гуляет... Только никто обычно не говорит об этом так громогласно.

– В смысле?

– Ну, зачем это афишировать? Кто куда ходил; кто кому что открыл... Это же как... личное дело каждого, кто на что горазд. А что, если беда случится?.. Тут такие способности скрывают, чтобы никто чужой не знал... – последние слова он сказал уже тише, чуть наклонившись к ней.

«Как странно, – подумала Жанна. – А Манди тогда так радовалась... Видно, пареньку скучно администрировать-то день за днём, вот и ищет везде тайны».

– Я это учту, – вежливо произнесла она вслух и поднялась. – Спасибо за кофе! Вкусный очень.

– Заходите ещё, как время будет!

Арсени проводил её до двери. Простившись с ним, Жанна напоследок окинула быстрым взглядом кафе и увидела, как пустая кружка из-под замечательного кофе медленно удалялась по воздуху в ту комнату, где, как он говорил, ждут официанты.

Выйдя на улицу, она немного прошлась вперёд и, убедившись, что теперь её не должно было быть видно из окон кафе, полезла в сумку, чтобы проверить кошелек.

«Как жаль, что они сами – такие, как обычно... – грустно поняла она, что купюры как были вполне знакомыми, так и остались. А ведь могли бы в её сне стать более подходящими случаю! – Где бы их поменять?».

Она оглянулась в надежде, что тут же где-нибудь увидит надпись: «Обмен валюты». Но ничего не произошло – ниоткуда не появилось кассы, нигде не образовалось двери... Ей даже стало как-то скучно. Жанна подняла голову вверх и засмотрелась на небо – глубокое, голубое.

– Оно отражается в ваших глазах! – вдруг услышала она совсем близко.

Опустив голову, она тут же встретила взглядом с молодым человеком – очень прилично одетый, он был в тёмно-сером, в едва заметную крапинку сюртуке, чуть длиннее обычного, очень элегантном.

– Простите?.. – переспросила она, не сумев сдержать улыбку. Ещё бы! – здесь все-все обращали на неё внимание. «Как приятно! – довольно подумала Жанна. – А то на работе каждый день одно и то же: единственные три мужчины постоянно сидят, уткнувшись в монитор, и не то, чтобы не говорят, но даже не смотрят на меня!..».

– Небо так красиво отражается в ваших глазах, словно было создано лишь для этого, – повторил он. – Кстати, у вас очень необычный оттенок...

– Тёмно-серый, – зарделась она от удовольствия.

– Уверены? Мне кажется, серый с голубым... А сейчас, когда вы смотрите с таким интересом, почти небесный, очень красивый... – похоже, совсем серьёзно ответил он, но Жанна засмеялась.

– Знаете, мне даже как-то сказали, что у меня зелёные глаза, – поделилась она.

Тут он тоже почти улыбнулся, но сдержался, чтобы не потерять лицо.

– Когда вы сказали про тёмно-серый цвет, я сразу понял, что у вас очень хорошее настроение! – вежливо ответил он. – Конечно, ваши зелёные глаза так прекрасно вливают в себя небесный цвет, что только кажутся голубыми!

– Вы серьёзно? – смутилась она, но он и не думал шутить и лишь галантно поклонился.

«Невероятно! Рассказала бы ему про Вильтона, который тоже говорил мне о зелёных глазах, но после слов Арсени никому не стану упоминать о нём, даже во сне!.. Только

Маринке, может, ещё расскажу... если смеяться не будет», – снова вспомнила она про коллегу. И тут же всполошилась.

– Мне ведь надо на работу! – произнесла Жанна вслух, будто оправдываясь перед незнакомцем за желание уйти.

– В такое время? Разве вы не гуляете? – быстро, обеспокоенно переспросил он.

– А откуда вы знаете?

– Просто предположил. Догадался или понадеялся, если хотите.

– Ну, мне надо... Ещё не прямо сейчас, конечно, но скоро надо будет уйти, – вспомнила она наставления Вильтона о том, что не должна опаздывать. «Хотя – куда опаздывать?..», – подумала она недоуменно.

– Тогда могу я сейчас вас куда-нибудь пригласить?

– Боюсь, у меня с собой нет...

Жанна смутилась и замолчала, теребя замок сумки, из которой торчал краешек кошелька.

– У вас с собой нет денег? Если дело только в этом, а не в том, что я кажусь вам слишком навязчивым, то они есть у меня.

Она облегчённо улыбнулась. «Сразу же было понятно, что во сне всё происходит обязательно так, как мне хочется! А обменная касса, которая не появилась, оказывается, мне просто и не нужна!..».

– Отлично, тогда я с вами!

Он обрадовался, но постарался не подавать виду.

– Любите карусели?

– Никогда на них не каталась. Точнее, почти никогда – мне кажется, что в детстве, когда-то давно, на голубой лошади в розовую крапинку... – запуталась Жанна и, чтобы немного выкрутиться, засмеялась. – Но я почему-то этого не помню... А мы пойдём на карусели?

– Конечно, если вы не против, – подтвердил он, а она немного нахмурилась:

– Пешком? – ей вдруг так захотелось *уже* оказаться на аттракционах, что она не желала никуда идти, а хотела вот прямо сразу очутиться там, где надо!

– Можно и по-другому...

Он отошёл к дороге и сделал несколько движений руками.

Жанна растерянно оглянулась, решив, что это странное действие привлечёт слишком много ненужного внимания со стороны, но всё же ничего страшного не произошло: никто не смеялся и даже не удивлялся, будто все прохожие в любой момент могли сделать то же самое. А в воздухе у дороги действительно вскоре появилась колесница.

Было видно, что она не просто проявилась в этом месте, а только что приехала – колёса были все в грязи, а у возницы были взлохмаченные волосы. В руках он держал пару поводьев, будто перед ним находились лошади, но, сколько Жанна ни всматривалась в прозрачный воздух, она никого не увидела.

– К площади! Нам на карусели, – сказал мужчина вознице, подав Жанне руку и усадив её на сиденье.

– Будет сделано! Сейчас там весь город. Такой праздник!.. – тот, присвистнув, дёрнул поводья, и не успела Жанна ничего подумать, как оказалась совсем в другом месте.

У неё даже закружилась голова, так быстро перед глазами сменилась картинка.

– Всё нормально? – заботливо уточнил спутник.

– Всё просто чудесно! Мне никогда ещё не было так хорошо! – сказала она и вдруг поняла, что действительно говорит правду. – Никогда раньше так быстро не передвигалась, это как в сказке!

Она так искренне улыбалась, что он тоже усмехнулся этой маленькой детской радости. Впрочем, он, похоже, старался держать себя в руках, так что снова тут же перестал улыбаться и стал выглядеть достаточно сдержанным, только глаза его казались добрыми. Он поторопился расплатиться с возницей, и они бодро направились к площади.

Огромная, она была усеяна разноцветными огнями и украшена клумбами с живыми цветами. По периметру располагалось несколько фонтанов, а самый большой, в виде кита, находился в центре. Периодически он резко выплёскивал высоко вверх целый шквал хрустальной воды, которая разлеталась на множество прозрачных нитей и с гулом падала вниз, иногда – на головы зазевавшихся гуляк и детей, дико радующихся каждому новому мокрому всплеску.

С любого места можно было видеть, что на площади, создавая огромный красочный, сияющий всеми оттенками круг, располагались карусели. Смешение красок, разные цвета мелькали перед глазами, то удаляясь, то приближаясь, кружась каждый по своему пути и постоянно меняя направление – то поднимаясь вверх, к крыше аттракциона, то спускаясь обратно, к земле. Некоторые непрерывно блестели, будто на них высыпали несколько мешков разноцветных блёсток или крошек драгоценных камней, и казалось, что там искрится сам воздух, а не конструкция.

– Я хочу вон к той! – завизжала Жанна, заметив огненную карусель – та была окружена пламенем, через которое попеременно виднелась то одна лошадь с наездником, то другая...

Молодой человек усмехнулся, видя, с какой яркой радостью кинулась она вперёд.

– И не испугаешься? – лукаво спросил он, но ей было всё равно! Жанна даже и не подумала сразу, что этот огонь вполне мог бы быть настоящим... Но как только кружащаяся карусель завершила свой круг и остановилась сменить наездников, она первым делом осторожно протянула руку, чтобы убедиться – в её собственном сне ничего плохого с ней приключиться не может! И огонь действительно не был обжигающе горяч – так, приятно согревал руку и душу!..

Она задорно оглянулась. Молодой человек смотрел на неё с каким-то восхищением.

– Думал, испугаюсь? – поддразнила Жанна его и выхватила только что купленный им билет. – Ой, а какую я сейчас лошадь выберу! Самую хорошую!.. Давай сюда, что ты стоишь?!..

Поманив его за собой, она заскочила на подножку. И вскоре уже обходила всех лошадей, чтобы вдоволь налюбоваться чудным рисунком каждой и выбрать лучшую. Как вдруг остановилась...

– Что такое?

Он подошёл ближе, увидев, что она оторопело замерла.

– Голубая лошадь? – удивлённо произнёс он, заметив, что Жанна, не отрываясь, смотрит на неё. – Интересный выбор... Это, наверное, твоя любимая? Из детства, ты говорила...

«В розовую крапинку... – насторожилась она на миг. – Я ведь... придумала, пошутила... Сказала, что первое пришло в голову... Точно! Я сама творю свой сон! Придумала, что лошадь должна быть голубой в крапинку, и вот она есть! Хотя, кажется, чего-то в ней не хватает...».

– Да, она очень красивая! И такая... родная. А ты куда сядешь?

– Прокачусь за тобой, – подмигнул он, указав на предыдущего коня.

– А я тебя обгоню! – пошутила она, и они уселись.

Разгона карусели долго ждать не пришлось, и вскоре кони понеслись.

Вокруг всё засияло, будто весь воздух и пространство были пропитаны разноцветными блёстками; ветер хлестал в лицо от дикой скорости, но карусель крутилась ещё быстрее и быстрее!.. Пальцы цепко обхватили странно знакомую голубую гриву с жёстким волосом, лошадь, будто настоящая, трепетала под ладонями, и Жанне даже слышалось ржание и нескончаемый топот копыт!.. Она двигалась то выше, то ниже, словно выбирая в воздухе какую-то дорогу, но на самом деле её выбирала сама лошадь. А потом, в какой-то момент, заметила, что даже обогнала кого-то – по этому же самому кругу карусели, но своей дорогой, и это было непередаваемым ощущением!

А после, – и это было самое-самое чудесное, что Жанна только могла представить! – перед ней внезапно появился он: тот самый, что ещё несколько минут назад сидел на коне позади и любовался, как она мчится вперёд. Теперь вдруг оказалось, что он едет прямо ей навстречу, наперекор всем другим лошадям этой карусели, по своему единственно невероятному пути, и не просто так! – в его руках был огромный букет алых цветов, которые, поравнявшись, он бросил прямо в объятия раскрасневшейся от удовольствия Жанны.

– Это нереально! – со знанием дела воскликнула она, когда они, смеясь, сошли с карусели. Конечно, она имела в виду только то, что сны когда-нибудь заканчиваются, но молодой человек понял это по-своему и был очень доволен, что сюрприз удался.

– А теперь... – лукаво произнёс он и замолчал, чтобы спутница сама попробовала догадаться, что же будет дальше. Но такого её ответа он не ожидал:

– А теперь мне пора! – брякнула она, совсем не имея в виду, что прямо сейчас куда-то пойдёт. Просто ей показалось так смешно – что она в своём сне якобы должна идти куда-то обратно, хотя здесь ей так хорошо!..

Она тут же смутилась, увидев, как он помрачнел.

– Уже? Но мы ещё не догуляли эту ночь... Или тебе не понравилось? Я слишком навязчив?

Он твёрдо посмотрел ей в глаза, будто желая прямо и сразу встретить свой приговор. Но Жанна смутилась ещё больше и почему-то вспомнила тот сон, когда ей стало стыдно за свои слова перед Вильтоном.

– Нет, с тобой очень интересно, – поправила она. – Просто время идёт...

– Ещё немного, хорошо? – с надеждой быстро добавил он.

Она кивнула и мельком оглянулась, пытаясь предугадать, куда они пойдут теперь – в толпу весёлых людей на площади, на другие аттракционы или совсем в иную сторону, к магазинам и ресторану, чьи вывески сияли далеко в конце улиц.

– Если неудобно, ты его брось, – перебил он её мысли.

– Кого? – не поняла она, и он указал на её шикарный букет.

– Очень красивый, но нести действительно сложновато, – гордо улыбнулась Жанна, ощущая эту роскошь. – Но бросать, конечно, я такой не буду!

– Да нет, ты его в воздух брось, – с намёком ответил он и подбодрил, видя, что она не решается, – кидай! Тебе понравится!

– Ну что ж!..

Жанна уже так привыкла к сюрпризам, что больше не сомневалась и, чуть размахнувшись, подкинула букет вверх. Он тут же исчез: алые лепестки мгновенно превратились в стаю полупрозрачных бабочек, на фоне тёмного неба показавшихся мерцающим невесомым чудом. Немного покружив над головами, с восторгом следящими за их полётом, они медленно разлетелись по сторонам.

– Невероятно красивые! – выдохнула, наконец, замороженная Жанна.

– Да, как и ты! – ответил мужчина, смотря только на неё, и тут же поспешил добавить, будто решив, что сказал лишнее, – пойдём. Сейчас ты увидишь нечто, ещё более прекрасное...

Он протянул ей руку, и они отправились дальше, к дальним сияющим огням за площадью – это были старинные фонари у набережной. Та гордо держалась полукругом, сдерживая серьёзную речку, чьи границы в этой темноте вовсе не были видны, и только изредка рябь под лунным светом показывала, что вода раскинулась далеко-далеко вперёд.

Здесь не было тихо – празднующих было ещё больше, чем на самой площади.

– А чего все ждут? – спросила Жанна, но молодой человек, крепко держа её за руку, молча продвигался к резному ограждению у воды, чтобы оказаться в первых рядах.

Он не зря торопился – прошло лишь несколько минут, когда они, наконец, замерли у перил, и в небе грянул гром!

Жанна закричала от восторга, но её совсем не было слышно – её голос потонул в общей буре возгласов, когда тёмное небо внезапно прорезали разноцветные сияющие нити! Полетели неведомые, огромные и малые, птицы; промчалось стадо сияющих лошадей и растаяло в глубине небес, а горящие искры от расцветающих невероятных огненных цветов всё падали и падали вниз, но никто не боялся и только протягивал руки, чтобы успеть дотронуться до остатков исчезающей красоты! А потом были вихри и спирали, и бесчисленные лучи, пронзающие тонкие полупрозрачные круги, и сияющий дождь, невероятно отражающийся в реке!..

Жанна жадно ловила дыхание этой атмосферы. Множество людей, которых она видела и на площади, и на набережной, в одиночку и своими компаниями, сейчас превратились в огромную цельную толпу. И это море голосов и душ слилось теперь в единый порыв радости и громогласно кричало об этом счастливом миге! И это зажигало пламенем её собственную душу.

Она очнулась, только когда в небе догорели последние искры фейерверка и люди начали расходиться. Вокруг всё затихло и стало опять темно, и только старинные фонари продолжали дарить свой свет этой ночи.

– Надеюсь, ты не разочарована тем, что всё-таки задержалась, – услышала она над ухом: молодой человек бережно придерживал на её плечах свой сюртук.

– Всё было прекрасно!.. – Жанна хотела сказать ещё много слов, но поняла, что не знает, какими именно можно передать очарование окружающего мира и этого яркого праздника, который она сегодня видела.

– А для меня это был лучший день и лучшая ночь – ведь я встретил тебя!

Он смотрел серьёзно, не отрываясь. И она вдруг почувствовала, как глубоко внутри пробежал огонь – который она никогда раньше не чувствовала.

«Жаль, что ты лишь снишься...», – чуть не сорвалось с её губ, и Жанна резко ощутила досаду: глупо кому-то говорить, что он тебе снится, даже если ты говоришь это во сне!

– Я должна идти, – медленно произнесла она, вспомнив Вильтона. – Я обещала, что буду вовремя. Наверное, мне это надо, иначе он бы не говорил, что я должна вернуться...

– Кто?

– Проводник, – помедлив, ответила Жанна. Она вспомнила, что ещё недавно администратор в кафе предупреждал её не упоминать о своих перемещениях, быть осторожнее, но решила, что в своём сне сама может решать, кому доверять, а кому – нет. И ей не хотелось думать, что такой галантный, приятный молодой человек будет способен причинить ей вред.

– Так ты действительно не из этого мира? – взгляд внезапно показался ей другим – слишком строгим, пронзительным.

Она молчала.

– Я думал, ты шутишь... О таких вещах обычно не говорят, – обеспокоенно добавил он, видя, что она не собирается отвечать, но и не спорит. – Надеюсь, ты ещё не опоздала?

Жанна беззаботно улыбнулась и мотнула головой. «Как можно опоздать в своём же сне?..», – чуть не ляпнула она в ответ, но удержалась. И тут же где-то глубоко внутри ощутила небольшой холодок: «А ведь и впрямь: надо бы уже пойти обратно... Скоро ведь ещё и на работу...».

– А как нам вернуться к кафе, где мы встретились? – уточнила она, немного смутившись.

– Подойдём к дороге и позовём возницу, чтобы отвёз к кафе «Для встречи».

Он замолчал. В воздухе повисла пауза. Теперь, когда веселье окончилось, Жанне стало неловко находиться рядом с незнакомцем, и она не знала, что нужно говорить.

– А можно я куплю мороженое? – придумала она, заметив его в руках прохожих.

– Конечно, на площади большой выбор! – оживился молодой человек, обрадовавшись, что она ещё не торопится.

Но она торопилась. Быстро и уже не так радостно, как раньше, они дошли до аттракционов, и здесь Жанна вдруг предложила ему подождать.

– Хочу сделать тебе сюрприз! – воскликнула она. – Сама выберу тебе мороженое, а ты потом угадаешь, какое!

Он посмеялся вместе с ней и вытащил несколько купюр, чтобы она могла купить то, что захочет. Проводив её взглядом, он быстро направился к разноцветному шатру с воздушными шарами, чтобы ещё раз удивить её, когда она вернётся.

А Жанна, немного пройдя вперёд, оглянулась. Поняв, что теперь её не видно среди людей, она кинулась бежать – но совсем не к высоким резным подставкам, на которых медленно по кругу у центрального крепления пролетали разные виды мороженого, а к ближайшей дороге.

«Так, нужно позвать возницу... Сейчас всё будет!..», – лихорадочно подумала Жанна и для пущей убедительности сделала несколько жестов руками, как делал её спутник, когда вызывал колесницу.

Транспорт действительно не заставил себя долго ждать, и через пару минут она уселась в карету с немного стёртой по бокам дверцы позолотой.

Ещё через пару мгновений Жанна была уже у кафе, откуда припустила бежать по направлению к старинному магазину. Если бы сейчас её остановили и спросили, почему она бежит так быстро, она бы и сама очень удивилась, ведь особых причин для таких действий у неё не было. Тем не менее, Жанна бежала так, будто боялась не успеть на очень важное свидание или на собеседование, успешное прохождение которого могло бы обогатить её на всю оставшуюся жизнь...

Увидев знакомую вывеску, она открыла дверь и вметнулась в помещение. В ушах что-то стучало.

– Там было восхитительно!.. – едва успела выдохнуть она, увидев Вильтона, но он быстро открыл первую дверь и вытолкнул Жанну на центральную улицу её города.

Тут она ещё немного пробежала, но потом вдруг остановилась.

«Я ведь уже успела. Куда ещё бежать-то?..». Она глубоко вдохнула и попыталась восстановить дыхание. В ушах всё ещё что-то стучало, и она прислушалась. А это был знакомый звук: «Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь, дзинь-дзинь...».

Глава 3

Прошедшие рабочие дни казались Жанне очень скучными. Да и ночью особых снов после того раза, когда она была в кафе и на набережной с незнакомым, но таким приятным молодым человеком, она не видела. И даже поговорить о нём ей было не с кем, не с кем было разделить радость от новых впечатлений. Конечно, она сначала попыталась рассказать немного о своём сне подруге Маринке, но быстро закусил губу и замолчала, когда та стала над ней подшучивать, и находиться в офисе оттого ей стало ещё скучнее. Но сегодня был выходной, и это было чудесно!

За окном ярко светило солнце, и Жанна, открыв глаза и подняв голову с подушки, сначала даже дёрнулась, чтобы бодро подскочить с кровати. Но она вовремя вспомнила, что на работу собираться не надо, и медленно, со смаком потянулась. Потом увидела себя в зеркало и широко улыбнулась. А после снова опустила голову на подушку и поняла: как бы ни старалась вести себя так, будто рада новому дню, на самом деле ей уже скучно!

Повалявшись немного в постели, Жанна попыталась представить, что бы такого интересного можно было бы сделать, и, ничего не придумав, наконец, лениво поднялась. Зайдя на кухню и увидев на столе кружку, вдруг поманила её рукой. Конечно, от этого ничего не произошло, и она быстро подошла к столу, чтобы резко схватить кружку пальцами, будто та была виновна в том, что Жанне перед самой собой стало стыдно за свой детский жест!

Весь день она пыталась вести себя, как обычно, но из головы никак не выходил последний сон и тот молодой человек. «Я даже не знаю, как его зовут... – с обидой подумала она. – Конечно, я могу придумать ему имя, но не хочу! Хочу, чтобы оно само у него уже было!».

Тут что-то звякнуло, и от неожиданности она даже вздрогнула, подумав, было, что это будильник... Но это был не он, и Жанна разочарованно взяла сотовый.

– Собираешься? Только не опаздывай, а то без тебя затусим! – весёлый голос Марины ей особой радости не прибавил.

– Собираюсь. И я никогда не опаздываю! – зачем-то добавила Жанна, немного раздражённо, будто сегодня ей не очень хотелось куда-то идти, хотя обычно она и любила танцы...

В клубе она действительно появилась вовремя, как договаривались, но, правда, всё равно последней – остальные коллеги успели оккупировать большой стол и даже сделать заказ, так что тот был заставлен блюдами и бокалами. И как только Жанна оказалась в этой атмосфере бесшабашности и веселья, настроение её резко улучшилось, и она с удовольствием подумала: «Ну, теперь оттянусь по полной!.. Прямо сон в руку!».

На танцполе крутились красивые девчонки и мужчины, уши разрывала громкая музыка, и диджей периодически добавлял жару, всё ускоряя мелодии и крича в микрофон: «Зажигаем!...».

«А как зажигались фонари на набережной... – вдруг мечтательно подумала Жанна. – Идёшь, а они вспыхивают впереди, как будто для тебя...».

– Эй, пойдём танцевать! – дёрнула её Света.

Они выскочили на танцпол. Народу была тьма! Всё вокруг горело в танце и шумело, и Жанне даже показалось: вот оно, счастье! Это движение и шум, что творились вокруг, насыщали её натуру, наполняли удовольствием и радостью жизни.

Но когда они опять уселись на диванчики, она снова с досадой поняла: чего-то не хватает... Какой-то магии, мистики... Той, к которой она уже так привыкла по ночам...

– А может, пора спать? – заикнулась она, но на неё тут же обрушился шквал возмущения, напрочь отбивший всякую охоту ко сну в ближайшие часы!

– А вот мне интересно: чего это ты всё время и спишь, и спишь... Тебе что, жить не хочется? – спросила Света.

– Так она во сне... это... с парнями знакомится! – залилась смехом опьяневшая Маринка, и Жанна покраснела.

– Ого, то-то ты с Федькой всё время ссоришься! Что, хороши новые знакомые? – засмеялись остальные.

– Да какие парни! – с досадой поспешила та оправдаться. – Просто там красиво так снится – кафе, очень хорошо декорированное...

– Ага, и там эта... кружки летают по воздуху... – Марину было не остановить.

– А кому это надо? – изумилась Саша. – Ну вот, девочки, скажите, ну вот будет кто-то, как это... магией заниматься, колдовать, значит... А остальным что делать, должны вечно их бояться и бояться?.. Да и неразбериха тогда будет, с магией-то... А так всё понятно – лежит себе предмет и лежит, или стоит на своём месте. Захотел – подошёл, взял. А не так, чтобы кто-то махнул рукой – и у тебя из-под носа предмет улетел, ведь правда?

Она глядела прямо на Жанну. Может, потому что она и так весь вечер только на неё и смотрела – всё-таки Жанна была трезвей других, а Саша вообще не пила алкоголь, вот и держалась адекватного собеседника. Но той показалось, что обязательно нужно ответить, хоть и не понравилось обсуждение её снов.

– Наверное, ты права, – подумав, произнесла она, наконец, и даже сама вдруг себе поверила.

«И впрямь, зачем нужно, чтобы по воздуху над столом летали кружки? Так не заметишь и столкнёшься... – мысленно продолжала она размышлять. – И к чему эта неразбериха, когда тут, в реальности, всё гораздо понятнее? Когда тебе дарят цветы, и они остаются у тебя осязаемые, а не превращаются внезапно только в воспоминания!...»...

– Если их дарят... – Жанна поняла, что сказала это вслух, когда Саша недоумённо переспросила. И поспешила объяснить, – говорю: приятно, когда дарят цветы... Мне давно не дарили...

«...наяву», – мысленно закончила она и решила, что о своих снах лучше вообще никому не говорить, а то вот так кто-нибудь, как Маринка, ляпнет, а ей потом расхлебывать... «И вообще, надо жить настоящей жизнью!», – подбодрила себя Жанна и, схватив Сашу под руку, потащила её опять на танцпол.

Домой она вернулась под утро, еле держась на натруженных ногах. «Натанцевалась за все предыдущие года!», – удовлетворённо подвела она итог и свалилась на диван. Спать хотелось сильно, но после нескольких баночек выпитого в клубе энергетического напитка можно было ещё что-нибудь сделать, поэтому в кровать Жанна не торопилась. Но всё, что она смогла теперь придумать, – это достать из шкафа вещи и разглядывать, разглядывать придирчиво свой гардероб. Она хотела удостовериться, что у неё в запасе есть ещё несколько платьев или комплектов, которые можно было бы одеть на свидание, ведь сегодня она встретила *настоящего* мужчину. Правда, он был не так галантен, как тот, из сна... Но выбирать не приходилось – с приятелем Федей ей даже не о чем было поговорить, так, только провести время в кино или кафе... «А этот вполне себе симпатичный. Да и денег в клубе не жалел...», – мысленно отметила она, разбирая вещи.

Долго и скучно Жанна рассматривала их. Потом пила кофе, и ещё, и ещё. Ходила из комнаты в комнату; возвращалась к гардеробу, не зная, чем иным заняться, а точнее, не имея никаких сил на что-то другое. И к вечеру поняла, что вконец устала.

Она остановила взгляд на зеркале. Оттуда на неё тускло смотрели серые глаза, и Жанна вдруг прочитала в них странное – какую-то тоску.

– Хочу спать! – вслух произнесла она и, скучно отбросив все тряпки на пол, не потрудившись убрать обратно в шкаф, плюхнулась на кровать и замерла.

Она шла по центральной улице. Не торопясь. Ей вообще сегодня никуда не хотелось идти. «И действительно, зачем кружкам летать по воздуху?..», – подумала она с досадой и остановилась у знакомой старинной двери.

По привычке потянувшись к ручке, Жанна почему-то замерла, не дотронувшись до неё, и, постояв так, вдруг поняла, что ничего не хочет, – не желает заходить в ту сияющую дверь, видеть тот мир. Не хочет разочарования – того приятного молодого человека, скорее всего, там уже не будет, ведь и Манди во второй раз не было... А теперь вот так, раз и навсегда, удостовериться, что она его уже не встретит, она не могла.

«И настроения никакого... – подытожила она, отходя. – А что, если *он* всё-таки там будет? – тогда увидит меня такой, а я этого не хочу... Да и откуда у меня будет настроение, когда вокруг так темно и мрачно?».

Грустно направилась Жанна дальше, более не обращая внимания на окружающий мир. И не заметила, что мрак, которым действительно была окутана вся улица, постепенно рассеивался перед ней, пока она удалялась от старинного здания.

Дойдя до работы, она поднялась в офис и села за стол.

В комнату зашла главная, Саша – та самая, которой приятнее держать кружку в руках, а не в воздухе... Жанна посмотрела на неё долгим взглядом, и та это увидела.

– А ты что, работать не собираешься? Клуб клубом, но уже погуляли – пора и честь знать. Давай, разбирай бумажки! – строго кивнула она на разложенные на столе папки.

– Конечно, – машинально ответила та.

Она протянула руку к бумагам, придвинула их к себе. Достала один лист, другой... Потом вгляделась в печатные буквы – внезапно они стали чётче и она сумела прочесть: «*Fortunam suam quisque parat*»... Жанна медленно поднялась с листом в руках и вдруг сказала, глядя прямо Саше в глаза:

– Но ведь это – скучно?

– Что?

– Скучно – не верить, что кто-то может больше, чем ты, ведь тогда и тебе не понадобится никуда стремиться... Скучно, когда знаешь всё, что можно в этом мире, – гораздо интереснее знать, что впереди много нового и интересного, того, чего ты ещё не умеешь, но чему сможешь когда-нибудь научиться. Правда?

Саша усмехнулась.

– А оно тебе надо?

В сумке что-то жужжало, но Жанна не торопилась доставать: она глядела на Сашу, которая, впрочем, не ожидала ответа на свой риторический вопрос, и внезапно сама спросила её:

– Вот как ты считаешь, *что* звенит у меня в сумке?

Та пожала плечами.

– Сотовый.

– А я вот думаю, что *будильник*, – усмехнулась Жанна и засунула руку внутрь.

Саша успела состроить гримасу и покрутить у виска, но та действительно вытащила будильник. Он спокойно говорил своё неизменное: «Дзинь... дзинь...».

Жанна проснулась, но не торопилась открывать глаза и бросаться в новый день. Она лежала ещё, будто у неё есть много времени, чтобы отдохнуть. Или будто сейчас, вот так на кровати, ей гораздо веселее, чем будет через несколько минут...

Потом всё-таки встала, спокойно и даже немного равнодушно собралась и ушла на работу. Но и там было всё тоже самое, что и во сне.

«А вот теперь я точно – *не сплю*... – с грустью подумала Жанна, наяву перебирая бумаги. – Но точно ли я могу это определить?». Не отпуская папку, она уставилась на свою руку. «Если и наяву, и во сне мои руки выглядят одинаково... То как мне определить, где я сплю, а где – бодрствую?.. И как тогда я должна общаться с людьми и там, и там? Ведь в обоих случаях мне всё равно что-нибудь ответят, а я и не буду знать, где – истинная реальность...».

– Долго будешь любоваться столом? – Саша была рядом. Такая же, как и во сне – строгая и умная; вытянутая, как струнка. Не зря же именно её назначили руководить отделом.

«Наверное, у неё есть что-то, чего нет у меня... Или она проявила себя лучше, или...», – не отвечая, опять задумалась Жанна, но Саше это не понравилось.

– Ты приходишь сюда работать, а не мечтать! Тебе за это платят деньги.

– Так, наверное, у неё перед глазами какой-нибудь сон! – хихикнула Марина. Остальным в отделе эта шутка тоже понравилась, и по офису прошёл смешок.

– Я тебе, как подруге, рассказала... – шикнула на неё Жанна, когда Саша отошла, но та равнодушно пожала плечами и уткнулась в монитор.

«Вот тебе и дружба, вот и спасибо!...», – подытожила Жанна. На лице её застыло страдальческое выражение беспомощности и обиды – такое, когда очень хочется заплакать, но – не к месту, и оттого – плакать хочется ещё сильнее... Она поджала губы и насупилась, мечтая отомстить всему миру или хотя бы сделать что-нибудь великолепное и потрясающее, что вынудит окружающих признать её превосходство хоть в чём-нибудь!

Через несколько часов ей почти удалось справиться со своими эмоциями. Она даже улыбнулась, когда Марина снова о чём-то пошутила. А потом Жанне позвонил Фёдор... Он грубо обвинил её в неблагодарности и невнимательности! – ничем иным он не мог объяснить то, что она сама отправилась в выходные в клуб, даже не поставив его в известность.

– Ты меня предала! – кричал он в трубку, и ей не удалось объяснить, что он вовсе не имеет никакого права с ней так говорить, ведь она никогда ничего ему не обещала – они просто гуляли и общались...

– Это ты всё испортил! – сварливо ответила она, отключая связь и чувствуя ещё большую обиду, чем в начале дня.

Плакать теперь хотелось ещё сильнее, и только сила воли и откуда-то вдруг взявшаяся гордость заставили её сдержаться и молча проглотить большой комок в горле. Как ни странно, перед глазами её почему-то появился и тот обаятельный молодой человек... Не тот, что был в клубе, а тот – из сна... Он будто смотрел на неё, и Жанна сейчас даже в воображении побоялась представить, что он увидит, как она плачет, – этого она допустить не могла! До конца рабочего дня она улыбалась и даже шутила, но это всё было как на надрыве, слишком лихорадочно и неестественно, так что даже строгая Саша с недоумением посматривала на подчинённую, больше ничего не требуя.

– Ты как? – услышала вдруг Жанна, когда собиралась домой: к ней подошла Марина, и в её голосе даже показался оттенок виноватости.

– О чём ты? – гордо уточнила она, всё также стойко держа взгляд, но та положила ей руку на плечо и тихо добавила:

– На тебе лица нет. С Федькой поссорилась, да?

Жанна замерла. Рыдать теперь хотелось так, что больше она не смогла сказать ни слова – иначе любой звук, задрожав в горле, разорвал бы эту призрачную перегородку между её эмоциями и окружающим миром, и она бы точно заплакала! Она пожала плечами. Её лицо сразу поблекло, как и сползла улыбка, которую она всё пыталась на себя нацепить. И если всё это время ей казалось, что она гордо и достойно держится и что никто не поймёт, каково ей, то теперь она знала, что обманула только саму себя – и *все* окружающие, всё окружающее теперь знает, что она – неудачница, что ей сегодня так не везёт...

– Давай в кафешку сходим, поболтаем, выпьем?.. – слова Марины показались ей почти ласковыми, но она тут же поняла, что не хочет этой *жалости*.

– Спасибо. Я лучше дома отдохну. Устала сильно...

Быстро скользнув взглядом по Маринкиному лицу, Жанна схватила сумку и вышла, торопясь покинуть офис, чтобы больше не столкнуться ни с кем из коллег, особенно из системных администраторов – они ведь в последнее время ей комплименты говорили, а если бы увидели, как она сейчас выглядит, это сломило бы её ещё больше...

По улице она шла гордо и смело, чуть ли не отчеканивая шаг: так много эмоций в ней было – тех, которые в течение рабочего дня некуда было выплеснуть, – что они спрессовались внутри и теперь могли выйти только жёстко, хотя бы ударами ног по асфальту...

Проходя мимо старинного здания, Жанна остановилась. Нет, знакомой и уже почти родной двери в нём не было, но она задумалась о другом – она вдруг почувствовала какое-то сожаление, что её не было! Как будто ей хотелось, чтобы этот прожитый день оказался просто сном, которого в реальности не существовало. Чтобы никто ей не звонил, не ругался, не обвинял в том, что сама она не считала проступком... Чтобы на работе ценили и уважали, а не требовали каждый раз подчинения – такого, что становилось дико скучно, даже если изначально и хотелось работать не только за оплату, но и потому, что это просто бы нравилось. И чтобы друзья не предавали, когда доверяешь им то, что для тебя на самом деле важно...

Придя домой, в этот раз Жанна не торопилась лечь спать. Было тоскливо и слишком грустно от мысли, что она действительно проводит большую часть своей жизни – во сне. А ведь всё это время она могла бы жить *настоящей* жизнью! Гулять в одиночку или с друзьями, говорить с ними на самые разные темы, наполняться впечатлениями от чужих историй и эмоций, выражать свои чувства, делать что-то приятное и полезное, смотреть фотографии, бегать по пляжу, даже танцевать под дождём!.. Она могла бы потратить время на то, чтобы найти *своих* людей – надёжных, кому можно доверить всё, что угодно, даже свою душу! Или превратить в таких людей тех, кто уже окружал её... А вместо этого она тратила часы на то, чтобы поспать...

«Сплю. Потом встаю и оказывается, что за это время ничего не сделано... Даже если я что-то видела во сне, это ни к чему – это ведь даже не воспоминание... Это – без результата, без смысла...», – Жанна включила телевизор и взяла в руки телефон, да так и просидела – рыская по интернету и для фона щёлкая каналы ТВ. Она решила никогда больше не ложиться рано спать, даже если очень хочется; не подумала и о том, что утром нужно снова идти на работу и хотя бы потому желательно выспаться... Она просто сидела и пыталась наверстать упущенное время, потраченное на сон. Но, несмотря на несколько кружек крепкого кофе, под утро всё равно заснула.

Медленно и угрюмо Жанна шла по улице. Очень хотелось спать, но без работы в этом мире никуда не деться, если нет больших накоплений. У Жанны их не было. Она и так не знала, кто её родители и есть ли у неё какая-нибудь родня в этом мире, что уж говорить о каком-то богатстве!.. Конечно, где-то её корни и должны были быть, но где именно - она не знала. Воспитывали её чужие люди и с наступлением совершеннолетия распрощались с ней, сообщив лишь, что у неё была бабка Галина – от той и достались квартира и некоторые вещи, как и пара альбомов с фотографиями её самой и её матери, очевидно, прабабки Жанны. Конечно, разглядывая фотоснимки, Жанна могла бы пофантазировать, гадая, какими те были людьми, но ей это было неинтересно. К тому же, похоже, они были весьма своеобразными – все фотографии бабки Галины, кроме одной, были подписаны иначе – Гвенда, как будто это единственное фото с настоящим именем было ошибкой. А существовали ли где-нибудь ещё другие её родственники – она и не знала...

Настроение было таким дурацким, что сейчас она пробиралась дворами, обходя жилые высотные дома. Здесь было не так красиво, как на центральных улицах, не так чисто... Попеременно у каждого подъезда или дома встречались контейнеры с мусором, валялись старые, измотанные временем и людьми вещи. Несколько раз Жанна встретила на пути металлические банки из-под напитков и даже не погнушалась их попинать... Но на центральную улицу выйти всё равно пришлось. Правда, ей очень не хотелось показываться тут в таком унылом виде: здесь же ходят люди, приличные, красивые, значит, и самой нужно держать марку, казаться бодрой и достойной... Да и потемнело небо вдруг так, словно собирался дождь! Зонтика у неё с собой не было, а переждать ливень в чужом подъезде ей сейчас понравилось бы больше, чем заходить в какой-нибудь бутик...

Быстро и угрюмо она прошла знакомое здание, а потом резко остановилась. Ей почему-то было *зло* – внезапно она ощутила такую злость и обиду, что оглянулась. И поняла, что смотрит прямо на старинную дверь!

«Так-так, – угрюмо заметила она, постукивая каблук по тротуару и больше не обращая никакого внимания на прохожих. – Значит, я опять сплю...».

Не успела Жанна больше ничего подумать, как в небе действительно сверкнула молния и грянул гром! Ещё пару мгновений она сомневалась, потому что старинная дверь в этот раз казалась ей отнюдь не симпатичной и даже не привлекающей внимания, а наоборот – неприятной и мрачной. Но как только упали первые крупные капли дождя, она сразу кинулась к магазину, напроочь забыв, что от ливня можно было бы найти и более лёгкое решение – просто *проснуться*...

– Доброго дня! – услышала она приветствие и хотела уже угрюмо извиниться перед Вильтоном, что сегодня у неё совсем нет настроения, но тут же поняла, что его здесь нет: за прилавком стоял незнакомый мужчина в чёрном плаще. И он так внимательно смотрел на неё, что по ней вдруг пробежали мурашки.

То ли потому, что она смутилась, то ли из-за того, что сам этот день у неё просто не задался, Жанна даже не смогла рассмотреть его лица! Точнее, взглянув, она вдруг поняла, что контуры его перед её глазами просто расплываются. Она ещё больше смутилась, не понимая, что с ней происходит.

– А вы – кто?

– Станный вопрос. Вы ведь здесь уже бывали? – сказал тот.

– Ну да, – выдохнула она. – Вы же – проводник? – зачем-то спросила она и тут же прикусила язык.

Мужчина даже отвечать ничего не стал и полез доставать с полки какую-то коробку.

– Хотите что-нибудь купить?

Сняв крышку, он сунул коробку Жанне чуть ли не в лицо, видимо, чтобы она получше разглядела. Но ей этого было не нужно – подобное она заметила бы и за километр: внутри шевелились большие чёрные скорпионы. Она ойкнула и отпрыгнула от прилавка, а продавец услужливо наклонился к ней ближе и добавил:

– Не угадал? Может быть, интересуют пауки?

Он быстро достал с полки другую коробку, где, судя по шуму, копошилось что-то активное и явно немаленькое.

– Нет! Ничего из этого мне не нужно! – воскликнула она.

– Тогда зачем вы зашли? Хотите пройти в дверь?

– Дверь?.. – Жанна оглянулась и уставилась на свою любимицу, сияющую в нереальных лучах. Но сегодня особого желания идти *туда* не было. – Разве можно? Думаю, у меня мало времени...

– Что вы! Судя по всему, вы мало в этом разбираетесь, – незнакомец засмеялся, но Жанне показалось, что это шелестят крылья летучих мышей.

Она неловко пожала плечами, не зная, что и думать, и он резко перестал смеяться.

– Тогда вам лучше уйти, раз ничего не нужно. Только от работы отвлекаете.

Он так строго на неё смотрел, что ей стало стыдно.

– Мне просто говорили, что я не должна ходить *туда*, если у меня мало времени, – робко ответила она, будто извиняясь за собственное невежество.

– А как вы определяете, что его мало?

Жанна смутилась ещё больше.

– То-то и оно, что, наверняка, вы и этого не знаете! Так что послушайтесь совета – ступайте спокойно, у вас ещё уйма времени.

– Правда? – она неловко улыбнулась.

Идти в дверь всё равно совсем не хотелось, но и оттягивать время было уже нечем. Незнакомец, как будто невзначай, снова взялся за большую коробку с пауками. Смотреть на них Жанне вовсе не хотелось, как, впрочем, и мокнуть под ливнем, который, судя по шуму, прямо-таки хлестал за первой дверью! И она повернулась к старинной ручке у мерцающей стены.

– Ну, я пошла, – произнесла она, пытаясь ещё хоть как-нибудь здесь задержаться.

Но когда продавец равнодушно кинул ей: «До свидания!», делать было больше нечего, и, открыв дверь, она шагнула за порог.

Впрочем, Жанна тут же порадовалась, что всё-таки прошла сюда: здесь было явно лучше, чем *там*! Светило солнце, не было никакого дождя... Слышались трели птиц и возгласы детей. Ей сразу стало веселее, чем было ещё недавно.

– Я тебя люблю!

– А я – тебя!

Мимо прошла парочка: девушка держала за ниточку большое воздушное сердце, а парень то и дело вырывал нитку из её рук и отпускал сердце в воздух. Тогда оно начинало кружить вокруг неё и повторять: «Я тебя люблю, я тебя люблю...», пока ей не удавалось снова его поймать.

«Как мило! Здесь всегда так приятно, так радостно! И мне самой не нужно ничего решать или думать, как общаться с людьми, которые мне не нравятся...», – довольно подумала Жанна. Ей стало совсем хорошо и весело, почти как раньше. Где-то внутри всё ещё таились остатки гнева и обиды, но так далеко, что она уже перестала обращать на них внимания и надеялась вскоре совсем забыть о том нелепом разговоре с Федькой, да и о Маринке, которая так её подвела – ведь это именно она ляпнула её приятелю, что они с Жанной в выходные очень отождели на танцполе!..

Она глубоко выдохнула, отпуская все печали, и отправилась в другую сторону – не туда, куда уже ходила. Конечно, сначала она хотела подойти к дороге и позвать возницу, чтобы снова отправиться к площади, решив, что можно было бы там поискать того молодого человека... Но передумала: она верила, что найдёт его, но не желала, чтобы он сейчас её видел – на ней была серая кофта и такая же серая унылая юбка. «И кто меня одевал?! Мышь блеклая!», – с досадой подумала Жанна, совсем забыв, что сама *наяву* собиралась пойти так на следующий день на работу.

– Ух ты! А я тебя давно ищу! – на неё чуть не прыгнула откуда-то взявшаяся Манди. – Наконец-то вернулась! Обещала, что погуляем, а сама всё не идёшь и не идёшь... Забыла, что ли?

Она так выжидающе глядела на Жанну, что та, хоть и абсолютно не помнила, чтобы кому-то что-то обещала, особенно во сне, всё же поспешила ответить:

– Конечно, помню! Это просто тебя тут не было... А сегодня точно погуляем!

– Тогда пойдём!.. – схватила Манди её под руку. – Предлагаю дойти до самой реки!

Жанна согласно кивнула. «Вот здорово, до набережной! А там, может, будет и *он*...», – сразу расцвела она, мгновенно забыв про то, как она сейчас выглядит.

Они шли, иногда бежали – когда Манди устраивала небольшое соревнование: выпускала из руки странные белесые полупрозрачные ленты: они летели впереди, и их нужно было пересечь первым... Дорогу она, очевидно, выбрала не самую центральную: они прошли несколько улочек и жилых кварталов, где, впрочем, Жанна увидела мало нового – всё потому, что дома были обнесены заборами. На некоторых находилось *нечто* – странное, полупрозрачное, колышущееся в воздухе и будто живое. Оно смотрело в сторону проходящих, словно бы намекая: в этот дом без приглашения соваться не стоит! Но была это злая охрана или только безобидное видеонаблюдение, Жанна так и не поняла.

– Это воздушные тутелы, они же – *литатели*, – когда они шли мимо очередного нечто, негромко сказала Манди, увидев, куда Жанна так пристально смотрит.

– Они могут убить?

– Нет, они неосязаемы. Не причинят вреда.

– Тогда зачем они здесь, какой прок?

– А ты кровожадная!.. – засмеялась Манди.

Жанна тут же смутилась.

– Я ничего такого не сказала.

– Конечно. Хочешь *казаться* белой, незапятнанной? – чтобы никто не знал, что ты на самом деле думаешь об убийстве – что польза только в причинении вреда?

Жанна остановилась и огромными глазами уставилась на спутницу. Воцарилась пауза, правда, очень ненадолго – её нарушила Манди, которая так и не поняла, чего это на неё так смотрят.

– Что ты? – удивлённо спросила она, но тут уже возмутилась Жанна:

– Что значит, что я!.. Вот что *ты* сейчас сказала?

– Как что... – опешила та. – Говорю, литатели неосязаемы, но весьма полезны, и к тому же не приносят никакого вреда.

– А что насчёт белой, без пятен?! – вдруг озлилась Жанна, будто её очень обидели, но Манди удивилась ещё больше.

– Кто *белый*? Я ведь говорила лишь о тутелах, и всё... А тебе что послышалось?

Жанна замолчала. Ей стало неловко – неужели она чуть не бросилась на человека только из-за того, что ей что-то послышалось?..

– Я сегодня почти не спала. Видимо, на мне это сильно сказывается... – почти извинилась она и прикусила язык. «Как можно во сне оправдываться тем, что не выспалась?!».

– Ничего, – ласково улыбнулась Манди.

– Прости! – повторила Жанна, вспомнив, что ей хочется ещё узнать об этих странных призраках у домов. – Так что ты говорила об этих...

– О, литатели! Они фиксируют всех, кто проходит мимо них.

– И чем это полезно?

– Как же... К примеру, приходишь ты домой и видишь, что у тебя пропала какая-нибудь вещь. Идёшь к своему литателю – он и показывает всё, что происходило в отсутствие хозяина; всё, что видел он сам.

– А как? – настороженно уточнила Жанна, оглядываясь, чтобы ещё раз получше рассмотреть призрака и понять, где он прячет видеокамеру.

– Приобретает облик того, кто проходил... Показывает действия, которые были им сделаны...

– Так, значит, у вас никаких краж не бывает?

– Бывают. Литателей ведь можно и обойти.

– Это как? Зайти с другой стороны дома?

Манди засмеялась, да так заливисто, что Жанне даже стало стыдно.

– Не сердись на меня! – ласково попросила та, когда успокоилась. – Просто никогда не слышала такой милоты!..

«Очевидно, она хотела сказать – *глупости*», – поняла недовольная Жанна.

– Их можно обойти несколькими способами. Например, если ты сильный маг, то можно перевоплотиться в хозяина дома. Это самый действенный способ, работает совершенно безо всяких проволочек!

– Здорово! А ещё?

– Стать невидимым. Правда, это сложно – нужно ведь, не чтобы тебя просто перестали замечать окружающие, а чтобы в самом пространстве затихло журчание твоей энергии, чтобы литатели не смогли её ощутить. Тогда рядом с ними можно хоть танцевать – они ничего не обнаружат.

– Да, наверное, это очень сложно! – задумчиво поддакнула Жанна, мысленно прикинув, каково это – перестать не только внешне быть человеком, но и затушить на время в себе все силы и движение души, как она это поняла.

– Есть и ещё способ, – проглотив улыбку, добавила Манди. – Простой и очень эффективный.

– Какой же?

– Уничтожить того, кто мешает.

Она резко вытянула руку вперёд, и из середины её ладони выскочил тёмный шар, который мгновенно срезал стебель растущего у дороги растения. Большой красивый цветок, как отрубленная голова, свалился на землю.

– Уничтожить тутела? Разве это просто? – осторожно спросила Жанна.

Ей вдруг стало некомфортно, и она даже оглянулась, чтобы понять: а есть ли вокруг люди, которые, если что, ей помогут... Ведь если новая подружка так неласково обошлась с прекрасным цветком, который ей ничем не мешал, то как она может поступить с самой Жанной, если та случайно скажет что-то, что ей не понравится?.. Конечно, такую нелепую мысль Жанна отбросила сразу же, как только опять посмотрела на спутницу – Манди глядела так добродушно, что сразу стало ясно: проделка с цветком была просто фокусом, а искрящийся тёмными прожилками энергетический шар, якобы вылетевший из ладони,

Жанне явно приснился! Да и никаких доказательств иного более не было – как-то незаметно для неё они оказались уже в другом месте. Здесь было ещё более безлюдно, чем на улочках, где они гуляли, и никаких срезанных цветов тут не наблюдалось.

– А где мы? – оглянулась она.

– Как где? У реки, как и хотели, – беззаботно ответила Манди.

Впереди действительно блестела рябь реки. А на краю берега, среди высоких разбросанных больших чёрных камней, ютился небольшой дом.

– А где набережная?

– Я про набережную ничего не говорила, – теперь уже удивилась блондинка. – А ты хотела туда, в город? Сказала бы... Но ничего – сейчас покажу кое-что, а потом пойдём, куда пожелаешь! – лукаво добавила она, и глаза её заблестели.

– Стоит ли? – немного настороженно спросила Жанна и снова огляделась. Тут было абсолютно безлюдно: в округе не виднелось не только человеческих силуэтов, но и вообще каких-либо признаков людской жизни, как будто это был необитаемый остров.

– А, вот и тропинка! – тут же беспечно воскликнула Манди, будто специально привлекая внимание Жанны к признакам обжитости этого места.

– И куда она ведёт? – осторожно уточнила та. Появление посреди глухой травы небольшой протоптанной дорожки не очень успокаивало...

– Как куда? Не видишь? – к дому.

– Это твой дом?

– *Мой дом?*.. Как мило! – Манди снова заливисто засмеялась. – Но пойдём! Ты там такое увидишь!..

Жанна топталась на месте, пытаясь издали определить, чего там может быть интересного.

– Ты идёшь? Потом, обещаю, мы пойдём и к набережной, и куда ещё захочешь!..

Манди смотрела так добродушно, с такой просьбой во взгляде, что Жанна немного успокоилась. Но идти дальше и не пришлось: как только она согласно кивнула, блондинка так обрадовалась, что схватила её за руку, и они сразу оказались у домика.

Тут же стало понятно, что, подходи к нему постепенно, Жанна могла бы и вовсе передумать! – вблизи он оказался слишком неказистым и даже неприятным. Старые деревянные доски, кое-где сколоченные наспех и висящие весьма криво, ржавые гвозди, то там, то тут торчащие, будто их не успели до конца забить или наоборот – будто их пытались вытащить и продать, но они так заржавели, что это гиблое дело просто бросили!.. И этот мерзкий скрип – от каждого мало-мальски подходящего, даже не особенно сильного порыва ветра хиленькая дверь с давно сбитым замком качалась туда-сюда, туда-сюда... При этом она сама как будто висела в воздухе – никаких петель, соединяющих её с остовом дома, видно не было.

– Что там может быть хорошего? – зябко передёрнула плечами Жанна: внутри, за дверью, было очень темно.

«А стоит ли туда идти?..», – подумала она, но Манди продолжала веселиться:

– Представляешь, как обманчива наружность? Вот глядишь ты на этот дом и думаешь, наверное, так: «Старый, грязный, непонятный домишко...». А ведь он весь пропитан магией.

– Магией? А что это? – вдруг недовольно, с каким-то вызовом ляпнула Жанна, будто поняв, что её пытаются развести на «слабо», и решив показать, что ей и без волшебства очень-то нормально жить.

– Что такое магия? – переспросила Манди, и взгляд её на миг показался таким строгим, таким пронзительным... – Это сила, и она должна быть у тех, кто её ценит!

Она тут же засмеялась, видимо, заметив насупившееся лицо Жанны.

– Если хочешь в своём собственном сне узнать хоть что-то новенькое и интересное, то войди в этот дом!

– А ты?

– Я-то здесь уже была, мне не в новинку. А тебе будет интересно!

Жанна пожала плечами. «Наверняка, это какой-то аттракцион, сделанный под старину, как шатры на площади...». Она шагнула вперёд. «И в конце концов – чего это я должна бояться? Ведь и вправду – в своём собственном сне!...».

Дверь распахнулась от очередного порыва, и впереди раскрылась темнота, как зияющая пасть неведомого зверя. Жанна вошла внутрь, и её поглотила тьма.

Через мгновение она увидела лестницу. Она оглянулась, чтобы махнуть Манди рукой, но входной двери за ней не оказалось. Точнее, не было *той* двери – через которую она вошла: за ней была другая стена, и уже не одна дверь, а несколько!

«А как я вернусь обратно?..», – похолодев, подумала Жанна. Сердце начало стучать так быстро, будто она случайно проиграла свою жизнь. «Что за бред?!», – тут же остановила она саму себя, поняв одно – у неё *никогда* не было таких мыслей или сравнений. Потому что раньше не из-за чего было придумывать, что она могла бы проиграть жизнь...

– Так, спокойно! Я сплю, а значит...

Жанна тут же замолчала – слова, для собственного ободрения произнесённые вслух, произвели слишком жуткий эффект: они медленно расползлись по этому странному месту и прозвучали слишком глухо и слишком чужим голосом...

«Надо на первый этаж, – решила она, что, раз есть лестница, то ей нужно воспользоваться. – В конце концов, лестница всегда ведёт туда, где поверхность...». Правда, Жанна напрочь забыла, что она только что вошла в дом и лестница должна бы вести наверх, а если вниз – то только в подвал...

Но *эта*, как оказалось, не вела даже в подвал, и, спустившись, Жанна это сразу поняла: перед ней снова была стена и несколько дверей! Она подошла ближе и убедилась – они точь в точь, как капли воды, были похожи на те, что она видела выше... «А точно ли *выше?*».

Обернувшись, Жанна поняла, что лестницы вверх здесь просто не существует, а та, что есть, ведёт опять вниз! Глаза её увлажнились. Ей снова захотелось плакать – как тогда, наяву; как маленькая девочка, которую обидели.

– Манди! – крикнула она, надеясь, что та сейчас засмеётся, а перед ней самой появится выход к реке, и всё окажется миром.

Но никто не отозвался, кроме отвратительного эха – грубо и глухо прозвучало, отскочив от потолка, имя знакомой...

Жанна опять сбежала вниз по лестнице. На последней ступеньке она подняла голову вверх – площадка, с которой она спустилась, всё ещё была на месте. Она подошла к стене с дверями и оглянулась – лестница снова вела вниз...

Делать было нечего – оставалось только выбрать какую-нибудь дверь, хоть после этой лестницы ничего нового видеть и не хотелось! Предчувствуя страх и новое разочарование, Жанна дотронулась пальцами до ближайшей ручки, и тут ей вспомнилась нереально сияющая дверь в магазине и Вильтон... «Да помню я, помню!.. Я тут недолго...», – подумала она и прикинула: ну, несколько минут в этом домике прошло... А по улице они тоже шли недолго... «Всё под контролем!», – решила она и вдруг очень даже весело улыбнулась, вспомнив, что это – просто сон и что она может себе позволить тут и понервничать, и сделать вид, что испугалась... На самом-то деле она ведь знает, что ей ничего не может угрожать! Ведь она *спит*...

«Интересно, а откуда *Манди* узнала, что это – мой сон? Я же ей не говорила...», – на миг внутри всё похолодело, но она тут же поняла: конечно, Манди должна знать всё, что знает сама Жанна – ведь это она спит, значит, всё, что происходит, – плод её собственного воображения. А сама Жанна не может не знать, что спит...

«Да, так...», – мысленно подбодрила она себя и снова потянулась к ручке. Внутри что-то замерло, будто набираясь смелости или, наоборот, – поддаваясь безумному страху неизвестности. Но всё оказалось напрасно – дверь даже не шевельнулась! И Жанна снова, теперь уже вполне уверенно, попыталась её открыть. Безуспешно – было заперто. Но дверей тут было достаточно и без этой, и она дёрнула другую. И оказалась на лугу.

Солнечный свет озарял траву, а посередине, в окружении высаженных ярких цветов, стояла карусель – меньшего размера, чем та, что была на площади в праздничный день, но очень красочная. Жанна аж захлопала в ладоши – так ей понравилась эта красота!

Она подбежала и уселась на лошадь – там как раз была голубая, в крапинку... Только ушки у неё и копыта были серыми. Жанна уселась, и карусель медленно начала свой ход. «Но-но!..», – вдруг закричало что-то в ней, в ушах, в самой глубине души, и она засмеялась от радости, как будто услышала что-то очень знакомое и родное. Она, конечно, не произнесла этого вслух, ведь это так по-детски!.. Но карусель, будто услышав, кружилась всё быстрее и быстрее, и Жанна крепко схватила гриву лошади. Она иногда даже закрывала глаза, и тогда только ветер, бьющий в лицо и норовящий растрепать остатки причёски, напоминал, где она.

Когда она вволю накаталась, карусель остановилась.

Жанна вернулась к двери и, улыбаясь, оглянулась – она хотела запомнить, как выглядит этот чудесный, красивый аттракцион, который подарил ей такую радость и ощущение чего-то родного.

Зайдя внутрь, в дом, она снова оглядела стену. Она уже несколько не удивилась и не испугалась тому, что перед ней были всё те же несколько дверей, а за спиной – та же лестница, которая вела вниз.

С интересом Жанна попробовала открыть очередную дверь, и ещё одну, но не все они открывались. А другая комната, в которую дверь открылась, совсем ей не понравилась, и она даже не стала в неё входить. Поняв, что здесь она исчерпала все возможности, Жанна придумала ещё раз спуститься по лестнице и проверить комнаты, а потом – ещё раз!.. Ей уже начинала нравиться эта игра – кое-где было всё-таки интересно!.. Где-то стояли статуи, где-то – доспехи рыцарей... Были и обжитые уголки, и места, сильно запущенные, будто там давно не бывало людей... Была и прекрасная оранжерея, и даже пустая и холодная снежная равнина... Конечно, в ту дверь Жанна не сделала ни шагу!

Спустившись ещё раз, она дёрнула очередную ручку и вдруг замерла – внутри было красиво, но слишком странно. Растерянно переступила она порог и медленно огляделась: комната была заполнена только одним – часами. Большими и маленькими, напольными и настенными... Даже пол казался частью солнечных часов – солнце заполняло весь потолок...

«Мне ведь нужно в магазин...», – с непонятной, нахлынувшей тревогой вспомнила она. «Да нет, не может быть, чтобы прошло много времени!», – подумала она тут же, но беспокойство почему-то не уходило. Наоборот, оно ещё больше усилилось, как только Жанна заметила странность: все часы в этой комнате показывали абсолютно разное время, так что определить, сколько она тут находилась, хотя бы примерно, по ним было невозможно!

Она вышла обратно, в то место, которое для удобства назвала «коридором с лестницей». Тут постояла, задумавшись, а потом вдруг зло топнула ногой.

– Я хочу выйти отсюда!

Её голос вновь прозвучал глухо, но твёрдо. Решительно и даже с какой-то злостью она схватилась за следующую ручку и открыла дверь!..

Перед ней под голубым небом стояла Манди. Старенькая дверь со сбитым засовом откинулась в сторону от порыва ветра.

Жанна выскочила из необычного дома и с удовольствием ощутила, что стоит на траве. «Наконец-то!», – с облегчением подумала она: и потому, что выбралась, и потому, что Манди всё-таки не предала её, не кинула в неизвестном месте, а значит, с ней можно дружить...

– Ну как? – взгляд подружки был немного странным: будто она не только ждала ответа, понравилось ли приключение, но пыталась рассмотреть Жанну, как экспонат, от которого ждала определённых качеств.

– Ну как... – пожала та плечами, гордо и смело посматривая теперь по сторонам. – Нормально. Интересно даже. И как у вас тут такие аттракционы придумывают? – не удержавшись, ляпнула она это так радостно, что Манди усмехнулась.

– По-всякому бывает... А теперь – к набережной? – уклончиво ответила она и протянула Жанне руку.

Та протянула в ответ свою, но тут же отдернула, резко вспомнив:

– А сколько сейчас времени?

– Время? А почему ты спрашиваешь?

– Я... мне уже, наверное, нужно обратно, домой... – стушевалась Жанна. Ей вновь стало неуютно и немного холодно, и она даже подумала, что в её кровати сейчас тепло и спокойно. Можно понежиться, помечтать о чём-нибудь, просто поспать...

«Я и так сплю!..», – отдернула она себя, но Манди, конечно, этого не услышала.

– А ты и не спросила, что это за дом, – произнесла та негромко. – А ведь в нём время течёт совсем не так, как ты думаешь.

– Правда?

Манди твёрдо кивнула. В её взгляде сомневаться было нельзя, и Жанна, ещё раз кинув взор на неказистый домик с расшатанной дверью, облегчённо вздохнула. Но под ложечкой всё равно что-то засосало.

– Тогда пойдём, погуляем...

Та снова протянула руку. Жанна крепко сжала её, и через несколько мгновений, когда перед ней уже пронеслось несколько картинок, которые она не успела оценить, они оказались на набережной.

Это место она всегда бы узнала! Знакомый ряд фонарей – ближайшие к ним сразу зажглись, осветили кусочек реки. Где-то вдалеке горели другие, освещая дорогу гуляющим.

«Может быть, там ходит и мой... Мой господин Икс», – гордо назначила Жанна в своей голове именование молодому человеку, которого всё никак не могла забыть.

– А где мороженое продают? – схитрила она, чтобы не говорить, зачем именно хочет подняться на площадь. Но Манди у неё ничего и не уточняла и просто махнула рукой в сторону. Казалось, ей внезапно стало всё равно, куда теперь идти... Она продолжала молчать и только отчего-то посматривала по сторонам так, будто что-то или кого-то искала. Она даже перестала отвечать на некоторые вопросы Жанны, будто уже не слыша их, но та, возбужденная своим ожиданием возможной желанной встречи, этого не поначалу и не заметила...

Они поднялись к площади и направились к подставкам с мороженым. В прошлый раз Жанна его так и не попробовала, потому сейчас хотела выбрать самое-самое вкусное! А

видов здесь было много – и зелёное, и красное, и даже фиолетовое; с разными вкусами и запахами, с начинкой и без, с сиропом и джемом, даже в тарталетках, как пирожное...

– А ещё есть острое и очень острое, для любителей, – услышала она весёлый голос: к подставкам подошёл мужчина и, выбрав спиральное мороженое, с интересом смотрел, как Жанна осматривает ассортимент.

– Я больше сладкое люблю, обычное, – ответила она и повернулась к Манди. – А вот моя подруга, может, и острое захочет. Да, Манди?

Удивлённый мужчина даже перестал есть, хотя спиралька так быстро таяла в его больших руках, что уже собиралась капать прямо на рубашку.

– А с кем вы говорите? – подозрительно уточнил он, глядя в пустоту рядом с Жанной, чем очень удивил её саму.

Она ещё раз посмотрела на Манди, которая в ответ только пожала плечами, и снова вернулась взглядом к странному мужчине, рассчитывая услышать, что он пошутил. Но ему было не до смеха – он даже как-то насупился и немного сжался, будто в ожидании нападения.

– А вы в порядке или вам нужна помощь? – странно уточнил он, но вдруг чуть не подпрыгнул: ему показалось, что прямо на него летит огромная чёрная птица! Он тут же бросил мороженое и, отмахиваясь руками от чего-то, что, очевидно, знал только он сам, убежал.

– Станный какой! – засмеялась Жанна.

Манди, отрешённо кивнув, снова молча посмотрела в небо. Она словно считала звёзды или пыталась по ним определить свой путь или даже само время...

Жанне снова стало холодно. Подул ветер и она поёжилась. Ей опять было тревожно, и она вспомнила Вильтона.

– Наверное, мне пора идти, – тихо произнесла она, но Манди не слышала, и она повторила громче. – Я, пожалуй, пойду.

– Разве? Мы ведь так хорошо гуляем, – отозвалась та и, забыв про небо, уставилась на Жанну таким холодным взглядом, что та опять поёжилась.

– Уже слишком много времени.

– Кто сказал? У тебя даже нет часов.

– Я просто знаю, что мне пора... – ответила Жанна и тут же осеклась, и внутри неё вдруг всё похолодело: внезапно она ощутила, что действительно *знает*, что уже должна идти!.. Зачем ей кого-то слушать, если она сама точно чувствует, что ей нужно делать?!..

Манди уже не казалась весёлой подругой. Она выглядела, как чёрный ворон, который следит за своей жертвой... Жанна отвернулась от неё, кивнув и сказав: «Прощай!», но уйти вот так просто не удалось: та резко схватила её за руку и засмеялась!..

Жанне стало страшно, в ушах что-то застучало... Она попыталась вырваться, но блондинка держала крепко! Смеялась она всё громче, её лицо исказилось, и Жанне всё больше казалось, что это каркает ворон.

– Оставь меня! Ты мне – никто! – в отчаянии вскрикнула она и ещё раз дёрнулась. Раздался небольшой треск, будто ударила маленькая молния, и рука Жанны выскользнула из пальцев Манди. Та удивлённо потёрла пострадавшие от искрового разряда ладони, а Жанна побежала!..

Она помнила, что у дороги нужно вызвать возницу.

– Быстрее, быстрее... – шептала она, как в бреду, даже забыв про деньги. По счастью, когда её привезли к кафе «Для встречи» и пришло время оплаты, в кармане сумки оказались остатки денег, которые в прошлый раз давал ей на мороженое молодой человек.

Расплатившись, она побежала так, как никогда раньше! В голове всё что-то стучало, и только теперь, только теперь, когда она пробежала кафе, пробежала улицу, по которой в прошлые разы гуляла так медленно и с наслаждением, Жанна вдруг вспомнила, поняла – что стучит: «дзинь-дзинь, дзинь-дзинь...». Быстро, как ускоренный пульс, торопливо и настойчиво, словно пытаюсь достучаться... Растерянno, как будто она давно уже не слышит – не слышит, как её зовут...

Она остановилась и быстро осмотрелась, чтобы понять – не пропустила ли она старинное здание, и чуть-чуть перевести дух. Как вдруг ей прямо в лицо чуть ли не врезалась огромная чёрная птица! Жанна отмахнулась от неё так же, как тот мужчина ещё недавно, там, на площади; послышалось карканье, но в голове Жанны оно прозвучало, как смех Манди. «Съем!», – прокричал её голос, и Жанна испугалась ещё больше, и снова побежала, по пути заметив, как чёрный ворон исчез в пространстве.

Внезапно резко стало спокойней – в ушах уже ничего не стучало, и о своём страхе – о Манди и об этой птице, она постаралась забыть. Ей даже стало как-то *комфортно* внутри – как будто тело вдруг вспомнило, что находится там, где и должно быть, и теперь можно было ничего не бояться. И оставалось только найти то место, где была дверь...

«Наконец-то! Здесь...», – Жанна снова остановилась. Конечно, теперь можно было спокойно отдышаться, чтобы не появляться перед проводником такой запыхавшейся, как будто она и не гуляла вовсе, а отпахала целый рабочий день...

«А, опять на работу!», – очень недовольно подумала она и топнула ножкой по тротуару. «Вот возьму и прогуляю этот день! А то привыкли – всё прихожу и прихожу!.. Вот здесь, к примеру, можно делать, что хочешь!», – ободрив себя тем, что сумеет придумать, как на следующий день отдохнуть, а не идти на работу, она направилась к старому знакомому зданию.

Но вывески на нём не было. И двери – тоже.

Жанна, не веря, остановилась и открыла рот. Но ни старинная ручка, немного потёртая и поцарапанная, ни медные буквы, позеленевшие от времени, перед ней всё равно не появились!

Растерянno оглянувшись, она снова уставилась на здание. Интенсивно потёрла глаза, будто долго и напряжённо работала с мелкими деталями; подошла ближе и, убедившись, что редкие прохожие не обращают на неё внимания, похлопала ладонями по стене. Но ничего не изменилось ни в этом здании, ни в этом месте. Тогда она постучала сильнее, кулаком, и ещё, и ещё... Это тоже ничего не дало! Только пара небольших птичек, что сидели рядом на тротуаре, перелетела в другое место.

«Я сейчас проснусь», – подумала Жанна и закрыла глаза. Через пару мгновений открыла – а картинка осталась прежней. По телу Жанны тут же пробежал холодок и немного закружилось в голове, будто там начался танец снежинок в холодный день. И она ещё раз, неуверенно, но уже вслух произнесла:

– Я сейчас проснусь. Я сейчас проснусь!

С разной интонацией она повторяла одно и тоже, закрывая и открывая глаза, пряча лицо в ладони, будто пытаюсь там найти выход из своих снов, но ничего не получалось!

Выкрикнув эти слова в очередной раз, Жанна села на корточки и заплакала. Ей стало очень обидно и страшно. Не так, как недавно в старом домике, – а ещё обидней! Потому что тогда она была не одна и верила, что ей помогут, что это игра, а теперь она и представить не могла, с кем она играет. Кто забрал у неё дверь и кто вернёт? Было очень обидно осознавать, что кто-то другой, а не она сама, контролирует её развлечения. Ведь сон, приключения во сне – это же *развлечение*!..

– Я могу чем-нибудь помочь?

Жанна подняла от ладоней залитое солью лицо и увидела прямо перед собой присевшего на корточки молодого человека, лет тридцати.

Она всхлипнула, но сказать ничего не смогла. «Дверь. Мне нужна дверь...», – метались в голове мысли, среди которых она тщетно пыталась подобрать подходящие для ответа.

– Давай я угощу тебя чем-нибудь? Тут неподалеку есть кафе...

Жанна снова залилась слезами.

– Эй! – он мягко тронул её за плечо. – Слёзы не помогают, если нужно что-то изменить. Надо действовать.

Его зелёные глаза смотрели добродушно и даже немного по-отечески.

– У меня нет денег, – всхлипнула она, решив сразу расставить все точки. – И я хочу домой!

Она сказала это быстро и немного раздражённо, снова вспомнив, что в её сне всегда всё делается, как она хочет! Тут же резко обернувшись, Жанна уставилась на стену. Но здание не изменилось, будто в упор не слышало её таких понятных слов, явно говорящих, что дверь обязательно должна в нём находиться...

– Могу проводить. Где ты живёшь? – всё также добродушно спросил молодой мужчина, но Жанна его порыва не оценила.

– Вот здесь моя дверь. Здесь была моя дверь, а теперь её нет! – чуть не крикнула она, из последних сил ударив кулаком по стене.

– Не стоит себя увечить. Сейчас мы что-нибудь выпьем, ты успокоишься. Всё будет хорошо.

Он смотрел на неё, не отрываясь, будто гипнотизируя, и Жанна почувствовала какое-то тепло внутри. Ей так хотелось кому-нибудь поверить! Она ещё раз всхлипнула, уже немного стеснительно, и быстро провела рукой по щекам, вытирая слёзы. Опершись на предложенную ладонь, Жанна поднялась и пошла с незнакомцем.

Тот бережно привёл её к кафе, заботливо распахнул перед ней дверь и выбрал уютный отдельный столик. Не особо всматриваясь в разложенное на столе меню, сделал несколько жестов над ним, и через несколько минут по воздуху приплыли красивые блюда с едой и пара дымящихся чашек с изумительным ароматом.

– Выпей, согрейся. А то ты вся дрожишь... – приветливо кивнул он, видя, что девушка не решается браться за кушанья. – Ты не голодна?

– Голодна, – тихо ответила Жанна, сдерживаясь, чтобы снова не заплакать. – Но я просто не понимаю, зачем мне здесь есть...

– Хотя бы для вкуса.

– Это глупо. Можно развлекаться, если весело, а когда веселиться не хочется, ни к чему баловать своё воображение.

– Воображение? – мужчина подался вперёд над столом, ближе к ней, и внимательно посмотрел на заплаканное лицо. – А разве еда его балует?

– Конечно! Ведь я знаю, что еда не настоящая; значит, удовольствие будет только от этого сознания – что я якобы ем что-то вкусное и изысканное, – ворчливо ответила она, отодвигая от себя тарелку подальше, чтобы та не пахла так предательски аппетитно и не портила впечатление от её разумного ответа, заставляя думать о себе.

– Интересная мысль... Только ты ошибаешься: еда здесь самая настоящая!

Он спокойно откинулся обратно на спинку стула, продолжая сверлить её взглядом.

– Да ты просто ничего не знаешь! – посмотрела Жанна на него со смешанными чувствами.

«Ещё один странный персонаж... Вот Вильтон сразу знал, как меня зовут; Манди знала, что это – мой сон. А этот вообще *ничего* не знает!», – она пожала плечами своим собственным мыслям, совсем не думая, как это выглядит со стороны.

– А как ты определяешь, что настоящее, а что – нет? – спросил молодой мужчина, всё также внимательно глядя на неё и совсем не испытывая никакого смущения или неудовольствия от её странных заявлений.

– Как же... Настоящее – это наяву, а ненастоящее – это мой сон, – не раздумывая, ответила Жанна, но следующие его слова её огорошили:

– То есть ты считаешь, что спишь? – он почти не усмехнулся, а взгляд его стал ещё более пронзительным, даже немного хищным. – А с чего ты это взяла?

Она замерла, непонимающе глядя в зелёные глаза.

– Как это?

– С чего ты взяла, что сейчас ты спишь?

– Ну как же... – опешила Жанна от такой глупости. – Я ведь легла спать. И что это, вообще, за дурацкий вопрос?! – вдруг вспыхнула она. – Я ведь прекрасно знаю свой мир! Это – не мой мир! Я спала и оказалась здесь, а значит, это просто сон! А раз это сон, то мне нужно проснуться.

«Мне нужно проснуться! Мне нужно проснуться!», – закрыв глаза ладонями, снова негромко зашептала она. Потом ущипнула себя за руку и открыла глаза: перед ней всё также сидел молодой человек и смотрел очень внимательно, даже с каким-то странным интересом, будто изучая. Жанна всхлипнула.

– Я должна проснуться, – осипшим голосом произнесла она и потёрла глаза. – Но у меня не получается.

– А раньше – получалось? – с таким же интересом уточнил он, но она мотнула головой.

– Я уходила через дверь.

– Ну, это понятно... Через дверь пришла, через неё и уходишь... – задумчиво отметил он, помешивая дымящийся напиток. – Только ты всё равно не спишь. Здесь такой же мир – такой же обычный, как и твой.

Жанна смотрела молча, широко раскрыв глаза. «Никогда ещё во сне мне не попадался такой чудик!», – наверное, это было слишком явно написано на её лице, потому что мужчина усмехнулся. Но он продолжал молчать, будто давая ей время немного осознать услышанное, и она сама провела рукой вокруг, показывая пространство кафе:

– И это называется *обычным* миром?

К посетителям кафе за другими столиками по воздухуплыли блюда с едой; то там, то тут происходило что-то странное и невероятное: то предметы двигались сами, без чьей-либо помощи; то загорался или гас свет; что-то шевелилось или появлялось, или исчезало, или меняло свой облик...

– А что тебя удивляет? – уточнил он спокойно, но Жанна чуть не подскочила от ярого возмущения! – на миг ей показалось, что он просто издевается.

– *Всё это!* – холодно ответила она, поняв, что здесь ей друзей нет: этот самоуверенный наглец не поддержит её слов, не поддержит её саму! Он в этом сне лишь для того, чтобы вконец вывести её. Наверное, как раз потом, когда она уже не выдержит и сорвётся, эта *игра*, которую затеял кто-то неизвестный в её сне, закончится, и она наконец-то проснётся! – Мой мир – другой! Там нет ничего подобного! Там ни у кого нет таких возможностей, способностей! Там нет... там нет...

Она чуть не кричала, приподнявшись и опершись на стол, чтобы было убедительней, чтобы игра скорее закончилась, но произнести слово *магия* почему-то так и не могла. Ведь как можно всерьёз говорить о том, чего на самом деле не бывает?!

Молодой человек продолжал смотреть слишком внимательно, оценивая, будто высчитывая шансы девушки успокоиться самостоятельно. Когда же она замолчала, он протянул руку к её чашке и, невзначай сделав какой-то жест, придвинул напиток ближе к ней.

– Конечно, ты права! Давай скорее выпьем за твой мир и забудем об этом странном разговоре, – приветливо, как и в начале знакомства, произнёс он.

Жанна села обратно. Что ещё можно было ответить, как можно было продолжать кричать, когда тебе уже сказали, что ты действительно прав? Она смутилась. Да, конечно, она была рада, что с ней согласились. Наверное... Но теперь-то что было делать? Мир-то вокруг всё равно не изменился, будто она ещё не полностью сделала, что нужно...

– Хорошо, – кивнула она и взяла кружечку. Отпив глоток, Жанна поняла, что это стоило сделать гораздо раньше: необыкновенное тепло полилось прямо внутрь души, вглубь, туда, где прятался холодный страх этого вечера, и там сразу стало легче. Перед глазами поплыли картинки: с того дня, как она уже была в этом кафе; здесь был другой администратор, не тот, что сейчас стоял у входа... Он тогда угостил её кофе, который тоже был безумно вкусным, насыщал всё нутро счастьем и удовольствием. Картинки сменились набережной, стойками с мороженым... Становилось всё горячее и горячее... Пока, наконец, Жанна не уронила голову на спинку сиденья. Тогда молодой мужчина неторопливо достал несколько банкнот из дорогого бумажника с необычным тиснением; потом взял спящую девушку на руки и, кивнув низко поклонившемуся администратору, вышел на улицу.

Он подошёл к дороге, и сразу же к нему подлетел воздушный экипаж, будто его и ждал. Закрытая карета странной формы была удивительно красива, и если бы Жанна могла видеть сквозь воздух, то изумилась бы, поняв, что в упряжи – самый настоящий дракон! Правда, молоденький, зелёный, и потому, при умелом уходе и воспитании, не очень опасный.

Через пару мгновений они оказались у большого дома. Мужчина занёс Жанну внутрь, поднялся на второй этаж и осторожно положил её на кровать в спальне. Долгим оценивающим взглядом посмотрел, как она лежит, будто пытаясь найти в её лице или фигуре какие-то подсказки, определить какие-то черты или возможности... Заметив на внутренней стороне левого запястья небольшое родимое пятно, он приподнял её руку и внимательно его осмотрел. После, укрыв Жанну пледом, мужчина покинул комнату и поднялся на этаж выше – здесь был кабинет и пара комнат с разным бардаком. Зайдя в одну из них, он зачем-то обернулся, будто в его собственном доме за ним могли следить; подойдя к стене, нащупал что-то под висевшим на ней гобеленом и надавил...

Скрытая дверь отодвинулась с шумом и скрипом, и из темноты пахнуло немного затхлым воздухом, будто сюда давно не входили. Зажегся слабый свет: небольшой шар с тихим свечением подлетел к хозяину, но тот от него отмахнулся – сейчас его интересовал только шкаф в углу, заполненный книгами и альбомами.

Взяв с полки один альбом, он быстро пролистал его и вернул на место; взял другой, третий... Увидев, наконец, подходящий снимок, молодой человек замер, пристально разглядывая его и рассматривая и свою руку. Потом, задумавшись, вышел, и тайник за ним закрылся.

Глава 4

«Дзинь-дзинь...», – ещё раз прошептала Жанна. Этот звук, который она так долго пыталась услышать в нынешнем сне, теперь будто привязался к ней, и она снова и снова шептала его, мечась по подушке.

Резко проснувшись, она открыла глаза и чуть не подскочила. «Наконец-то! Вот радость-то!», – собиралась уже она воскликнуть, но тут же обомлела: она находилась в незнакомом месте и совсем не в своей кровати. И будильника, который бы звенел, как обычно, рядом не было.

Сразу погрузнев, Жанна медленно, нехотя и не веря, поднялась с постели. Выглядела она так же, как и вчера... *во сне*... как блеклая мышь, в серой юбке и скучной кофте. А в зеркале комода отразилось ещё и такое кислое лицо, будто она съела не один или два, а целый воз зелёных лимонов!..

Нерешительно выйдя за дверь, она оказалась в не менее незнакомом коридоре. Здесь было ещё несколько комнат, но Жанна не рискнула туда соваться и сразу спустилась вниз по старинной лестнице, на первый этаж.

Где-то здесь слышался шум, и вскоре она нашла его источник – в столовой на стол ставились тарелки с едой. От горячих блюд шёл очень вкусный запах... Тут же находился и вчерашний незнакомец – заметив её, он приветливо кивнул.

– Зачем я здесь? – строго, пряча страх, спросила Жанна, но его это не смутило.

– А ты хотела, чтобы я оставил тебя в кафе? Или на улице, на дороге? Спящую...

– Я *заснула*?

– Вне всяких сомнений, это называется именно так, – усмехнулся он, но она поблекла ещё больше.

– Разве во сне можно заснуть?

– Я уже объяснил: ты – не спишь. Этот мир – такой же обычный... Хоть этот мир и не такой, как твой – тот, в котором ты жила, – но для этого места, для этого пространства, для этого времени, в конце концов, этот мир – *обычный*, – терпеливо ответил он.

– Но как я сюда попала?

Очевидно, вопрос был очень глупым – на лице мужчины отразилось если не возмущение, то странная смесь презрительности и высокомерия, которые, впрочем, сменились приветливостью так быстро, что Жанна не успела их заметить.

– Сама ещё не поняла? Разве ты не знаешь, как сюда заходила?

– Через дверь.

– Тогда что тебя удивляет?

– То есть я входила через дверь в другой мир? В чужой, *не свой* мир? – она широко открыла глаза, и молодой человек снова усмехнулся.

– Это же очевидно! Вместо того чтобы спокойно гулять по своему миру, ты отправилась в другой. И осталась в нём.

– Да как это возможно? Ведь моё тело – там?

– Уже вряд ли.

– Не понимаю, – похолодела Жанна, свалившись на стул – из-за всех этих новостей ноги уже не держали.

– Если бы твоя душа гуляла по *твоему* миру, пока твоё тело спит, то, вернувшись в него, она бы его разбудила, оживила для жизни в том же мире. Если бы твоя душа гуляла

по *другому* миру, а потом вернулась в твой обычный мир, то ты опять бы проснулась в своём мире. Но если твоя душа гуляла в *чужом* мире, а потом в свой мир, где осталось твоё тело, *не вернулась*, то телу ничего не остаётся, как материализоваться там же, где душа. Иначе оно не может существовать – без сознания, без души. Так что теперь ты вся – здесь.

– То есть меня нет дома?

С ужасом Жанна вдруг ощутила, что попала в какую-то ловушку, в западню, из которой ей самой не выбраться. Какая именно это была западня – ошибка разума, развитие безумия, – она пока понять не могла, но страшно стало так, будто наступил конец света и выхода больше нет нигде!

– Как же мне тогда вернуться?

– Конечно, войти обратно – в ту дверь, через которую пришла, – спокойно пожал он плечами. – Ты ведь помнишь, что за ней – твой мир?

– Тогда нужно бежать к магазину!

Она подскочила и бросилась к двери. Но тут же остановилась, поняв, что не слышит за собой шагов. Оглянувшись, Жанна увидела, что мужчина всё также спокойно пьёт прозрачный зелёный напиток, не собираясь подниматься.

– Там ведь моя дверь? – негромко добавила она, предчувствуя новый ужас, и тот не заставил себя долго ждать.

– Да, наверняка. Раз ты говоришь, что в магазине, значит, там... Только магазина в том здании нет и никогда не было.

Он не усмехался, не улыбался. В его взгляде сейчас не было даже интереса, только строгость – такая, что сразу стало ясно: он не может ошибаться и знает наверняка.

– Как это возможно?

– Магазинов у нас много. Но те, в которых есть такие двери... – двери в другие миры, – появляются только перед теми, кто может и хочет войти или выйти. Для остальных они невидимы. Многие даже не знают об их существовании, а те, кто знает, не всегда способны найти их лишь по своему желанию.

– Но я-то почему нашла?

– Наверное, что-то помогло. Наверное, у тебя что-то было. *Что* у тебя было?

Молодой мужчина смотрел чересчур внимательно, немного хищно, будто желая и не имея возможности заглотить маленькую рыбку, защищённую прозрачным стеклом, через которое за ней можно только наблюдать...

– Я не знаю, не знаю... Я лишь недавно случайно увидела этот магазин! Раньше его никогда не было, не было...

Жанна снова села на стул и заплакала.

– Почему всё не так в последнее время? Сначала это безумие, миражи на улицах... Потом этот магазин, теперь этот сон... Я ничего не понимаю, ничего! Я не сделала никому ничего плохого, зачем мне всё это?!..

Она плакала и не видела его взгляда – в нём не было жалости или сочувствия. Только раздражение и даже презрение.

– Не может быть, чтобы ты *ничего* не сделала. Вспоминай!

Его голос был строг, и Жанна вдруг услышала в ушах: «дзинь... дзинь-дзинь-дзинь». Но это был лишь мираж. Она подняла голову и тихо произнесла:

– Я нашла будильник. У меня осталось несколько коробок с вещами бабки. Я её никогда не знала, мне их передали родители, и я только недавно решила их разобрать... И там был будильник. Потом он начал постоянно звонить, когда я спала, а мне стал сниться магазин с дверью.

– Тогда всё ясно - это будильник провёл тебя сюда.

– Что за глупости! – растерянно воскликнула Жанна. – Как часы могут открывать новые миры?!

– Да очень просто! Представь: в одном мире есть предмет, – например, такой, как твой будильник, – и в другом мире есть точно такой же: полная копия, двойник твоего предмета. Тогда, если эти вещи заряжены на это, ты можешь перемещаться из одного мира в другой, потому что у тебя в обоих мирах есть подготовленные двойники, открывающие тебе вход.

– Так я могу вернуться?

– Теперь, видимо, нет. Ты слышала звон будильника, ты знала, когда должна была вернуться, когда должна была уйти из этого пространства в своё? – он смотрел строго, настороженно и даже немного зло, и Жанне стало стыдно. Она кивнула. – Тогда ты пропустила свой выход. Будильник предупреждал тебя, что твоё время в другом мире заканчивается, что ты должна вернуться обратно, но ты этого не сделала. Ты потеряла связь с предметом, который позволял тебе передвигаться между мирами, потому что закончилось то время, когда проход из одного мира в другой для тебя был открыт, когда ты могла слышать будильник, быть с ним связанной; у тебя не оказалось точки возврата, и ты осталась здесь. И ту дверь ты больше никогда не увидишь. Никогда, пока не найдёшь другой способ!

На её лице застыло отчаяние, и неверие, и страх. Как можно было поверить в то, что он говорил? А неверие рождало ужас от новой мысли – что она сошла с ума!

– Но у тебя есть выход, есть...

– Какой? – поспешно воскликнула Жанна, потому что поняла одно: если сейчас, очень быстро, моментально она не заставит себя поверить в то, что происходящее – на самом деле происходит с ней, то она точно сойдёт с ума от противоречий, разъедающих её разум.

– По-моему, это очевидно, – снова спокойно пожал молодой человек плечами. – Раз ты здесь, значит, в этом мире есть вторые такие часы, как были у тебя. Тебе нужно их найти, и тогда у тебя будет то, что снова соединит тебя с твоим миром – вторые часы-двойники свяжутся с твоими первыми и откроют дорогу и двери.

Жанна подпрыгнула от радости, но тут же села обратно и помрачнела – она стала немного понимать...

– Но если этот мир – обычный... Обычный для этих мест, как ты говоришь, то здесь живут обычные люди... – она закашлялась. «Как можно называть магов *обычными*?». – А ведь я не могу заходить к каждому из них в дом, чтобы искать часы, похожие на мои... Так что же делать? И где мне жить, что кушать? Как мне быть?..

Опустив голову, Жанна уткнулась взглядом в пол. Ей было очень стыдно, и сейчас она думала только об одном: что теперь у неё есть только этот человек. Он знает её историю; возможно, сможет чем-то помочь... Но больше ни к кому, ни к кому другому она пока не может обратиться. «Что делать дальше? – подумала она растерянно. – Идти на улицу и просить подаяние, милостыню?.. Чтобы маги, проходя мимо, смеялись или жалели, давая деньги или кусок хлеба... А я всё буду мечтать найти часы, будильник, который на самом деле вряд ли смогу где-то отыскать, ведь это просто нереально!.. А если просить этого мужчину?.. Но я даже не знаю, как его зовут...».

– Кстати, я Жан, – услышала она вдруг и, изумлённая, молча уставилась в ответ.

– Говорю, забыли познакомиться! Я – Жан, а тебя как зовут? – пояснил он, видя, что она, кажется, не понимает.

– Жанна, – смутилась она.

– Да? Ничего себе!

На его лице действительно было неподдельное изумление. Правда, и оно быстро исчезло, снова сменившись на некоторую пронзительность.

– Тогда это прямо судьба! – добавил он. – Хотя это и так было очевидно...

– Что?

– То, что ты попала сюда - сразу же ясно было, что ты *должна* быть здесь.

– С чего бы?

– Разве твои родственники – не были магами?

Жанна засмеялась. Ей вдруг стало лучше – не так одиноко, как было ещё несколько минут назад, не так страшно... Как будто созвучие имён разбило в ней панический страх и добавило бодрости и надежды, что всё будет хорошо.

– У меня их самих-то никогда и не было.

– Что ты! Родственники всегда есть, даже если о них ничего не знаешь.

Жан переложил с блюда в тарелку несколько кусков мяса, полил ароматным соусом и придвинул к ней.

– Тогда я о них не знаю. Но, поверь, в моём мире нет никакой магии, – она с аппетитом принялась за еду.

– А как же там оказался твой будильник? – с намёком спросил он и усмехнулся, увидев, что Жанна снова задумалась.

– Хочешь сказать, мне его подкинул кто-то, кто умеет... колдовать? – она чуть не подавилась, пытаясь произнести слово, которое никогда не говорила в серьёзной беседе.

Он не удержался и засмеялся. «Видимо, я опять сказала какую-то глупость...», – недовольно подумала Жанна, вспомнив Манди, которая веселилась, когда она что-то спрашивала.

– Ты потрясающе остроумна! – его глаза блестели от смеха. Он даже немного расслабился и пояснил, решив, что она действительно глуповата. – Хочу сказать, что раз ты нашла его в вещах бабки, то он ей и принадлежал. Или кому-то, от кого перешёл к ней, к примеру, твоей прабабке. А значит, твои родственники всё-таки были магами, хоть ты в это и не веришь.

– Что? Значит, и я должна быть магом? – она даже перестала жевать.

– Не обязательно! – нахмурился он. – Не обязательно.

Окно распахнулось от резкого порыва ветра. Жанна поёжилась от внезапного холода, но Жан тут же подскочил и закрыл его на щеколду.

– Разве ты не мог сделать этого... ну, не руками? – спросила она, смутившись, но уж очень хотелось узнать – каково это: быть магом в повседневной жизни.

– Конечно, мог, – спокойно ответил он. – Но бессмысленно всё делать с помощью магии, не правда ли?

– Почему?

– Ну, представь: сидишь ты на одном месте и не двигаешься – потому что всё в этой жизни ты можешь сделать магически: взглядом двигаешь предметы; всё, что нужно, делается для тебя само, по твоей воле... А ты всё сидишь на одном месте и сидишь... А время идёт. Приятно тебе так жить – не живя?

Он смотрел спокойно, но немного строго, как терпеливый учитель, который в десятый раз объясняет нерадивому ученику, в чём тот неправ. И Жанна снова смутилась – ей начинало казаться, что она слишком виновата в том, что ничего не знает об этом мире, как будто это была её обязанность, как будто она должна была всю жизнь готовиться к появлению в этом мире...

– Что ты собираешься делать? – настороженно уточнил Жан, видя, что она замерла с вилок у рта и мысленно что-то решает.

– Не знаю, – честно призналась Жанна.

Он снова расслабился и даже дружески усмехнулся.

– Тогда можешь попросить своего доброго друга помочь.

Его интонация была такой странной: то ли серьёзной, то ли насмешливой, – что Жанна нерешительно посмотрела в слишком зелёные глаза. Но и по их блеску не могла определить, правильно ли поняла или нет.

– Тебя?.. Ты поможешь мне? – робко уточнила она, боясь, что он снова сейчас разразится громким смехом. Тем самым смехом, который в последние дни откровенно сообщает ей, что здешним людям она кажется глупой и нелепой...

Но он не смеялся – в его глазах мелькнула молния, и Жанна вдруг подумала, какой он, всё-таки, привлекательный!..

– Конечно! Чем смогу...

Его улыбка была бы весьма приятной, если бы не ощущение какой-то насмешливости и даже хищности, затаившейся в уголках тонких губ.

– Тогда проводи меня к магазину.

– Зачем? Ведь его там нет.

– Да, ты так говоришь, но... – она замялась, увидев, каким строгим взором Жан на неё посмотрел. Впрочем, он тут же смягчился.

– Конечно, если так хочешь, я тебя провожу. Только не рассчитывай и не надейся – его действительно там нет! И не будет, пока не сумеешь найти будильник или каким-то другим способом обнаружить дверь, чтобы попасть к проводнику.

Жанна кивнула, соглашаясь, но надежду отобрать у неё никто не мог, и она затаила её внутри. Ведь кто прямо сейчас мог доказать ей, что она уже *не спит*?.. Вдруг это только очередной сон, и она снова увидит у знакомого здания и вывеску, и дверь?

Всё же, когда после завтрака они вернулись на центральную улицу, она убедилась, что магазина Вильтона там на самом деле нет... Жан даже ушёл куда-то, оставив её здесь одну, чтобы дать время убедиться, что дверь не появится и с течением времени. Жанна терпеливо ждала, но ничего действительно не менялось, и, как когда-то на центральной улице своего родного мира, она и тут спрашивала у прохожих – а есть ли в этом здании магазин? На что также получила ответ, что никогда и не было...

Жан вернулся. В его руках была небольшая полупрозрачная сфера.

– Это «Спутник». Я его настроил, будешь носить с собой – если заблудишься, он укажет дорогу к моему дому.

– Как романтично!

Он кисло улыбнулся.

– Когда захочешь найти мой дом, просто подумай, держа это в руках, – если будешь идти в нужном направлении, цвет изменится. Попробуй!

Жанна схватила протянутую сферу и закрыла глаза – ей показалось, что *думать* так будет проще. «Дом Жана», – беззвучно двигались её губы, а руки чуть-чуть дрожали от волнения и даже немного вспотели. Ещё бы! – первый раз в жизни она держала в руках волшебство!..

– Долго ты будешь так стоять? – услышала она недовольный голос: Жан уже не скрывал разочарования. – Как ты увидишь, изменился ли цвет?!

Она тут же поняла свою оплошность и даже извинилась. Ей опять стало холодно – дул ветер, а она была всё в той же лёгкой серой кофте...

Сосредоточившись, она попробовала снова – глядя на сферу, подумала о доме Жана. Но ничего не происходило.

– Если цвет не меняется, попробуй пойти в другое место – ищи направление, где будет результат! – подсказал он.

Жанна развернулась и сделала несколько шагов в сторону кафе, но это не помогло. Проверила ещё вариант – направилась туда, куда ходила с Манди, но верной оказалась следующая попытка: края сферы окрасились фиолетовым, когда она пошла в противоположную кафе сторону.

– Всё время следи, чтобы дорога была верной, и всегда сумеешь найти мой дом! – мягче добавил Жан, видя, что она старалась и всё-таки справилась.

А она продолжала держать сферу в руках прямо перед собой и не могла отпустить, хотя урок был окончен. Глубоко внутри появилось странное чувство – теплоты и робкой радости, будто она обрела что-то, что давно потеряла и забыла, словно оно теперь вновь появлялось в её жизни и наполняло собой, наполняло ту пустоту, что была без него...

– Будешь жить у меня, пока что-нибудь не придумаем. «Спутника» держи при себе, положи в карман. И пойдём – выберешь себе какую-нибудь одежду, а то выглядишь... – не договорив, Жан молча провёл по ней пронзительным взглядом, будто ему неприятно было даже описать словами, как она выглядит.

«Серая облезлая кошка!..», – тут же удручённо придумала себе новое описание Жанна. Но сразу гордо перебила свои же мысли: «И ничего не облезлая! Красивая, симпатичная девушка. Просто обстоятельства у меня такие...». И услышала новый ответ, какой она сама и не подумала бы раньше, будто кто-то другой ворвался в её внутренний монолог: «Дура!». Она тут же замялась, словно мысленный разговор начал доставлять ей неудобства, сунула сферу в карман и поторопилась за Жаном.

У дороги он вызвал карету, которую она ещё не видела. Экипаж был столь красив и роскошен, что Жанна чуть не визжала от восторга, чем заставила своего строгого спутника нахмурить брови. Правда, и улыбку он удержать не смог – она так искренне радовалась, что перед глазами насупившегося Жана даже появилась картинка из его прошлого: как на восьмой день рождения ему подарили игрушечный экипаж с драконом. Конструкция была покрыта позолотой, а дракон мог менять цвет – от зелёного к огненно-красному... А Жан тогда уже, в детстве, заворожённо смотрел на пламя, не мог оторваться, что, впрочем, бывает со всеми, кто родился в огненный год. Но тогда он так шумно радовался этому подарку, что скучные взрослые даже пригрозили забрать игрушку, если он не перестанет носиться с ней по всему дому, докучая гостям...

Жан усмехнулся своим мыслям. Он так давно не вспоминал о своём детстве, что было странно – а почему оно вдруг вспомнилось теперь. Он оглянулся на Жанну и усмехнулся ещё больше: она умудрилась высунуть голову из небольшого окошка и радовалась, что теперь ничего не пропустит.

– Ты не даёшь нам отправиться! – едва сумев вернуть строгие нотки, произнёс он.

– Я хочу посмотреть, что мы будем проезжать.

– Но так, как сейчас, ты просто останешься без головы! – внезапно мягко добавил Жан. Но её это напугало ещё больше, чем если бы он сердился, и Жанна тут же села нормально. – Если будешь держать свою голову, или что-то ещё, вне кареты во время мгновенного перемещения, то сама переместишься, а голова – нет.

– Это шутка? – с надеждой спросила она, глядя в зелёные глаза, но они не смеялись.

Он глубоко вздохнул, вспомнив, что недавно уже пообещал этой нелепой девчонке свою помощь, а значит, придётся выслушивать глупости и пытаться что-то объяснить.

– А разве нельзя перемещаться так, чтобы видеть пейзажи, дорогу?

– Можно. Но на прогулки сейчас времени нет, правда? Или ты уже не хочешь искать путь домой?

– Конечно, хочу! Просто я и посмотреть ещё хотела... – Жанна тут же осеклась, вспомнив, что уже понасмотрелась здесь! Ведь если бы она столько времени не гуляла, не ходила по тому странному дому с часами, по набережной, то сейчас ей не пришлось бы никому садиться на шею и думать, как здесь жить!..

Жан молча дёрнул поводья, лежащие на сиденье и исчезающие в пустоте впереди; и картинка за окном изменилась.

– А почему здесь нет возницы? – робко спросила она, вспомнив, что во всех предыдущих каретах их видела.

– Потому что это мой личный экипаж, и им управляю я!

Больше она ничего не спрашивала, наконец-то поняв, что Жан точно чем-то недоволен. Конечно, она и предположить не могла, что именно разозлило его больше всего, – а ему не понравилось то, что из-за неё он вспомнил о своём детстве и даже позволил себе такую слабость, как немного помечтать о былом!..

В магазине девушка-консультант помогла выбрать несколько комплектов одежды на первое время. Жан не скупился, будто действительно был богат, и оплатил всё, даже не глядя на ценники. Впрочем, и на сами вещи он тоже не смотрел, будто его вовсе не интересовало, как Жанна выглядит. Конечно, ей стало обидно, но она вовремя вспомнила, что только благодаря ему ещё не сидит у дороги, протягивая руку и моля о помощи или о куске хлеба...

– Что мне делать дальше? – таким вопросом она хотела показать, что готова слушаться его во всём, лишь бы он её не бросил. Но Жан этого не понял и даже удивился.

– Отвезу тебя домой, посидишь пока там, – пожал он плечами. – Можешь гулять, только «Спутника» не потеряй, а то я тебя по всему городу искать не буду! А мне сегодня ещё на встречу надо.

Его взгляд немного потемнел. Снова резко подул холодный ветер, но Жанна укуталась в новую кофту, и стало комфортно, только по телу на миг пробежал озноб...

Жан снова привёз её к своему дому, проводил до крыльца и открыл дверь.

– Осматривайся пока тут! Где столовая, уже знаешь; остальное сама посмотришь... На третий этаж только не ходи – там у меня кабинет и комнаты со старыми архивами.

Жанна благодарно кивнула, но он уже закрыл за собой дверь, и она осталась одна.

А он поторопился к калитке. Подойдя к дороге, Жан сделал жест рукой, и позолоченная карета мгновенно материализовалась в воздухе. Встав на место возницы, не присаживаясь, он дёрнул поводья и через пару мгновений оказался у реки, на почти дикой, лишь слегка протоптанной дорожке, у старого дома.

У двери, висящей в воздухе без петель, со сломанным заржавевшим замком, он немного постоял, словно раздумывая. И вдруг усмехнулся – но как-то по-доброму, будто увидел приятеля.

– Так и будешь молчать?

– Ты долго шёл! – раздался голос, но рядом так никто и не появился.

– Не обижайся! Твоя протезе оказалась слишком навязчивой. И глупой. Пришлось слишком долго ей объяснять.

– И что ты объяснял? – в воздухе мелькнуло огромное чёрное крыло, и перед Жаном появилась недовольная Манди.

– Она хотела знать, как здесь оказалась, – ещё мягче улыбнулся он и протянул к ней руки, но Манди увернулась от объятий.

– Ты рассказал ей, что тут жили её предки?

– Ещё не время.

– А когда – время? – ещё недовольнее спросила она.

- Ты ведь знаешь: нужно быть осторожнее, иначе что-нибудь заподозрит...
- Манди нетерпеливо постучала красным каблучком по земле.
- Ты прав. Но так хочется быстрее!..
- Знаю, моя ненасытная крошка! – резко пропав, Жан появился за её спиной и крепко обвил руками. – Потерпи ещё немного! Я отведу её, куда следует... Она получит своё наследство. А мы – своё...
- Манди улыбнулась, видя в глазах возлюбленного хищный блеск.
- Вот таким ты мне нравишься больше всего, – тихо ответила она, пожирая его глазами.
- Только не забудь: она не должна знать, что ты – её брат.
- Она и не узнает. Но зачем ты вчера так её напугала? Гналась за ней, смеялась...
- Девчонка сначала даже не хотела со мной никуда идти, так была ошарашена.
- Да она мне надоела! Такая наивная, такая глупая... Поскорей бы с ней закончить! Она не имеет права ничего иметь, ничего!..
- Обещаю: скоро ты получишь всё, что захочешь! – поцеловал её Жан. Манди вырвалась из его объятий и, смеясь, исчезла.

Глава 5

Открыв глаза, Жанна поняла – она всё ещё *там*...

«Когда я уже проснусь, но так, чтобы совсем!..», – ворчливо подумала она, каждым новым днём ощущая одно и то же: маленькую, но всё же надежду, что её проблема когда-нибудь возьмёт, да и сама исчезнет! И она окажется в *своём* мире. И хоть ничего подобного пока не происходило, вставая, каждое утро Жанна думала об этом снова и снова.

– Готова идти? – Жан ел быстро, и она вздохнула, поняв, что и сегодня день начинается не так гладко, как мог бы.

Кивнув в ответ, она торопливо принялась жевать, чтобы успеть ухватить ещё пару кусков, а то неизвестно было, куда придётся идти и что делать, и когда у неё будет обед или даже ужин...

Она уже привыкла к режиму Жана – иногда он и вовсе не ел, и если ждал её, то она не успевала посмаковать, как раньше, когда жила одна в своей квартире и сама решала, сколько времени ей кушать. Но капризничать в чужом доме не приходилось, и Жанна прикусывала язычок, чтобы что-нибудь не ляпнуть.

Жан никогда не рассказывал, куда сам ходит, когда оставлял её дома, или где пытается найти для неё информацию. Вообще после тех нескольких дружественных моментов, когда он привёл её к себе домой и пообещал помочь, он как-то изменился – стал более холоден, необщителен. Жанну это немного обижало, но не беспокоило: она была уверена, что он озабочен тем, как ей помочь, потому и не говорлив, и сосредоточен, и сама тоже старалась соответствовать его настрою и спрашивать поменьше. Вот и сейчас она быстро собралась, не уточняя, куда именно они поедут.

Выйдя из дома, они направились к карете у дороги.

По её просьбе несколько раз они уже ездили обычным способом, безо всяких мгновенных перемещений: Жанна хотела осмотреть окрестности, а заодно вспомнить, что это такое – передвигаться, как простой человек. Конечно, о драконе впереди кареты она так и не подозревала, зато вполне насладились пейзажами, да и тем, что именно для неё Жан всё-таки сделал такое исключение, ведь сам он на поездки предпочитал не тратить лишнее время...

Экипаж остановился у старинного дома. «А тут всё – *старинное*», – меланхолично подытожила Жанна, оценивая его взглядом: деревянный фасад был декорирован витиеватыми украшениями в духе хорошей старины, крыльцо с резными перилами привлекало внимание искусной работой. На больших двойных дверях с резьбой по краям замка не было, и открылись они перед ними сами, будто посетителям было назначено, с таинственным скрипом, так ей показалось. На самом же деле любой скрип в этом мире ей казался таинственным и любой старинный дом – загадкой.

Как и у дома Жана, здесь тоже не было литателей. Жанна этому очень удивилась, но вовремя прикусила язык – она уже как-то пыталась спросить о них Жана, и её даже угораздило понимающе улыбнуться, предположив, что у него не хватает сил, или чего-то ещё, чтобы завести тутела для охраны дома. Он ничего не сказал в ответ но, сумев сдержать взорвавшийся гнев внутри себя, так едко посмотрел в ответ, что Жанна чуть не поперхнулась сладким «ангельским напитком» – тем, что готовят с особыми хлопьями из белого кустарника, распространённого в этих местах и имеющего мягкий ствол с весьма приятной на вкус белой мякотью. Так что она сразу зареклась спрашивать что-либо ещё...

В доме было уютно – но и только! Хотя, если бы Жанна любила читать, то поняла бы, что здесь – просто рай для книголюбов! Пара уютных диванчиков, незамысловатые стены цвета спелой пшеницы; тишина, чуть приглушённый свет... И множество стеллажей с кучей книг и альбомов. Впрочем, как выяснилось позже, не все эти книги были – для приятного чтения: в основном тут хранились исторические справочники с информацией о тех, кто здесь жил, и тех, кто тут что-то делал, приходя из других миров.

– Принесли фотокарточку? – спросил, не глядя на них, историк Близэ – старичок в больших очках с толстым стеклом и длинным широким плаще, весьма похожем на заношенный халат. На столе у него лежала огромная книга, он медленно водил пальцем по печатным строкам, что-то ища, и оторвался от неё только, когда по знаку Жана девушка торопливо протянула руку со снимком. Тогда он обратил внимание и на посетителей.

«Теперь ясно, зачем Жан водил меня к фотографу!...», – с обидой поняла Жанна: она была уверена, что он хотел оставить фотографию себе, но боялся ей в этом признаться. Правда, она уже вполне запомнила, что всё происходящее – к сожалению, не её сон, как она думала вначале, а потому взяла на вооружение слова Вильтона: «...говорить всё, что хочется, можно только там, где тебя не слышат...». И хоть это ей удавалось не всегда, но она старалась держать себя в руках; потому и сейчас, снова закусив губу, промолчала, глядя, как Близэ изучает снимок. Конечно, он вполне мог бы всмотреться и в саму Жанну, но ему, видимо, приятней было рассматривать бумагу...

– Фотографию на паспорт делали, да? – прошамкал он вскоре, пошутив.

Жан засмеялся, и Жанна вспыхнула от стыда. Ей так понравился этот формат, эта магия – на снимке было видно лицо в фас, а потом голова поворачивалась и становился виден профиль. Кто же знал, что так здесь обычно делают на паспорт?!.. Она снова закусила губу, резко вспомнив, что не должна ни с кем спорить, если не хочет остаться бездомной в чужом мире.

– А знаете, милая девушка, у вас нервы... У вас и на снимке губа покусана, – вдруг заметил Близэ, вовсе не желая обидеть.

– А она сегодня целый день губы кусает... Как будто поесть не успела, а ведь еды было много, – улыбнулся Жан – вроде по-доброму так, безо всякой издёвки, но Жанне опять показалось, что это ощущение доброты такое странное, что лучше бы он сказал что-нибудь язвительное, тогда бы хоть ясно было б, что ему что-то не нравится!..

– Просто очень волнуюсь, – ответила она как можно вежливее, и Жан улыбнулся ещё шире – словно прочитал её мысли и потому знал, что на самом деле она сейчас едва сдерживается от обиды и возмущения.

– Фотографию вы, скажу честно, сделали хорошую! Как раз такая и подойдёт для нашей работы, – решил Близэ её ободрить. – Так что теперь дело-то за малым: или будет результат поиска, или нет, но вы всё, что могли, сделали правильно! И мне даже кажется, что и я знал кого-то, похожего на вас... Но это было так давно, да и фотография тут, сами понимаете, такая молодая... Что уж и не знаю, с кем я был-то знаком...

Говоря это, он вытащил из одного шкафа деревянную коробку. Она была обычной, только сверху, на крышке, было нацарапано что-то красивое, но больше на ней не было ничего – ни знака, ни рисунка, ни какой резьбы... Близэ неторопливо донёс её до стола, но Жану помочь так и не дал, как будто это была драгоценность, дотрагиваться до которой мог только он сам.

А тот ждал терпеливо, но на самом деле очень нервничал – ему хотелось бы ускорить само время, чтобы его план уже свершился, и он остался бы в выигрыше, с Манди и безо всяких глупых девчонок, которые только и делают, что выводят его из себя!..

– Я всё правильно делаю? – снова услышал он раздражающий своей беспомощностью и бессмысленностью шёпот: на него вопросительно-умоляюще смотрела Жанна.

Он хотел промолчать, но губы исказила ехидная усмешка:

– Пока не задаёшь глупых вопросов.

«Она ощущает себя зависимой, и правильно! Каждое моё едкое слово будет делать её слабой! Да она и так слаба... А когда получит наследство... Всё будет кончено, и мне больше не придётся играть этот фарс! Манди с ней расправится – я доставлю ей такое удовольствие!», – подумал он, насупившись на миг и тут же, спрятав эмоции, снова став спокойным.

Жанна поёжилась: ей опять стало немного холодно и отчего-то захотелось плакать – она и сама не знала, отчего. Наверное, потому что вспомнился родной мир, где не приходилось находиться рядом с людьми, которые не нравятся, которых она боится... И не приходилось бы стоять там, где неинтересно, ожидая неизвестно чего, завися от других людей...

«Больше ни слова не скажу!», – подумала она и поймала взгляд Близэ: тот сочувственно качнул головой, заметив, что она снова укусила себя за губу.

– Не выпалась, – поспешила оправдаться Жанна и тут же опять закусила губу, вспомнив, что собиралась молчать. Историк на это ничего не ответил, но видно было, что он сожалеет о бедной нервной девочке, и Жанне стало ещё обидней...

Его же внимание теперь полностью переключилось на коробку. Крышка была составной – из двух частей; Близэ открыл одну из них – меньшую, которая была посередине, – и поднёс фотографию. Снимок тут же будто вырвали из рук невидимой силой, и он исчез в темноте ящичка. Открытая крышка сразу сама встала на место, и коробка осветилась голубоватым светом. Близэ удовлетворённо кивнул.

– Всё нормально? – не удержалась Жанна, и тут даже Жан не обратил на неё внимания: он был напряжён так, будто решалась его судьба, а не её.

– Так и надо, так и надо!.. – довольно закричал старик. – То, что вашу фотографию приняли, уже о многом говорит, о многом!.. Значит, здесь был кто-то из ваших...

Он замолчал, потому что свечение у коробки сменилось на фиолетовое, а потом и вовсе резко прекратилось, и крышка распахнулась – вся, слетев, упала на стол.

– Как необычно! – впервые за всё это время он посмотрел на Жанну так пристально, что она даже испугалась.

– Что-то не так? Нет никакой информации?

Трепетно ожидала она ответа, но ей вдруг стало одновременно и очень грустно, и почему-то легче, будто с неё упал целый груз тяжести – будто, наконец, убедившись, что на самом деле не имеет к магии никакого отношения, она успокоилась; но от того, что снова не сможет узнать, кем были её родные, ей стало грустно. Внутри даже что-то похолодело, словно действительно уже решилась её судьба, и Жанна позволила себе нерадостно усмехнуться.

– Кажется, есть... Просто это так странно, так странно... – пробормотал Близэ.

– Что странно? – нетерпеливо уточнил Жан, и Жанне это показалось таким необычным – не спрашивать самой, а услышать вопрос от него.

– Да вот, смотрите! – старик вытащил из коробки тёмную потёртую папку с кипой листов и небольшую шкатулку. – Документация так защищена!.. Обычно-то бумаги хранятся у меня на полках, – показал он на стеллажи. – По снимку просто идёт поиск – есть ли какое-нибудь соответствие в этих альбомах, справочниках, а потом я сам ищу их на стеллажах. А тут, получается, вся информация хранилась в...

Он замялся.

– Мне не стоит говорить, где она хранилась, вы ведь не хранители...

– Мы понимаем! – быстро кивнул Жан, чтобы тот не отвлекался от сути разговора.

– И потому при запросе информацию выдали так; значит, её не оставили для обычного хранения, – а почему? – Близэ снова уставился на Жанну, и она поспешила уверить, что и сама ничего об этом не знает.

– А что в папке-то? Информация о моих возможных родственниках? – уточнила она, и тот всё же переключился на найденные материалы.

Теребя край рукава, она нервно следила за тем, как он, никуда не торопясь, спокойно просматривает лист за листом.

– А тут документы, – наконец, произнёс он. – Юридические документы, заверенные нотариусом, о передаче наследства родственникам; потому и спрятаны были...

– Каким родственникам? И кто эти люди, чьи документы?

– А вот, смотрите!

Близэ протянул ей фотокарточку, вынутую из папки. Жан тоже резко уставился на снимок, но удивление Жанны было гораздо большим, чем его: с кусочка бумаги на неё смотрела она сама, только с другой причёской и в странной одежде – не её фасона.

– Да я такое бы в жизни не надела! – воскликнула она, покраснев. – И здесь – зелёные глаза! Что ваша коробка сделала с моей фотографией?!

– Так это и не ваше фото, – отметил историк, даже не удивившись её ошибке.

– А чьё же? – упрямо спросила она, не веря ему.

– Той, которая оставила эти документы, – вашей прабабки, так понимаю.

– Моей прабабки?..

Глаза Жанны округлились, и она ещё раз посмотрела на снимок, гораздо внимательнее и дольше, чем даже тогда – в своём мире, где разбирала старые вещи и нашла альбом с фотокарточками, на которых среди фото её бабки с ребёнком, лежал снимок с весьма пожилой дамой, матерью её бабки.

– Но там была чёрно-белая фотография, а здесь – цветная... И молодая... – задумчиво произнесла она.

– Что вы говорите?

– А?

Жанна оторвалась от снимка и посмотрела на Близэ.

– И что же это значит?

– То, что вы нашли своих родных. Радуйтесь!

Жан усмехнулся, но Жанне было скорее *странно*. Очень необычно вдруг узнать, что твои корни, оказывается, совсем в другом мире – не в том, где ты всегда жил и где ты всё знал.

– А где они сейчас? – немного глупо уточнила она, но Близэ понимающе кивнул.

– Думаю, лучше ваш спутник объяснит это, когда вы спокойно будете сидеть дома...

– У камина... – негромко добавила она, сама не зная, зачем, и снова закусил губу, но на это уже никто не обратил внимания.

– Так что там, в документах? – напомнил Жан, и старичок даже оживился.

– Очень интересный текст, очень! Дом и всё имущество, что находится в нём и на прилегающем куске земли, а также два счёта в банке, переходят в руки наследницы – только по женской линии, вот так.

– И это значит?.. – Жанна глядела внимательно, но давно уже перестала что-либо понимать.

– Значит, благодарите судьбу, что родились женщиной, вот так! – по-доброму усмехнулся Близэ, вытаскивая из кипы ещё пару листов.

– То есть всё принадлежит мне? – недоверчиво переспросила она.

– Если докажете своё родство, тогда да – вам. Для этого поставьте-ка подпись вот здесь... – он протянул исписанный и давно пожелтевший лист бумаги. – Здесь текст о том, что вы являетесь родственницей и потенциальной наследницей рода Норие. Ваше имя мы сейчас впишем...

– А прабабку мою звали как?

Старичок снова медленно полез в папку.

– Роза Норие, – нетерпеливо бросил Жан и понял, что поторопился: оба собеседника недоумённо подняли на него глаза. Он тут же поспешил добавить, – вы когда переворачивали страницы, я где-то заметил...

– Отличное зрение, молодой человек, отличное! Вам бы в расследованиях работать – там такие внимательные нужны, – одобрил Близэ, и оплошность Жана сразу была забыта.

– А вы подписывайте, подписывайте!.. А то время идёт – ко мне скоро должны ещё прийти.

– Давай, не бойся! Ты в этом мире всё равно фактически не существуешь – у тебя ни документов, ни чего другого нет, потерять ты ничего не сможешь, – видя, что она не решается, добавил Жан даже немного ласково, как тогда, в первый раз в кафе, когда убеждал её в реальности этого мира.

Жанна подумала и пожала плечами: а ведь и впрямь – кто и что ей сделает, если она сейчас и подпишется?.. У неё и так ничего нет, даже места жительства; её никто не найдёт и ничего от неё не добьётся. А подпись потом, если что, она и поменять сможет... Она взяла в руки перо с чёрным опалом и чёрным наконечником и подписалась.

– Теперь приложите палец сюда, – Близэ протянул маленькую коробочку с красным рисунком, всю в ажурных переплетениях, как в красных прожилках. Под высокой крышечкой оказалось возвышение с выдавленным узором, как печать.

Жанна бойко положила палец, куда показали, и от неожиданности ойкнула: оказалось, у неё взяли образец крови.

– Это для сравнения, – пояснил Близэ. – Сейчас поставим на документ печать вашей кровью, и если она будет принята, то это докажет вашу кровную принадлежность к семье Нориен. Видите?.. – удовлетворённо указал он на лист, где обе печати – и та, что стояла там ранее, и та, что он поставил теперь, – одинаково осветились красным. – Теперь условия наследования выполнены, и вы можете получить всё имущество, указанное в документах.

– Это что же – теперь у меня есть дом? – недоверчиво уточнила Жанна, но на листах, которые он протянул в ответ, было чётко видно, что она действительно является обладательницей некоего имущества.

– Надеюсь, вопросы исчерпаны?.. Всё остальное, думаю, сумеет подсказать ваш друг!

Историк быстро собрал почти все листы обратно в папку, чтобы вернуть на место, в хранилище документов, а оставшиеся несколько штук перевязал лентой и, сунув в другую пустую папку, протянул Жанне, как и небольшую шкатулку, что изначально лежала в коробке с документами.

– Спасибо... – начала она, но Жан резко её перебил:

– Пойдём!

Он схватил её за плечо и повернул к двери, на ходу обернувшись и сделав в сторону Близэ какой-то прощальный жест.

– А куда, куда мы так быстро?.. Не спросили ничего, не поблагодарили...

Ответа она не получила. Когда они сели в карету, Жан только кинул:

– Мы и так слишком много времени у него отняли!

И они тут же переместились к дому Жана.

А Близэ снова осторожно поднял поисковую коробку и перенёс её на нижнюю полку одного из стеллажей. Отойдя от него, он оглянулся – но коробки уже не было: привычным образом она переместилась куда-то, а куда именно – он и сам не будет знать, пока в следующий раз ему не понадобится её использовать...

Вернувшись к столу, он продолжил что-то высматривать на весьма древней карте, попеременно сопоставляя увиденное с текстом из огромной книги, чем и занимался до прихода посетителей.

Через некоторое время у главного входа опять послышались шаги и голоса, и Близэ снова отвлёкся, но уже с гораздо большим интересом: подходя к двери, он ожидал увидеть на пороге свою племянницу Кару и её друга – Аллена, и не ошибся. Девушка тут же кинулась на шею старику и защебетала:

– Мы принесли твой любимый лимонный пирог! Только-только из печи, ещё горячий и дымитесь!..

– Ты так тараторишь, что нормальные люди тебя скоро перестанут понимать, – по-доброму отметил Аллен, но она нахмурилась:

– Это тебя не поймёшь, это ты вечно что-то придумываешь, а я говорю, как есть!

– О чём это вы? – Близэ пропустил их вперёд, в столовую, и медленно пошёл следом, всё ещё оглядываясь на неизученную карту, оставленную на столе.

– Да Аллен замучил со своими фантазиями! – засмеялась Кара.

Теперь нахмурился молодой человек. Было очевидно, что ему не по нраву эта тема, но она, будто не замечая, продолжала:

– Всё время говорит о девушке с зелёными глазами – будто в праздник Ветреного Вечера познакомился с ней на набережной... И с тех пор всё ищет и ищет...

– Ну-ну, вы ведь так давно друг друга знаете!.. – примирительно произнёс Близэ, заметив, что между ними будто чёрная кошка пробежала. – Ни к чему из-за какой-то мимолетной встречи обмениваться упрёками!

Он многозначительно посмотрел на племянницу, но Кара, хоть и поняла его, не могла так просто остановиться – слишком уж измучилась она в последнее время. Они с Алленом уже почти не виделись, и всё из-за того, что он искал какую-то девушку!.. Ревность так жгла её душу, любящую его, что она снова попыталась ужалить словами:

– А где можно найти свои фантазии? Нигде!

Аллен усмехнулся. «Кара просто не понимает... – подумал он и снова вспомнил ту девушку, с которой катался на карусели. – А она была так нежна, так красива и мила. Создана лишь для меня... Почему она больше не приходила ни к кафе, ни к набережной?.. Может быть, она сразу и забыла про меня. Но я бы доказал ей, я бы... Если бы смог её найти!».

– Вкусный какой пирог! А давайте-ка я сам вам, дорогие мои, какую-нибудь историю расскажу, пока вы опять не поругались, – понял Близэ, что единственный способ утомить племянницу – это не дать ей и слова вставить. – Вот сегодня интересно очень было. Ко мне за информацией приходила молоденькая девушка с парнем.

Он вдруг замолчал, продолжая жевать пирог.

– И что? – нетерпеливо спросила Кара, но тот казался внезапно растерянным.

– Забыл... Помню, что парень с девушкой были, а зачем приходили, что там было интересного?.. Даже лица девушки – не помню... – задумчиво ответил тот.

Кара беспокойно переглянулась с Алленом.

– Не волнуйся, дядюшка! Как-нибудь потом расскажешь... Лучше объясни, что ты там за карту рассматриваешь?

Близэ тут же оживился и кинулся в пространные объяснения о том, каким необычайным путём та попала к нему в руки. Но Кара лишь делала вид, что слушала, а сама с тревогой шепнула Аллену:

– Неужели у него начались проблемы с памятью?

Конечно, ни ей, ни молодому человеку с серыми глазами, да даже и старому Близэ не пришло бы в голову, что предыдущий посетитель весьма удачно наложил на него заклятие, блокирующее память. И всё для того, чтобы никто не мог узнать о том, что наследница Нориен вернулась...

Сам же он в это время делал последние наставления Жанне.

– Теперь запомни: никому не говори, что мы вообще были у Близэ!

Жан глядел серьёзно, но Жанна уже не чувствовала себя такой робкой, как раньше: у неё ведь теперь появились корни, семья, своя недвижимость, хоть она её ещё не видела. И потому она осмелилась открыть рот:

– А почему?

«Почему, почему...», – лихорадочно задумался тот. Теперь сложно было просто отмахнуться от вопроса – Жанна же могла поинтересоваться об этом у кого-нибудь другого... А сказать правду – что Жан заколдовал Близэ, чтобы тот не помнил о том, что предоставлял такую информацию, – было невозможно. Да и другую правду сообщить – что никто не должен знать, что наследница дома Нориен вернулась, – тоже. Только в таком случае не будет никаких вопросов и удивления, когда она пропадёт или погибнет; никто и не заинтересуется пропажей, ведь не будет знать, что она и была...

– Разве ты не понимаешь? – вкрадчиво начал он. – Информация о твоей семье была засекречена. Значит, на то были причины. Видимо, твои родственники были...

– Кем?

Её глаза открылись так широко, будто она хотела охватить взглядом весь мир.

– Преступниками! – ответил Жан. – Возможно, они сделали что-то страшное, несуразное, потому их документы были спрятаны подальше, в надежде, что их никогда не

возьмут, в надежде, что наследников у таких преступников нет. И тебе лучше никому не рассказывать, кто ты есть!

Теперь задумалась Жанна. Его слова показались ей правильными, но опять стало очень тоскливо и одиноко. «Только нашла свою семью - и на тебе! Преступники... А может, и дома никакого нет? Какое имущество может быть у злодеев? Наверняка, у них всё отобрали, когда сажали в тюрьму... Что за неудача!». Она снова погрузилась в мысли и поняла, что всё ещё зависит от Жана и его поддержки в этом мире.

– О чём задумалась?

– О своём мире, – тихо ответила Жанна, вспомнив, как там было хорошо и спокойно. Ну, не всегда хорошо, но зато понятно! Поругалась с Федей – ясно, из-за чего и что потом всё равно помиритесь... Пособачилась с Маринкой – а на следующий день уже всё забыто; не сделала работу для Саши – так никуда работа не убежит... А здесь непонятно не только что, где и зачем, но и почему. – Ты говорил, я смогу туда вернуться?

– Я ничего не обещал! – резко ответил он, но тут же поправился, добавив чуть мягче. – Я лишь объяснил, что существуют возможности. Если ты помнишь, одна из них, самая для тебя простая, – это найти двойника того будильника, что ты держала в руках в своём мире.

– А как это сделать?

«Невыносимо глупа!», – угрюмо подумал Жан, чувствуя раздражение. А ведь дело – важное дело его жизни, – только начиналось, и нужно было держать себя в руках!

– Обыскать свой новый дом.

«Точно!», – Жанна расцвела.

– Я и забыла, что у меня теперь есть свой дом! А где он?

– Я провожу, но давай завтра! А то смеркается...

За окном действительно вечерело. Догорал последний луч солнца, и Жанна, любясь им, гордо улыбнулась, подумав, что у неё и в этом, ещё новом и неизвестном мире, уже есть свой дом.

– А моя семья? – вдруг спросила она. – Неужели и тут у меня никого нет? В том мире мне осталась квартира, но не было ни одного родного человека. А здесь – тоже: дом, земля... и никаких родственников?

Смотрела она жалостливо, будто ища ободрения, поддержки. Но по глазам Жана невозможно было понять, что он подумал: «Ни за что не скажу, кто я! Она несправедливо получила наследство. Что за дурацкое распоряжение, по которому получить его может только женщина?!.. Из поколения в поколение одно и тоже, бред! И ладно бы только имущество, но магическую силу!.. Сила тоже должна перейти к ней. Хорошо хоть, девчонка об этом даже не догадывается... Она должна отдать мне прабабкину силу! Сама она её недостойна. Я – наследник! И я её получу!».

– Видимо, никаких. Но ты ведь найдёшь альбомы, посмотришь фотографии; может быть, когда-нибудь кого-то и встретишь... Правда, думаю, если бы кто-то был, то он обязательно бы жил в *твоём* доме, ожидая нового хозяина имущества. А если дом пустует... Сама понимаешь. Но что гадать – завтра проверим!

Жанна кивнула и больше не задала ни одного вопроса. Поднявшись в спальню, она укуталась в одеяло и свернулась калачиком. Она надеялась, что завтра решится всё: или она проснётся в своём настоящем мире, или же в этом найдёт свои корни и, возможно, кого-то из родни.

Глава 6

Новый день был ярким. Солнце прожигало занавески, за окном была тишь да гладь, на небе – ни тучки. Жанна проснулась рано и сразу кинулась выбирать наряд, в котором собиралась впервые в жизни встретить кого-нибудь из родственников. Она была очень возбуждена и, как ни странно, такая, раскрасневшаяся от лишней суеты, которую сама же и создала, выглядела очаровательно.

Жан смотрел на неё с удивлением, вовсе не ощущая никаких особенных чувств. Ему даже казалось, что если вот так представить, что она сейчас бы исчезла из поля его зрения, то он ничего бы и не почувствовал, как будто её никогда и не было! И потому её странная восторженность при одной мысли, что она может иметь каких-то, пока совсем нереальных родственников, его просто изумляла.

Всё же сегодня он не сказал ей ни слова укора и позволил собираться столько, сколько она захочет. Когда же, наконец, Жанна сообщила, что готова ехать в *свой дом*, они сели в карету и переместились.

Жан махнул рукой, чтобы экипаж исчез и не занимал лишний раз дорогу, а Жанна в изумлении открыла рот и замерла, большими глазами уставившись на то, что, вероятно, теперь принадлежало ей...

Перед ними был забор – каменные вставки, скреплённые между собой ажурным металлом, смотрелись очень аккуратно. Через чёрные металлические штакетины виднелась каменная дорожка, кое-где заросшая, и земля, сплошь покрытая травой. У дома выросло дерево, в полной силе и красоте. Здание было каменным, трехэтажным, как и у Жана, но даже со стороны было понятно, что оно гораздо больше по размерам. Внешний вид его был весьма интригующим – казалось, что половина дома была готической: посередине – окна-арки, выше них и у крыши – окна-розы. Боковая часть этой половины здания резко меняла свою форму у земли, превращаясь в огромный корень, как будто в неё вливались останки дерева. Другая половина дома, наоборот, выделялась прямыми линиями и прямоугольными окнами и так сильно отличалась от первой, будто здесь жила не одна семья, а несколько разных кланов. Тем не менее обе стороны одинаково сильно были обвиты настырным плющом, цепко обнявшим стены зелёными лапами. Огромные арочные двери сплошь были украшены искусной резьбой, но это Жанна увидела позже, когда они оказались ближе.

А для начала она даже успела испугаться, когда они подошли к запертой калитке: на ней недвусмысленно висел огромный замок.

– Как же мы войдём? – оглянулась она на Жана. Но он, не мигая, молча смотрел на дом.

Он казался странным – не таким самоуверенным и нахальным, способным в любой момент сказать колкость, как во все прошедшие дни... Нет, сейчас он был будто растерян – как маленький мальчик, который что-то потерял, но внезапно снова увидел свою потерю и, может быть, даже понял, что она теперь находится в чужих руках, не в его...

Жанна дотронулась до него, и его словно обдало кипятком: отдёрнув руку, он резко отступил на шаг.

– Что ты? Почему не открываешь? У тебя ключ в шкатулке, что тебе дали! – нахмурившись, произнёс он, сдержавшись и не отпустив вслух пару ругательств, но прибавив их мысленно.

– Я не подумала об этом, – смутилась она. «Действительно, как можно было забыть о ключе?!...», – торопливо достав из шкатулки связку, дрожащими руками Жанна попыталась открыть замок. Тот скрипел и не поддавался, пока Жан, наконец, не предложил ей воспользоваться странной иголкой, болтающейся на кольце среди ключей. Оказалось, ключ тоже нужно было мазнуть каплей крови, чтобы он принял нового хозяина...

– Похоже, внутри никого нет, раз замком давно не пользовались, – негромко добавил Жан, и она молча вздохнула.

День принимал новый оборот: возможно, никого из родственников она и не найдёт; а впереди ещё нужно было открыть сам дом, и там могло быть ещё много закрытых дверей... «Что же, теперь каждому ключу по капле крови отдавать?! А если и на чердак будет закрыто? А если буфет будет закрыт или ещё что-нибудь?.. Так и крови не хватит!», – угрюмо подумала Жанна, вконец расстроившись.

Она распахнула калитку, и они прошли во двор.

– Ты чего насупилась? – заметил Жан, что она остановилась у забора, не решаясь идти дальше, к дому.

– Просто страшно, – честно призналась она.

– Поздно бояться, надо дело делать, – его голос немного изменился, прозвучал слишком глухо...

– А ты никогда здесь не был?

– Что за странный вопрос? – так резко спросил он, что Жанна снова испугалась, что сказала что-то не то.

– Ты ведь мог приходить сюда, когда тут кто-то жил, или, может, видел кого-нибудь... – робко попыталась она оправдаться, и Жану едва удалось расслабить слишком напряжённое лицо.

– Нет, никогда!

Больше она не спрашивала. Ей показалось, что она и так уже чем-то оскорбила своего доброго друга, который столь много для неё сделал!.. «Всё время говорю что-то не то, что-то не то...», – огорчённо подумала Жанна и тут же поняла, что ещё утром ошиблась: этот день совсем не яркий. Он унылый и печальный, и очень тоскливый!..

Они направились к дому, но тут всё пошло более-менее гладко: никаких литателов на территории не было, бояться было нечего. Дверь открылась обычным ключом, что был в связке, и никакой крови больше не понадобилось, – видимо, подтверждения на калитке было достаточно... Они вошли внутрь, и Жанна кинулась изучать свой новый дом, который, впрочем, считала только временным пристанищем, рассчитывая вскоре найти здесь часы и вернуться в свой настоящий, первый мир.

Жан не мешал ей, не отвлекал, но и не помогал осваиваться. Он как будто замер, словно оказался глубоко в воспоминаниях и видел теперь только их. Это было и неудивительно, ведь своё детство он провёл именно тут... Вот только мечта всегда жить здесь разбилась, когда он узнал, что дом достанется наследнице – представительнице женского пола. А потом, когда ему было четырнадцать, родилась Жанна...

Поллюбить сводную сестру он не успел – вскоре произошёл конфликт: дед Шамиль внезапно переехал жить в свой собственный дом, подал на развод с Гвендой. Потом забрал к себе на воспитание и Жана – с согласия всей семьи и самого мальчика, который из всех родственников больше всего любил деда, ощущая, впрочем, что остальные в этом доме тоже не так уж сильно любят его самого.

Вскоре мать Лидия погибла при странных обстоятельствах – отправилась с девочкой на прогулку, но не вернулась. Тело обнаружили среди камней, неподалёку от места, где

стояла коляска с невредимым ребёнком. Оно было изрезано магическими лучами так, что не было даже пролитой кроли – раны были просто выжжены... Что произошло, до сих пор осталось нераскрытым, ведь владение магическими лучами на таком уровне было как раз у неё самой... После исчезла и бабка Гвенда, которая должна была получить этот дом от своей матери Розы, прабабки Жана, чтобы в свою очередь передать его Лидии, а после её гибели – и Жанне. Но последняя наследница рода Норием пропала вместе с исчезновением Гвенды, и Жан так и не узнал, в чём заключался столь серьёзный конфликт, который привёл когда-то благополучную семью к распаду...

– Эй!.. Ты посмотри, сколько предметов! – Жанна даже не нашла слов, чтобы описать, что именно она сейчас видит и имеет в виду.

Вещей действительно оказалось так много, как будто здесь жили настолько разные люди, что каждый имел собственный набор предметов по своему вкусу, – даже в одной и той же комнате тут можно было наблюдать несколько однотипных предметов. Например, в гостиной часы были на стене, на столе и на подоконнике, и все они очень отличались между собой: одни были изящными, опоясанными красивым ажурным узором и, похоже, полностью из золота; другие, очень простые, состояли из циферблата, который был просто закреплён на небольшом куске дерева, покрытом чёрным лаком. Настенные, зелёного цвета, имели очень необычную форму – искривлённую, будто их пытались увязать в узел... В большой столовой за огромным дубовым столом стояли стулья – тоже все разные, будто домочадцы договорились пользоваться каждый тем, кому что нравится, а не чтобы был комплект... Но самым странным показалось Жанне то, что в каких-то комнатах предметы повторялись – не только по функции, как с этими часами, но даже во внешнем виде у некоторых не было никаких отличий! Так, в гостиной на большой добротной каминной полке стояло два одинаковых светильника, а у стола – два абсолютно одинаковых горшка с абсолютно одинаково увядшими растениями, чьего названия она определить бы не смогла!

– Я лучше пойду, – вдруг глухо произнёс Жан, не обращая внимания на её слова.

Для него это оказалось слишком тяжело – видеть, как место, которое всегда было его мечтой, его пристанью, кровом, стало принадлежать другой, и смотреть, как эта другая, будто издеваясь, носится по *его дому*, питает от восторга и заставляет его глядеть на его же предметы, на то, что по праву должно принадлежать ему!

Она даже не поняла, как это произошло – он развернулся и быстро вышел; резко хлопнула за ним дверь. Жанна кинулась, чтобы уговорить его вернуться, но, открыв её, поняла, что здесь больше никого нет.

А Жан даже не пошёл к дороге, чтобы вызвать экипаж и спокойно отправиться, куда нужно, – он переместился тут же, у порога, сам, как обычно делают тёмные маги.

Через пару мгновений он оказался у старенького заброшенного дома с сорванными петлями и тут же со всей злости ударил кулаком по вечно скрипящей двери, и она заняла с новой силой.

– Мой ангел не в духе?

Жан почувствовал за спиной шелест крыльев, кто-то положил руку ему на плечо. Но он не торопился обернуться – на лице его остались капли, и их никто не должен был видеть!

– Ты даже не хочешь на меня посмотреть? – Манди не обижалась, а играла, потому что была в настроении, как никогда. – Ты расскажешь мне, как *она* там? Она получила наследство, она получила наследство? – услышал он где-то в воздухе над головой, как будто карканье ворона, и, подняв голову, увидел, как чёрное оперение кружится в танце.

– Она получила его. Но лучше бы я сразу убил её!

Он так сильно ударил по стене из сбитых досок, что содрал на руке кожу. А дом заскрежетал так, будто был очень недоволен его поведением. От одной из досок, наконец, выбрался невытянутый кем-то загнутый гвоздь и попробовал вонзиться в обидную руку. Но Жан отмахнулся, и гвоздь полетел прямо в землю, а дом заныл с ещё большей силой.

В небе почернело.

– Что ты, что ты! – зашумела Манди, тут же приземляясь и возвращаясь в человеческий облик, чтобы обнять его. – Сейчас нельзя, надо, чтобы она получила всю силу, что только можно! Тогда ты убьёшь её, и сила достанется нам. Тебе, – поправились она, глядя в жёсткие глаза, – но ты ведь будешь со мной, да? Не бросишь меня?

Её глаза таили в себе яд и какое-то странное лукавство от скрываемой глубоко внутри жёсткой мысли, но Жану это и нравилось. Он тут же усмирив свою боль.

– Конечно, я получу эту силу, не сомневайся! И ты всегда будешь со мной.

– А она не узнала о тебе?

– Ты обо мне тревожишься? – ухмыльнулся он, вспомнив, что никогда ранее Манди не проявляла такой заботы. – Не бойся, она всё равно мне ничего не сделает!

– Если она узнает о тебе раньше, чем заберёт её силу, с ней придётся *бороться*, и ты просто мальчишка, если не придаёшь этому значения! – тут же озлилась она. – Этой силе много лет. Не зря прабабка таила её ото всех, и только потом стало ясно, что именно она, Роза Нориен, держала её в себе. А ведь после её смерти сила могла распределиться среди её домочадцев, среди потомков, но нет! Гвенда ни черта не стоила, как колдунья! А другие её дети? У неё были другие дети?.. – вдруг задумалась она.

– Вряд ли это стоит нашего внимания, – отметил Жан, и она кивнула.

– Может, ты и прав... Но сейчас у нас один шанс добраться до этой силы – выжать её из Жанны, сколько бы там ни было!

– Думаешь, прабабкина сила вся уйдёт к ней? К этой глупой девчонке, которая о магии-то ничего не слышала?

– Сложно об этом судить. Может быть, твоя *старуха-бабка* специально-то её и забрала, чтобы спрятать – увести из этого мира, чтобы сила никогда её не нашла...

– Не говори о ней так, – вдруг глухо перебил её Жан.

– Что? – не поняла Манди.

– Моя бабка. Не говори о ней так грубо!

В его глазах был чёрный огонь, и Манди тут же поправились:

– Не хотела тебя обидеть, и её... Так я говорю об этой несносной девчонке... Мы привели её в этот мир, и энергия семьи Нориен должна направиться на неё, ведь других прямых наследниц женского пола в семье нет; по крайней мере, мы о них не слышали, а значит, им всё равно не досталась та сила, что была у Розы... И теперь, когда Жанна кровью подписала свою принадлежность к семье, энергия должна будет её найти. А когда она ей наполнится, мы её заберём! Только нельзя пропустить момент, чтобы девчонка не начала осознавать новую силу, как часть себя.

– Этого не бойся – она слишком глупа!

– Что ж, раз ты так считаешь... Но, думаю, ты должен быть рядом с ней, рядом... Почему ты *сейчас* оставил её? – резко встревожилась Манди, поймав новую мысль. – Вдруг теперь, когда она только вошла в дом, как наследница, и происходит главное, может, сила уже наполняет её?.. Ты должен вернуться...

– Конечно, она должна что-то ощутить, – перебил Жан, холодно усмехнувшись, – и, возможно, это и происходит в этот самый момент, но ведь нам это и нужно, верно? Я заберу силу, когда она вся наполнится ею!

– Делай, как знаешь! – буркнула Манди. Её лицо потемнело – то ли от гнева, что он перебил, то ли от недовольства, что отказался от её совета.

– Обязательно, – Жан пристально поглядел в злое лицо и, немного помолчав, добавил. – Ты никогда не говорила, что ты меня любишь.

– Вороны только каркают! – она грубо оттолкнула его руку и снова стала чёрными крыльями. – Позови, когда будет что-то новое! И уничтожь свои семейные фотографии, чтобы она не узнала! – прокричало что-то в небе, и через миг оно просветлело.

«Я и так всё своё уже забрал из дома... Из *моего* дома!», – с тоской подумал Жан, вспомнив, что ему пришлось пересмотреть все альбомы в своём бывшем доме, чтобы найти свои старые фотографии – лишь так он мог быть уверенным, что Жанна не узнает о нём!.. Но уничтожить их он всё же не смог – прошлое всё ещё держало его, было дорого... Он спрятал их от чужих глаз в шкаф за тайной дверью, правда, для начала ещё раз внимательно изучив все снимки: и цветные, и чёрно-белые, и даже статичные – те, где картинка была замершей, хоть такие никогда ему и не нравились. Он пытался найти на них одну деталь: было ли у него когда-нибудь, хоть в далёком детстве, маленькое, не очень заметное родимое пятно на левом запястье. То самое, которое небольшой точкой стояло у Жанны и, как ни странно, у Розы Нориен – той, которая славилась своей магической силой, хоть и скрывала её ото всех, даже от своих домочадцев. Но Жан-то знал свою прабабку...

Ещё раз глубоко вздохнув, он опёрся на дверь старенького дома. Тот загудел, будто Жан кровно его обидел, но молодой мужчина тут же миролюбиво похлопал по едва сколоченным доскам.

– Не обижайся, старик!.. Меня сегодня просто как будто в яму бросили, так тяжело было. Тебя-то, чай, никто не обкрадывает, а?

Тот загудел, но уже не так гневно, как раньше. Маленькая дверь со скрипом распахнулась, будто приглашая войти. Жан подумал и действительно шагнул внутрь.

Он тут же оказался у лестницы; за спиной было три двери. Сразу обернувшись, он подошёл к средней. «Мне бы что-нибудь из прошлого...», – едва шевеля губами, произнёс он и потянул за ручку.

За дверью оказалась комната. Это была детская, разноцветная – вся в голубых и розовых тонах, как будто много уже поколений и мальчиков, и девочек выросло здесь. На стене висели бумажные поделки, рисунки; на полках сидели красивые куклы в несколько старомодных, но очень красивых нарядах с ажурными подолами; по полу были разбросаны кораблики с остовом из деревянных щепок и цветными парусами из бумаги и лоскутов ткани. На кровати – несколько потрёпанных книжек.

Он подошёл к столу. Здесь на видном месте стояла его драгоценность – самый настоящий корабль, который специально для него сделал дед Шамиль. Паруса его были из плотной ткани, бледно-зелёного цвета. А когда они надувались – а для этого не надо было ждать попутного ветра, ведь прабабка Роза создавала его простым мановением пальца, – то становились ярче, как зелёный ковёр на поляне...

Жан протянул руку, чтобы дотронуться до него, как вдруг к нему подбежал взявшийся из ниоткуда мальчик.

– Это мой корабль! – топнул он ногой, очень обиженно глядя на Жана.

– Нет, он мой, – ответил тот, усмехнувшись самому себе, но маленький Жан странно произнёс:

– Ты уже – совсем не я.

Тот нахмурился и всё равно взял игрушку, на что маленький ещё раз топнул ногой, но тут же пропал из комнаты. Жан снова оглянулся и замер – внезапно он увидел своё отражение в зеркале: чёрное пламя, сжигающее корабль с яркими зелёными парусами...

Глава 7

Жанна задумчиво вертела в руках «Спутник». Он горел фиолетовым цветом, напоминая, что она, в принципе, движется в верном направлении к дому Жана. Но она не двигалась. Она знала, что отсюда – из своего дома, – действительно может в любой момент выйти и направиться туда, к Жану, потому сфера и светится. Стоит лишь выйти... Но она не хотела. Не сейчас, когда она ещё не освоилась в своём новом доме и не нашла будильник. Конечно, втайне она надеялась, что добрый друг вскоре сам её навестит... хотя прошло уже несколько дней, как они открыли эти двери и он ушёл, и до сих пор так больше и не появлялся, будто ему и дела-то нет никакого до Жанны! «...до того, как я тут одна справляюсь, в чужом мире-то!», – обиженно подумала она.

И расстраиваться было чему: дом оказался таким большим, что она сразу поняла – быстро найти будильник не удастся, если только он сам не спрыгнет ей в руки с какой-нибудь полки или не выберется из какой-нибудь груды вещей! И любая помощь, даже в виде идей, ей бы очень пригодилась!

Тяжело вздохнув, она отложила было «Спутник» в сторону, но тут же снова схватила его, вспомнив, что при необходимости это – единственная для неё возможность найти Жана! Спрятав сферу в карман и убедившись, что она оттуда не выпадет, Жанна, наконец, немного расслабилась. И разревелась...

Она знала, что сейчас её никто не услышит и не увидит, потому плакала долго и интенсивно, как будто всё, что произошло с ней в последнее время, наконец-таки вывело её из себя. Будто она исчерпала все свои позитивные ресурсы, которые, быть может, и материализовывались в то, что другим людям казалось нелепым или глупым, но с которыми ей самой было хорошо. А теперь она была опустошена, и оставалось только плакать от безысходности, потому что она осталась одна и теперь очень сильно боялась – всего. И самое печальное, а теперь ещё и страшное, что её очень беспокоило и вгоняло в депрессию, – то, что ей нечего было по есть.

В доме Жана она могла кушать, сколько хотелось. Конечно, по утрам он иногда торопил, и она, бывало, едва успевала перехватить кусок-другой, чтобы его не рассердить, но зато потом они могли пообедать в кафе или вернуться домой и спокойно вдоволь покусать. И ужин тоже был долгим и приятным, по крайней мере, для неё самой, потому что она могла посмаковать каждый кусочек...

А в этом доме еды не было совсем, кроме старых и очень чёрствых сухарей, которых, по счастью, в чулане рядом с кухней нашёлся целый мешок. Выходить на улицу и искать магазин Жанна не стала, очень боясь потеряться, не зная города, ведь у неё не было даже карты! Не догадавшись внимательно просмотреть документы, полученные от Близэ, не знала она, и на какой улице сейчас живёт, чтобы при случае спросить у прохожих дорогу к дому, и потому никуда не выходила и поливала слезами найденные сухари, чтобы хоть как-то продержаться. Конечно, она не собиралась всю жизнь в этом мире провести на

сухарях, но очень ждала, что Жан скоро вернётся. Ведь не мог он просто так взять и бросить её одну? Он должен был прийти, должен был помочь...

Внезапно раздался глухой стук. Жанна резко подняла голову и прислушалась. Стук прекратился, но потом снова повторился, и снова. Кто-то явно стучал в парадный вход.

Она съёжилась ещё больше, решив, что или от голода у неё начались галлюцинации, или что её ожидает новая опасность. Ведь она никого не знала, кроме...

При мысли, что это, наконец-то, вернулся Жан, она подскочила и, даже забыв вытереть лицо, кинулась к двери. Но, распахнув её, она поняла, что это совсем не её добрый друг, а какая-то незнакомая девушка с небольшой картонной коробкой в руке, и по лицу её снова потекли слёзы.

– Простите, я вас чем-то обидела? – удивилась та, но Жанна, не отвечая, только помотала головой и растерянно пошла обратно, больше не обращая на неё внимания.

Девушка поняла, что приглашения ей не дожидаться, но уходить не собиралась, и, не успев дверь закрыться, как она прошла вслед за хозяйкой.

– А вы зачем?... – очередной раз всхлипнув, спросила та, увидев её за собой.

– Я – ваша соседка, Мари. Увидела, что в дом заселились, и зашла познакомиться.

– Я – Жанна... – на лице её было написано, что ей сейчас абсолютно всё равно, кто рядом. Главное, это был не Жан.

– А почему вы плачете?

Тут она снова не выдержала и горько-горько зарыдала, присев на корточки.

Мари жалостливо присела рядом и, поставив перед ней принесённую коробку, приоткрыла крышку. И участливо произнесла:

– А я тут для знакомства пирог свой принесла.

Жанна вдруг почуяла невероятный аромат горячего хлеба. Она отлепила руки от лица и увидела, что из коробки глядит очаровательная, восхитительная корочка круглого пирога.

– Это можно кушать? – не отводя от него взгляда, заворожённо спросила она.

Не успев Мари ответить, как она уже цепко схватила коробку и побежала на кухню, по пути сказав, что они тут же должны его съесть!

Мари засмеялась, но потом оказалось, что хозяйка вовсе не шутила: на кухне она сразу же, без лишних разговоров, схватила нож и, отрезав большой кусок пирога, впиалась в него зубами. Ароматный сок горячего мяса стекал с её рук прямо на стол, но ей было всё равно.

Она спешно жевала и замедлилась, только когда съела почти половину всего пирога. На лице её появился румянец, и ей неудержимо захотелось смеяться.

– Очень вкусно, очень! – громко, радостно сказала она, облизывая сочный жир с пальцев.

– А вы что, давно не ели? – осторожно спросила Мари, и Жанна вновь поникла и поёжилась от стеснения.

«А, впрочем, почему я должна скрывать?...», – вдруг подумала она и тихо ответила:

– Знаете, в этом доме только одни сухари и никакой еды, никакой... Я действительно очень голодна.

– А почему вы не ходили в магазин? Я целый день ждала, когда вы выйдете из дома, чтобы познакомиться. И вчера, и позавчера...

– Я не знаю, куда надо идти. Боюсь заблудиться, – честно ответила та.

– Вы здесь недавно?

– Я тут вообще впервые.

– Где? – Мари смотрела внимательно, и Жанна вдруг подумала, что всё равно ничем не рискует. Ну какая разница, если кто-то и узнает, что она не из этого мира?..

– В вашем мире, – грустно ответила она. – Мне проводник открыл дверь, я к вам вошла, а потом не успела пройти обратно, и дверь исчезла.

– Как интересно! – изумлённо воскликнула Мари. – Никогда не встречала в нашем мире таких людей. Истории – да, слышала, но настоящих людей, которые ходили из одного мира в другой, сама никогда не видела!

– А почему? – теперь уже насторожилась Жанна, ощутив холодок, – она снова вспомнила предупреждения – и Вильтона, и того приятного мужчины с серыми глазами...

– Да обычно о таком молчат.

– Почему? – упрямо смотрела на неё Жанна, мечтая наконец-то услышать понятный ответ.

– А вы в магии многое понимаете? – уточнила та вместо ответа.

– Не очень, – покраснев, сказала она. И тут же, выдохнув и набравшись смелости, добавила, – вообще ничего о ней не знаю! В моём мире никогда не было... Нет того, что вы зовёте магией. Никто не колдует, волшебства нет. Простой мир.

«Простой, но очень приятный и понятный», – вздохнув, мысленно продолжила она.

– О, тогда ясно, почему вы не знаете, что не стоит говорить о своих перемещениях, – понимающе кивнула Мари. – Это, знаете, как выставить перед всеми людьми список с содержимым вашей личной, секретной камеры хранения. Вот вы бы стали рассказывать незнакомым людям, сколько денег лежит у вас на счету в конкретном банке?

– Нет, конечно! – опешила та, но Мари не дала ей опомниться:

– А теперь представьте, что ваши магические способности – это драгоценность, богатство, которое хранится в вас самих. Так зачем же каждому первому встречному говорить о том, какое у вас есть богатство? Вдруг он окажется вором, бандитом или даже убийцей?

Жанна молчала, открыв рот. Она никогда бы не могла подумать, что ей будут говорить такие вещи – такие странные вещи! – а она будет слушать и внимать.

– То есть вы говорите, что у меня есть какие-то способности? – медленно, непонимающе повторила она.

– Это очевидно, раз вам удалось найти дверь, за которой был проход с проводником.

– А что, это не каждый может?

– Нет, не каждый.

– Даже в вашем мире?

Мари задумалась.

– А в твоём мире все люди одинаково богаты?

Жанна, наконец, поняла про богатство, но не поняла нечто другое.

– А зачем здесь что-то скрывать? Разве в вашем мире не все добрые?

– Что? – опешила та. – *Добрые?*

Чуть помолчав, она всё же не сдержалась и залилась смехом. Просмеявшись, она посмотрела на помрачневшую Жанну и, спохватившись, тут же объяснила мягко, как доброй подруге:

– Не обижайся! Просто никогда не слышала такой... интересной мысли. А почему ты думаешь, что здесь все должны быть добрыми?

– Как же... – осторожно начала Жанна, стараясь подобрать слова и не ляпнуть ещё чего-нибудь. – Раз у вас есть магия, то есть волшебство и колдовство, тогда зачем кому-то быть злым? Ведь у вас, наверняка, есть всё, что вы хотите, да ещё так просто?

– Вот оно что... – серьёзно посмотрела на неё Мари. – То есть ты в корне не понимаешь, что такое магия... Ты думаешь, это нечто, что даёт человеку делать свою жизнь проще?

- Разве это не так? – удивилась Жанна.
- Конечно, нет! Это всего лишь одна из способностей человека. Как, например... Как, например, способность слышать.
- Что? – опешила та, начиная запутываться.
- Ну представь: у человека есть уши, и он может ими слышать – других людей, их слова... Благодаря этой способности он получает информацию, но использовать её может по-разному: может нанести вред или принести пользу, или даже вообще ничего не делать! Так и с магией: эти способности – всего лишь возможность сделать ещё что-то новое, кроме тех обычных вещей, что может каждый или почти каждый. Это не панацея и не источник золота, это – только способность, и все сами выбирают, для чего будут её использовать.
- То есть люди у вас – обычные?
- И добрые, и злые, если ты об этом.
- Что ж... А я думала, чем больше человек имеет, тем ему легче жить... Тем он добрее, потому что ему меньше надо... Но у вас, наверное, хотя бы никто ни с кем не ссорится, да? Раз все маги, то незачем?
- Тяжело тебе будет, если сразу не привыкнешь к мысли, что магия – не меняет людей. Это люди, обретая силу, меняют магию, пытаюсь расширить ею рамки своих возможностей и осуществить свои, иногда весьма странные или опасные, фантазии.
- Что, и убивают?.. – похолодела Жанна от одной мысли, что с ней теперь могут сделать, ведь она ничегошеньки не понимает в этом мире!
- А ты как хотела? Если вор или бандит знает, что у тебя есть богатство, которое он хочет себе забрать, он что, церемониться будет? Нет! – придумает, как забрать, и отберёт; может, и силу применит. То же самое и здесь...
- А можно я ещё кусочек съем? А то у меня от всех этих новостей желудок свело, – нерешительно спросила Жанна, видя, что её усилиями пирог и так уже уменьшился почти вдвое.
- Конечно, ешь! А хочешь, ко мне пойдём? Покормлю тебя как следует, а то ты, бедная, только сухари и ела в последние дни, – ласково предложила Мари, но Жанна чуть не поперхнулась: теперь, когда соседка столько рассказала, ей стало страшно неуютно. Вдруг эта самая Мари как раз и хочет ей навредить?
- А ты... довольна своей силой? – смутившись, нерешительно уточнила она.
- Та посмотрела серьёзно, поняв её тайную мысль. Но не обиделась.
- По сути вопрос правильный. Только никто тебе не ответит честно, даже если ты и будешь это у всех спрашивать! Но я тебя успокою – твоя сила мне не нужна, мне вполне хватает своей. Тем более, что у некоторых нет вообще никакой.
- Это, значит, у всех совсем разные возможности? Как же вы тут живёте?
- Ну, о магии-то знают все, но все люди и отличаются – у кого-то силы больше, у кого-то меньше; кто-то развивает свои способности, а кто-то – не хочет. Семей, где никто хоть в самом малом виде не владеет магией, здесь практически нет – обязательно кто-нибудь что-то умеет. Да и в общественной жизни особых трудностей возникнуть не может. К примеру, в кафе заказ можно сделать, используя магическое меню, а можно заказать лично, зайдя в комнату к официантам или подзвав их с помощью колокольчика на столе. Экипаж можно вызвать самому с любого места дороги или же – попросить сделать это прохожих, владеющих магией; или поймать попутку – впрочем, её сложнее дожидаться, можно ведь не заметить, если транспорт будет мгновенно перемещаться... А есть и остановки, и на них всегда дежурят швейцары – они и вызывают транспорт для перемещения по главным местам города. Кстати, это очень представительный чёрный

экипаж; там ещё пара вороных коней впереди. Правда, не все об этом знают – их же не все видят. Мне самой, например, об этом только рассказывали...

– Кого не видят? Коней? – засмеялась Жанна, решив, что не так поняла.

– Конечно! Они ведь находятся в другом пространстве – между местом, где карета остановилась, и тем местом, куда нужно переместиться.

– Ох... А я тоже как-то ездила... Нас возница перемещал.

– А поводья у него в руках были?

– Да. Я ещё подумала: какой смешной! – зачем держит поводья, если они уходят в пустоту... – задумчиво ответила она. – Так ты говоришь, и вызвать экипаж не все могут?

– А ты вызывала? – с интересом спросила та. Жанна кивнула. – Здорово! А что ты ещё умеешь?

Увидев на её лице растерянность, Мари кивнула.

– Ничего, со временем узнаешь.

– А если меня уже убьют? – ляпнула та, очень теперь беспокоясь.

– А кому это надо?

– Ну, ты говоришь, что такое богатство... – она закашлялась. – Что если кому-то захочется, то он может и напасть.

– Знаешь, вызвать возницу – это на самом деле такие мелочи, что за тобой никто гоняться и не будет! Есть же те, кто умеет намного больше. А ты... пока никто ведь и не знает, что ты что-то умеешь, что у тебя есть какая-то сила, верно? Или это не так?

Она смотрела испытующе, но Жанне сказать было нечего – она пожала плечами, и Мари, ощутив её неловкость, перевела тему.

– Кстати, а почему ты живёшь в этом доме? Тебя кто-то впустил?

– Он перешёл мне по наследству.

Та взглянула с таким интересом и так добродушно, что Жанна, на миг вспомнив налёки и прямые предупреждения Жана никому ничего не рассказывать, решила всё-таки поведать свою историю.

– Мне бы только будильник свой найти! – посетовала она, договорив. – Двойник его...

– Так поэтому ты сидишь тут день за днём – ищешь? Давай помогу?

Жанна сразу расцвела – эти слова о помощи она ждала уже несколько дней! Правда, в её мечтах это произносил Жан, но и так тоже было очень неплохо, лишь бы помогли!..

Мари вышла в холл и, закрыв глаза, подняла вверх руки. Так она постояла, медленно поворачиваясь по кругу и что-то шепча; после – открыла глаза и прислушалась. Ничего не происходило.

Она повторила действие ещё пару раз и, обессиленно опустив руки, вздохнула.

– Не получается?

– Этого будильника здесь нет или по какой-то причине он не желает отзываться, – задумчиво отозвалась она. – Или же просто не способен – если на него наложено такое заклятие... Возможно, ты должна найти его сама. А может...

– Что? – Жанна аж затаила дыхание: на лице соседки мелькнула какая-то тёмная мысль.

– А может, ты *не должна* его найти... В любом случае, искать его придётся вручную!.. Ну а теперь, может, прогуляемся по улице? Покажу что-нибудь или в гости ко мне зайдём...

– Конечно! Видишь: и дом хочет, чтобы я немного развеялась, – вдруг засмеялась та.

Мари оглянулась: парадная дверь действительно приоткрылась, будто приглашая хозяйку выйти.

– А на днях вот я собиралась найти Жана, но дверь эту не смогла открыть! Замок, наверное, заело, надо менять... – пожаловалась она, выходя во двор.

Калитка отворилась также без проблем, и Жанна, ещё раз мельком взглянув на Мари и снова не увидев никакого зла за той доброжелательностью, что читалась в её лице, промолчала, хотя у неё вдруг мелькнул странный вопрос: а каким образом та прошла к её дому через *запертую* калитку?..

Впрочем, она быстро отпихнула от себя все сомнения и всё равно пошла вслед за ней дальше, ведь так хотелось кому-нибудь верить!.. Она собиралась приятно и с пользой провести время: поесть вкусной и, главное, горячей еды за интересной беседой, в которой можно будет узнать ещё что-нибудь об этом мире, раз Жан, спокойно бросив её на произвол судьбы и даже ни разу не проведая, перестал ей помогать и что-то рассказывать.

А сам Жан в это время был озабочен совсем иными вещами: среди старых снимков он упорно искал хотя бы одну свою фотографию с каким-нибудь маленьким, едва заметным родимым пятном на запястье. Но поиски до сих пор не дали результатов и, наоборот, прибавили вопросов – ещё раз внимательно пересмотрев все альбомы, он понял, что в них нет ни одного изображения с ним в младенчестве. Конечно, можно было предположить, что мать Лидия вовсе не любила делать подобные снимки или считала, что маленьких детей фотографировать нельзя, но против этой теории явно кричало несколько фотографий Жанны, которой не было и года. Жан и так всегда ощущал, что мать не особенно-то его и любила, а тут обида и злость с новой силой захлестнули его душу. День за днём он продолжал пересматривать альбомы, и, в конце концов, даже нашёл один заинтересовавший его снимок, но к этому моменту его так сильно уже раздирала собственная злоба, что он с удовольствием поделился бы ей с кем-нибудь, схожим по духу, например, с Манди. А она, как назло, куда-то пропала... Пару раз он видел за окнами своего дома чёрные крылья, но, тут же перемещаясь во двор, не находил ни следа возлюбленной! Эта странная игра, если и была игрой, поначалу забавляла его, но теперь начинала выводить из себя, заставляя теряться в догадках, отчего Манди перестала его навещать.

Ему даже стала приходить в голову неприятная и очень назойливая мысль – что тёмная подружка затеяла новую игру, в которой он, её возлюбленный, ей уже не нужен. Может, сейчас, когда он помог Жанне получить наследство, она решила сама закончить дело?..

Впрочем, через некоторое время, когда он находился в кабинете на третьем этаже, в парадную дверь громко постучали. Не теряя времени, он тут же переместился вниз и открыл. На пороге стояла строгая, вытянутая, как струна, Манди.

– Наконец-то!.. – начал Жан, но она недовольно перебила:

– Ты не делаешь то, о чём мы договорились!

Быстро пройдя в гостиную, она резко вытянула руку в сторону камина. На дровах взметнулся огонь.

– И на что ты так зла? – уточнил он, на самом деле не догадываясь, в чём причина её гнева.

– Ты не понимаешь? Не понимаешь?! – прокаркало что-то в его голове, пока Манди очень угрюмо, насупившись, смотрела в его глаза.

– Ни капли не понимаю! – спокойно произнёс он, усаживаясь в большое, потрёпанное временем кресло.

– Она ищет будильник, а ты оставил её одну! Ты не следуешь нашему плану? Ты уже не принадлежишь мне?

– Я ошибаюсь или слышу нотки ревности? – усмехнулся он, но это разгневало её ещё больше, и огонь в камине взвился так сильно, что чуть не выпрыгнул из своего ложе наружу, на ковёр.

– Ты передумал? Так и скажи, и я буду знать, что ты меня предал, что ты *нас* предал! – она развернулась к двери, но он тут же подскочил и схватил её за руку.

– Она должна сама освоиться в новом доме.

– Зачем? – угрюмо дёрнулась Манди, но он держал крепко.

– Хочешь, чтобы мы сейчас же от неё избавились? Давай, я сделаю всё, чтобы её нынешняя сила перешла ко мне, и всё будет кончено тут же! Но мы никогда не узнаем, сколько ещё силы могли бы получить, если бы чуть-чуть подождали! Никогда не увидим ту мощь, что хранилась когда-то в Розе Нориен, о которой ходили бы легенды, если б прабабка вовремя не стирала память тем, кому не доверяла! Так скажи: мне теперь же избавиться от девчонки?

Манди угрюмо помолчала, обдумывая. Потом дёрнула рукой, отчего в камине вновь вспыхнуло пламя, и её лицо снова исказилось ненасытной злобой.

– Хорошо, оставь пока... Пускай наберётся сил, пускай... Но смотри, лишь бы не было поздно! Иначе ты меня больше никогда не увидишь!

– Справиться с ней никогда не будет *поздно*.

– Ты сам сказал, что сила будет велика. Как ты сумеешь ей противостоять?

– Ты мне не доверяешь?

Манди глядела всё также угрюмо, и Жан покачал головой.

– Я знаю, с чем имею дело. Я много лет следил за своей прабабкой, я почти всё своё детство прожил рядом с ней! Дай мне ещё время – успокойся и наслаждайся тем, что будет дальше, и вся сила – слышишь? – *вся* сила перейдёт ко мне.

– Хорошо, я тебе верю! – насупившись, она сверлила его взглядом. – Но ради меня, ради нас – спрячь получше этот чёртов будильник, раз ты не хочешь его уничтожить! Если она найдёт его у тебя, всё будет кончено!

– Не беспокойся – всё только начинается! – Жан обнял её, но лицо его почернело: он снова подумал о том, почему на самом деле не избавился от будильника - после того, как нашёл его в своём старом доме, в комнате прабабки Розы, и, вызвав с его помощью звон двойника в мире Жанны, открыл для неё проход в этот мир, он просто не смог его уничтожить! Защита, наложенная на часы, оказалась сильнее, чем он предполагал, и пока ещё они просто не поддавались его магии...

Внезапно вспомнив кое-что, он чуть отстранил её и достал из кармана чёрное портмоне с тиснением в виде крыла ворона с заострёнными крючками на концах перьев, – подарок Манди. Оттуда он осторожно вытянул чёрно-белый снимок - на нём была запечатлена большая семья; по центру среди более взрослых родственников стояла молодая женщина. У неё были красивые, правильные черты лица, а во взгляде сияла даже какая-то гордость.

– Посмотри, что нашёл среди семейных альбомов. Других похожих там нет... – сказал он и тихо добавил, указав в середину, – никогда не видел её такой...

– Это кто?

– Моя мать. Она тут такая красивая, такая молодая... А я помню её всегда рассеянной и расстроенной. Даже когда она меня ругала, мне казалось, что она винит себя, а не меня...

– Глупости какие! И что интересного в этом снимке? – Манди холодно пожалала плечами.

– На руку мою посмотри.

Лидия бережно прижимала к себе младенца. Присмотревшись, на левом запястье его можно было рассмотреть небольшое пятнышко.

– На моей руке его уже нет... – задумчиво отметил Жан, видя, что бровь Манди вздёрнулась.

– Глупости какие! – повторила она и выхватила снимок. – Дай-ка внимательней взгляну!

Она долго всматривалась в него, а сама лихорадочно обдумывала, что же сделать дальше. И вскоре на её лице появилась улыбка.

– Мой милый везде ищет загадки... Это обычная царапина или крошка попала на кадр. Не трать своё время на мелочи!

В её улыбке было много лукавства, которое так нравилось Жану. Он крепко обнял её, пожирающую его глазами, и не заметил, как она спрятала фотографию в свой карман.

Глава 8

Впервые попав на кухню Мари, Жанна осматривалась, не скрывая восторга.

Дровяная печь у стены с каменной кладкой смотрелась очень эффектно. Мраморная раковина с лепниной напоминала сад – по краям цвели мраморные цветы, будто окружая родник с водой. На подоконнике стояло несколько горшков с растениями, которые радостно дышали, как и клумбы в саду. Мари немного полила их водой, и розовые полупрозрачные цветки ещё сильнее закачали головами, а внутри бутонов разгорелось свечение.

Жанна с удовольствием наблюдала, как одним мановением руки хозяйка открыла дверцы шкафа, оттуда вылетели тарелки... Они приземлились прямо на стол, и та разложила еду.

– А у тебя нет тутела, потому что они такие дорогие? – спросила она, с невероятным наслаждением откусывая сочную ножку фазана.

– Литатели обычно стоят у тех, кто не имеет отношения к магии; или же у слабых магов, – объяснила Мари, и Жанна изумилась:

– Я думала, наоборот!

– Ну, сильный-то маг на своё имущество ставит невидимую защиту, чтобы никто просто так и не догадался, что там за магия. А литатели могут помочь скорее тем, кто сам не в силах ничего сделать. Но, кстати, ты по ним и не определишь, кто сильный маг, а кто – нет, не все ведь в нашем мире их покупают или создают. Те, кто боится, что это укажет на них, как на слабых, предпочитает делать вид, что у них есть другая, более сильная защита. По крайней мере, так есть шанс, что ими не заинтересуется никто тёмный.

– Тёмный?..

– Добрые маги вряд ли решат на кого-то напасть, – намекнула Мари, видя, что Жанна озадачилась. Но та задумалась по другому поводу:

– Представляешь, я сначала подумала, что Жан – из тех, кого ты назвала сильными магами, у него ведь нет литателей... А теперь понимаю, что, похоже, так он пытается скрыть свою слабость. А я у него ещё и выспрашивать пыталась, в такое неловкое положение его поставила!.. А что, тутела можно где-то купить?

– Конечно, магазинов-то много! Только не советую.

– Как же я смогу защитить свой дом? И себя тоже... – смутилась она, но Мари не согласилась.

– Во-первых, литатели не защищают, а лишь фиксируют изменение информации в пространстве: приходил кто-то или нет... Во-вторых, насколько я понимаю, твой дом и так прекрасно защищён.

– С чего ты взяла? В нём несколько лет никто не жил, – недоверчиво ответила Жанна.

– Знаешь, хоть, пока я выросла, он и опустел, но о своих соседях, твоих родственниках, я слышала много: родители всегда восхищались, какими сильными магами те были, мне в пример ставили... Давно, говорили они, были времена, когда в том доме проживало много людей, там жила большая семья. Это со временем все разъехались... И никогда я не слышала, чтобы в роду Нориен был кто-то, кто отказался бы от магии. Такое постоянно случается то в одной семье, то в другой – всегда находится тот, кому чуждо дыхание волшебства. А в вашей не было. Или, может, об этом просто не говорили?... – задумалась она на миг и тут же продолжала. – И все свои двадцать четыре года, что я живу в доме напротив вашего, я не раз глядела на него, рассматривала... Он казался мне чем-то загадочным, невероятно манящим, как сама магия. Даже наверху на крыше, у флюгера, мне вечно виделось колыхание приятного золотистого света, как какой-то флаг... хоть родители говорили, что его там и нет. И за всё это время, даже когда стоял он в прошедшие года пустой, я не видела, чтобы кто-нибудь решил покуситься на него, ограбить. Вряд ли это просто так, случайность – скорее, дом так защищён, что на него никто и не хочет покушаться.

Она замолчала. Жанна всё ждала и ждала продолжения, но та молча смотрела в свою тарелку далёким взглядом, будто всё ещё купаясь в давних воспоминаниях, но не собираясь, похоже, более говорить.

– Расскажи ещё о моём доме? – наконец, протянула Жанна.

Она глядела так просительно, что Мари, чуть помедлив, всё же сжалилась и немного нехотя добавила:

– Как я уже сказала, в вашем доме всегда было много народу. А потом всё изменилось... Когда я была ещё совсем маленькой, там проживало лишь несколько человек – я помню их лица, как в тумане, так давно это было, почти двадцать лет назад. А потом и вовсе осталась только Роза Нориен. Позже, когда выросла, я узнала, что произошёл какой-то скандал; Шамиль, муж твоей бабки Гвенды, подал на развод. То была громкая история, тогда её обсуждали все соседи на нашей улице! Он ушёл вместе с мальчиком, своим внуком, а потом дом ваш и вовсе опустел и будто даже почернел, потемнел, словно ему самому было грустно и печально...

– А мою мать ты знала? – вдруг напряглась Жанна.

Теперь, когда она так случайно оказалась в этом странном чужом, но, оказывается, вполне родном мире, она поняла, что наконец-то может спросить и получить ответ, кем была её настоящая мать, какой она была... Сердце забило сильно, будто она обретала свои корни, вживалась в землю, как дерево, которое решило жить и крепнуть, и, стиснув пальцы, она с нетерпением ожидала слов, которые ей расскажут... Но Мари качнула головой.

– Я была совсем ребёнком, когда с нашей соседкой, твоей матерью, случилась страшная история, и услышала я её гораздо позже – следующие несколько лет старшие дети на улице пугали нас этим рассказом... Кажется, она погибла на прогулке. Мастера расследования остановились на том, что это был несчастный случай, что она не справилась с собственной магией – возможно, хотела защититься от дикого зверя или заполучить вкусную птицу к обеду, но её действие обернулось против неё самой. А через какое-то время после её гибели, по слухам, исчез и ребёнок – будущая наследница дома, и

твоя бабка Гвенда – тоже. Оставалась только Роза Норриен, а потом и её не стало, и дом потемнел... – тихо закончила она.

В кухне воцарилась тишина. Только за закрытым окном цокала по карнизу небольшая птица, периодически пытаясь клювом попасть в сердцевину игриво качающегося цветка, но постоянно натываясь на стекло.

– Жаль... А мне он не казался таким мрачным, как ты говоришь... – нарушила паузу Жанна, и Мари вдруг улыбнулась.

– А мне уже тоже! Я же сразу поняла, что в доме появился наследник, потому что золотистое сияние у крыши снова проявилось! Я заметила его несколько дней назад и всё ждала, когда кто-нибудь выйдет из моего загадочного дома-соседа. Никого не было, и я не вытерпела, пришла сама!

Жанна расцвела, будто эти слова согрели её душу, и тут же помрачнела.

– Значит, все со стороны могут видеть, что происходит с домом? Мне точно нужна защита!

– Не беспокойся! – успокоила её Мари. – Это ведь образное выражение: золотистое сияние... Не все маги замечают оттенки, а те, кто и замечает, не всегда может сделать верный вывод об источнике и принадлежности такого сияния. Это же может быть и просто волшебный флюгер, который продаётся в магазине, на него никто и внимания-то не обратит, если заметит. Так что не волнуйся по мелочам, живи спокойно, ищи свои часы! И, возможно, потом снова будешь возвращаться сюда уже сама, по своему желанию.

Она глядела внимательно и даже выжидающе, словно рассчитывая, что та сейчас ответит что-то конкретное – например, начнёт отнекиваться, что никуда уже не собирается, что ей здесь нравится и она готова жить в своём новом доме, в этом мире, в который, получается, *вернулась*... Но Жанна ничего такого не говорила, и только, вдруг что-то вспомнив, негромко произнесла, будто стесняясь:

– Жан сказал, что мои родственники были преступниками. Это из-за той странной истории с моей матерью, да? Наверное, всё-таки кто-то решил, что это была не случайность...

Мари посмотрела с таким недоумением, что Жанна поспешила объяснить, как она получила документы из странной коробки; но с выводами Жана Мари не согласилась.

– Такие документы могут прятать, чтобы никто чужой не имел доступа, так что это лишь другой уровень защиты. Видимо, твоя прабабка боялась, что их выкрадут или изменят.

– То есть у меня в роду не было преступников?

– Ну, за всех сказать не могу, но в ближайшем прошлом, наверное, не было, – усмехнулась она, увидев, что Жанна снова расцвела от резко нахлынувшего счастья и удовольствия.

– Как это хорошо, ты не представляешь! – та чуть не хлопала в ладоши.

Ей действительно было хорошо – после стольких голодных, тусклых, ничего не обещающих дней, наконец-то, она была сыта и могла больше не бояться будущего, потому что у неё снова появился человек, способный многое подсказать.

– А на что ты будешь жить?

– Мне дали два ключа – оказывается, у меня два счёта в банке. Думаю, там что-нибудь да есть! – с небольшой гордостью ответила Жанна, снова веря, что всё будет так, как она захочет. – Но вот как мне найти часы? Просто лечь спать?

Мари на миг задумалась над вопросом, стоило ли рассказывать ей о *разных* способах, помогающих проникать из одного мира в другой, или лучше оставить её с теми знаниями,

а точнее, с их отсутствием, которое у неё есть сейчас... И, осторожно подбирая слова, ответила:

– Думаю, лучше делать так, как тебе подсказывает интуиция. Никогда не знаешь, в какой ситуации что больше всего подойдёт...

– О чём это ты?

– Если ты привыкла находить двери с проводником, когда спишь, то поступай так же и дальше.

– А что, есть другие варианты? – Жанна поглядела в ответ с внезапным интересом, как и надеялась Мари.

– Конечно!.. – с готовностью ответила она и собралась тут же рассказать немного о магии, но та уже отвлеклась: подскочив к окну, она стала постукивать пальцем по стеклу, чтобы подзадорить птицу.

– Здорово у вас тут! – беспечно засмеялась она и тронула пальцем розовый бутон. Он засиял ещё ярче, будто внутри зарделась лампочка.

Мари усмехнулась и, кивнув, промолчала.

Почти до вечера Жанна пробыла у неё в гостях, а после, довольная, собралась идти домой. Та вежливо предложила ей остаться ещё, но она отказалась и внезапно даже всей кожей ощутила, как ей на самом деле сильно хочется туда вернуться. Не *туда*, не в тот мир, откуда она здесь появилась, а в *свой дом*... Ей было хорошо, она была сыта и довольна прошедшим днём, и неприятности, которые ещё недавно угнетали её измотанную страхом и голодом душу, отошли далеко на второй, а то и третий план.

Теперь она хотела зайти обратно в дом – и чтобы дверь обязательно сама открылась перед ней, встречая законную хозяйку, заботясь о ней. И потом она будет одна на своей земле – и никому ничего не будет должна! Не должна будет платить за квартиру, высчитывая, сколько там воды натекло по счётчику... Не должна будет слушать скандалы соседей сверху и тяжёлый рок, который вечно включали соседи снизу; не должна будет здороваться ни с кем чужим в подъезде только потому, что они столкнулись на лестничной площадке!.. Свобода! Больше никому ничего не должна!

Медленно и с какой-то важностью, и с каким-то странным трепетом она отворила калитку. Неторопливо прошлась по дорожке и остановилась на середине, чтобы спокойно и гордо осмотреться. Теперь это была *её* территория! Теперь у неё было для жизни всё, о чём она когда-то и мечтать не могла – не имея семьи, родственников, прошлого и богатых друзей. Теперь она могла быть сама по себе, могла покупать то, что хотела, а не что нужно, и делать то, что ей желалось, а не то, что требовалось бы для стабильной работы в офисе...

Оглядевшись, она задержала взгляд на огромном дереве – некоторые ветви его, казалось, пытались влезть в окна с той стороны, которую она окрестила готической, а пышная крона была далеко – выше чердачного этажа, выше крыши, она уходила прямо в небо, к облакам! Подойдя ближе и чуть тронув бук пальцами, Жанна вдруг протянула руки, пытаясь его обнять. Конечно, она сразу понимала, что это невозможно – он был толще её самой в несколько раз! Он был массивным, с очень грубой корой, а Жанна вдруг вжалась в него, как будто это было что-то родное и потерянное, и внезапно по щекам её потекли слёзы. Остановить их она не могла и не могла даже подумать, почему они текут... Они просто лились и лились, словно что-то очень долго копилось в душе, где-то глубоко так, что она никогда и не знала об этом, а потом ёмкость внезапно лопнула. И это не было тяжело – потому что от самой Жанны теперь не потребовалось никаких усилий, всё происходило само; но и лёгким это не было – глаза продолжали слезиться и мокнуть, щёки щипало, а душа как будто рвалась на части... Как будто хотела вырваться из неё

самой и кружить, кружить, кружить!.. Вокруг этого дома, вокруг этого огромного бука, который, казалось, тоже едва сдерживается, чтобы не зарыдаться; листья его шумели, хотя ветра не было, и ветки легонько качались, словно говоря что-то...

Ещё было тепло, но явно близился дождь – в воздухе резко проявился его мокрый аромат, запах сырости и немного едкой странной свежести, которой не бывает в сухой солнечный день. А когда в потемневшем небе сверкнула молния, ливень действительно не стал больше ждать и хлынул с небес, как будто помогая Жанне вылить все слёзы – о прошлом, о том, чего не было и что могло бы быть. О том, что она могла бы почувствовать и что могла бы уметь, если бы всегда жила в этом *своём* мире; о том, что могла бы иметь другую судьбу, а не ту, в которой стала менеджером в чужом офисе и каждый день проводила бесцельно, даже не зная ничего о своей семье, одинокая во всём мире...

Оторвав заплаканное лицо, она посмотрела на бук с такой нежностью, которую, – она могла бы в этом поклясться! – никогда раньше не ощущала. Будто раньше внутри она сама была, как эта жёсткая кора, а теперь размякла от этого мягкого дождя. С теплотой проведя рукой по грубой коже дерева, она глубоко вздохнула. Ещё не хотелось никуда отсюда уходить, и она продолжала стоять под дождём. Она уже полностью промокла, но почему-то была счастлива; было легко, будто он смывал с неё прошлую боль и разочарования.

Когда же он затих, она, наконец, направилась к дому. Войдя внутрь и постояв чуть в холле, обдумывая, она решительно двинулась к лестнице. Предыдущие дни она тоскливо проводила на первом этаже, засыпала в кресле-качалке у пустого камина в огромной гостиной... А теперь поднялась на второй этаж, ещё раз неспешно обошла все комнаты и, наконец, выбрала себе спальню.

Все предметы здесь были из красного дерева, с мягкими закруглёнными краями, кое-где необычной витиеватой формы, оттого комната казалась очень красивой и дорогой. Развесив мокрую одежду на стульях в надежде, что до утра та высохнет, она прилегла на большую кровать и впервые за эти дни спокойно уснула, совсем не вспомнив перед сном о том, что ей хочется очень быстро найти двойник проводящих к Вильтону часов...

Утром она проснулась выспавшаяся, но подниматься не торопилась. Ей было очень комфортно в этой постели; ей казалось даже, что это всё, – все эти предметы, – всегда принадлежали только ей. Ещё понежившись, она, наконец, медленно поднялась и подошла к окну. С этой стороны был прекрасный вид на её дерево.

«Как хорошо!», – с удовольствием подумала она о том, что оно – как настоящий член её семьи, который видел и до сих пор помнит всех, кто тут жил, а, значит, она и не совсем одна здесь...

Неторопливо, наслаждаясь каждым миготом своего существования, она привела себя в порядок и вскоре спустилась в кухню. Там открыла холщовый мешок с сухарями и даже занесла внутрь руку, но тут же передумала: она решила сначала взяться за уборку, а потом, когда бы стало точно голодно, зайти в гости к Мари, чтобы угоститься чем-нибудь вкусным.

Найдя в чулане ведро с тряпкой, она с энтузиазмом принялась за работу, даже немножко забыв, что для неё главное – это найти будильник. Сейчас ей хотелось одного: прибраться; убрать грязь и пыль, скопившуюся и кое-где лежащую лохмотьями, как старое рваньё. Она трудилась, как могла, но время шло быстро, а уборка продвигалась медленно. И не успела она вымыть и половины гостиной, как поняла, что ей не то, чтобы скучно, но совсем уже голодно. Да и прибраться вдвоём веселее...

Отложив тряпку, она сунула руку в карман. Вытащив оттуда неизменный «Спутник» и поглядев на него весьма пристально, она попыталась решить: не навестить ли всё-таки Жана? Решиться ей не удалось, и она с сожалением положила сферу на место.

Через несколько минут она стучала по двери Мари звонким молоточком с очень красивой ручкой, обвитой металлическими растениями. В рисунке между плетями с листьями, показалось ей, притаилась змейка, но рассмотреть получше не удалось: Мари сразу же открыла дверь.

– А я ждала тебя к завтраку!

Она явно была рада её видеть и сразу провела в кухню. Воздух был заполнен аппетитными ароматами, на столе стояло несколько горячих блюд, как будто Жанну действительно ждали.

– Ух ты! А это что такое замечательное? – она схватила стакан с прозрачной, слегка оранжевой жидкостью. На вкус было сладко и приятно.

– Напиток такой, варится с соками трав. Их ещё называют «Слёзы инея»... – быстро ответила Мари, накладывая ей в тарелку еды. – Готовится вместе с расплавленной смолой. Очень полезный... Но тебе вряд ли интересно, что там ещё... – мельком взглянула она на Жанну.

Той действительно было всё равно, и она даже не поняла, что Мари произнесла не «Слёзы инея», а «Слёзы – *и не я*»... Теми слезами, о которых она говорила, называли нектар особых растений, раскрывающих свои бутоны ночью. Тогда его можно собирать, что не так уж сложно – он сам активно капает из цветков, отчего его и прозвали слезами растения. И если бы Жанна спросила, какие свойства они придают этому соку, то узнала бы, что он несколько изменяет настроение пьющего – делает его радостнее, приятнее в общении, спокойнее, особенно если у него какие-то проблемы. И чем больше беспокойства у пьющего есть до глотка этого чудодейственного напитка, тем веселее и радостнее он становится после него.

– Ну как? – испытующе посмотрела на неё Мари. – Что чувствуешь? Сегодня...

– Сегодня просто чудесный, замечательный день! Я великолепно выспалась, отлично проснулась, безо всяких там, знаешь, попыток отлынивать от рабочего дня, – затараторила та. – И сразу взялась за уборку. Думаю, сначала нужно прибраться, а уж потом и будильник тщательнее искать – если, конечно, он сам не найдётся во время уборки.

– Ты смелая! – всё-таки три этажа убирать и чердак...

– И ещё пристройку, – вдруг погрузилась Жанна.

– Что?

– Я там подальше, за деревом, пристроечку нашла. Заходить не стала – дверь заколочена доской. Думаю, туда напоследок пойду, если в самом доме мои часы не найдутся.

– Никогда не видела! – удивилась Мари. – Точнее, её там и быть-то не может! – мне рассказывали: когда уезжал твой дед Шамиль – тот, который развёлся с Гвендой, – он разбил всю пристройку. Там по большей части только его вещи и были...

– Магией разбил? Вот силища у людей бывает! – с загоревшимся взором воскликнула Жанна.

– Кувалдой, – поправила её та. – Если правильно помню, он никогда и не колдовал – не был магом. Это потом прабабка твоя с помощью магии прибрала обломки.

– А ты говорила, что все мои предки, кто жил в этом доме...

– Предки – да. Но Шамиль был тебе не кровным родственником – это третий, кажется, муж Гвенды.

– Ясно... – Жанна даже огорчилась: оказывается, не всё так просто было в её настоящей семье. Сейчас и не разберёшься, кем гордиться надо, а кто – и не очень-то родственником был!

– Но это же ничего, тебе ведь радостно? – осторожно уточнила Мари, не понимая толком, сработало её зелье или нет.

– А чему радоваться? Во-первых, у меня, похоже, галлюцинации, раз я видела пристройку, которой, ты говоришь, на самом деле не существует. Во-вторых, значит, и вещей у меня на целую пристройку меньше, чем было полчаса назад. А ещё придётся долго-долго в одиночку отмывать дом! – она теперь чуть не плакала.

Мари поглядела на неё с удивлением. Она ведь пыталась немного облегчить положение соседке, случайно перемещённой в чужой мир, незаметно поднять ей настроение в той непростой ситуации, в которой она оказалась, но никогда ещё мастерски приготовленный ею по собственному рецепту напиток с нектаром ночного растения не был выпит практически безо всяких последствий!

– И тебе не хочется петь, танцевать?.. – ещё раз попробовала она, но Жанна грустно качнула головой.

– Вот если бы ты мне чуть-чуть помогла, мне было бы не так скучно... – начала она, но та, кажется, не обратила на её предложение никакого внимания.

– Может быть, ещё выпьешь? – с интересом подлила она напиток.

Жанна неловко потянулась за ним, и стакан упал на пол.

– Извини, – ещё больше расстроившись, наклонилась она собрать осколки.

– Ни к чему! – остановила её Мари и махнула рукой – и те полетели в ведро.

– А ты опасный человек, – несмело улыбнулась Жанна, вдруг подумав, что такой манёвр, только с другой мишенью, не был бы так безобиден...

– Я уже говорила: человек сам решает, как будет использовать свою силу, – с намёком ответила Мари, поняв, что её так насторожило.

Та посмотрела в ответ молча, обдумывая. Потом даже дёрнулась, чтобы что-то произнести, но не стала, и вернулась к еде. Ела она медленно, со вкусом, как в доме Жана... Но после всё равно не выдержала и спросила:

– А разве человек, единожды решив, что не станет никому причинять вреда, не может впоследствии поменять своё стремление? Вдруг что-нибудь изменит его мысли и желания?

Мари посмотрела на неё с ещё большим изумлением, чем после того, как та, выпив необычный напиток, не обнаружила никаких признаков беспечной радости жизни и удовольствия от окружающего мира.

– Может, – согласилась она. – Так и есть: человек всегда меняется, и не всегда – по своей же воле. Но ты ведь не будешь прятаться ото всех людей из-за того, что они могут измениться? Тем более, ты тоже можешь стать другой.

– Правда... Но тут-то проблема иная: я же не узнаю, что меняюсь, потому что для меня это будет... как это... закономерным, что ли, обыденным делом, ведь оно произойдёт само – например, будет связано с какими-то обстоятельствами и потому обычным образом впишется в мою жизнь, и я изменений просто не замечу... – немного путаясь, сказала Жанна.

Мари терпеливо слушала её сбивчивую речь, за которую от Жана та уже получила бы ехидное замечание. Но сама в этот момент думала не о значении слов, а о том, были ли такие попытки размышлять, очевидно, обычно несвойственные молодой наивной девушке из другого мира, побочным действием напитка или же были проявлением самостоятельного процесса приспособления сознания Жанны к окружающему миру?

«С другой стороны, если б она жила здесь изначально, с рождения, многое ей было бы понятно сразу, и она не задавалась бы такими странными вопросами, – подумала Мари, склоняясь больше ко второму варианту. – Кто-то устроил весьма злую шутку, переместив её отсюда в другой мир! Интересно: а не специально ли Гвенда увезла её, чтобы она никогда не узнала о своих настоящих силах?..».

Наевшись и ещё немного посидев в уютной гостиной, где они рассматривали вид из окна, выводящего взгляды на приятный сад, и попивали обеденный чай с кексами, они вместе, наконец, отправились вычищать дом семьи Нориен.

Пристройки, которую, как вчера думалось Жанне, она видела во дворе, на месте действительно не оказалось, и оставалось лишь гадать, в каком же состоянии она была, чтобы такое померещилось. Но, быстро забыв об этом казусе, она с воодушевлением принялась за уборку.

Конечно, приглашая Мари поучаствовать в этом деле, втайне она мечтала, что та сделает всё сама: взмахнёт рукой или скажет пару слов, и пыль просто улетучится, куда надо... Но всё оказалось иначе – новая подруга была против такого использования магических сил, потому Жанне пришлось смириться и радоваться хотя бы тому, что у неё появилось ещё две руки-помощницы.

Прибирались они в доме несколько дней, иногда всё же двигая мебель с помощью магии, и вскоре он начал сиять чистотой. Правда, тщательные поиски будильника результата не дали – похоже, как говорила Мари, его действительно тут не было... Зато она показала Жанне найденную в кухне дверь, заставленную какими-то досками. За ней оказалась лестница, ведущая в весьма сытный погреб: внутри было множество полок с полными банками и бутылками; на полу важно стояли бочонки с соленьями, на столах были сложены сухие травы. Увидев их, глаза самой Мари загорелись: она слышала, что в доме Нориен умели собирать лечебные, и не только, травы, и хотела бы поближе их изучить. А Жанна была совсем не против этого, теперь полностью ей доверяя, – ведь можно ли не доверять тому, кто столько времени и сил потратил на то, чтобы помочь со скучной и долгой уборкой чужому человеку?.. И потому Мари, как добрый друг, получила практически полный доступ к её дому. Жанна была рада видеть её каждый день, чтобы узнавать ещё что-нибудь новое об этом мире, а Мари с удовольствием рассматривала травы и сравнивала с теми, чем обычно пользовалась сама.

Теперь они часто гуляли вместе, ходили по городу, веселились... Жанна побывала, наконец, в банке и доказала своё право на владение счётом семьи Нориен – показала документы, удостоверяющие право на наследство, и предоставила ключ, который когда-то отдал ей Близз; и стала полноправной хозяйкой не только дома и земли, но и банковского счёта, который оказался не менее сыт, чем полный еды погреб.

День ото дня ей становилось всё комфортнее – не нужно было на кого-то работать, придумывать, где достать дополнительные средства, если хотелось чего-то, на что не хватало основной зарплаты. Не нужно было просыпаться по будильнику, чтобы не проспать в офис, и делать вид перед начальством, что в работе тебя всё устраивает... Она всё больше радовалась своей новой судьбе, понемногу забывая, что в том, другом, мире у неё тоже была жизнь...

Конечно, не раз она вспоминала Жана. Но сам он не появлялся, а она была слишком горда и немного рассеянна, чтобы посетить его первой. Она думала, что раз, зная про её ситуацию, зная о том, что она в этом мире чужая и нуждается в помощи, он всё равно не приходит, значит, больше не желает ей помогать. После таких мыслей она не могла сама напомнить ему о себе и лишь изредка, доставая из кармана, со вздохом держала в ладонке неизменный «Спутник» и смотрела на фиолетовый свет. Всё же ей очень хотелось, чтобы

Жан, наконец, появился! – она так привыкла, что ей помогает крепкая мужская рука, что даже немного соскучилась по его спокойным, иногда язвительным, замечаниям...

Но он был не единственным мужчиной, о котором она думала, – тот сероглазый незнакомец, с которым она как-то гуляла по набережной, всё не давал ей покоя... Она и раньше не забывала его, но в последнее время он часто стал приходить к ней во сне – просил найти его, говорил, что любит, что ждёт... Она тонула в его восхищённых глазах, а когда просыпалась, то не сразу могла очнуться – такими реальными казались эти сны!

Несколько раз она даже специально прогуливалась у кафе «Для встречи» вместе с Мари, однако ж утаивая от неё тайное желание встретить там приятного незнакомца... Впрочем, это ей всё равно не удалось – ни на улице у кафе, ни на площади у набережной она его не увидела. А, рассчитывая найти его у знакомой огненной карусели, поняла, что и это невозможно: оказалось, что все аттракционы, кроме двух других, самых малых, давно убраны и будут поставлены вновь только к следующему празднику. А за это время галантный, вежливый и красивый мужчина вполне мог бы её забыть – это Жанна понимала прекрасно! И, с досадой думая так, она действительно была недалеко от правды, хотя молодой человек Аллен и продолжал искать её, даже не зная её имени...

Такая настойчивость в поисках незнакомки очень беспокоило его давнюю подругу Кару. Она слишком долго любила его, чтобы отпускать так просто – в пустоту, в нелепую мечту. А если бы на самом деле и существовала девушка с зелёными глазами, которая так увлекла его своей красотой, простотой и наивностью, беспечностью и естественностью, то Кара тем более не могла допустить, чтобы он её нашёл! И, скрепя сердце, она сделала вид, что сочувствует его беде, и больше не оставляла его одного ни на миг, чтобы он случайно не встретил зеленоглазую разлучницу. Он искал, бродил по улицам, пытался найти информацию в некоторых, не очень открытых местах – у тех магов, кто мог что-нибудь рассказать о проводниках и спрятанных проходах в другие миры, ведь сам он в них не был вхож... А Кара старалась всегда быть рядом.

В один из таких дней, когда Аллен должен был встретиться с очередным возможным источником информации, он не взял её с собой, и, нетерпеливо ожидая его, она пригласила в гости свою подругу Танору.

– Это невыносимо! – пожаловалась она ей, так нервно разливая по бокалам шипучий напиток с очень резким запахом, что пролила. Несколько капель, упав на старый деревянный пол, прожгли его, как догорающие угольки, оставив маленькие чёрные точки. – Я уже не знаю, что и придумать! Он забросил меня, не смотрит, не слышит, что я говорю. Весь в этой ужасной фантазии – найти её.

– Да ладно, подруга, скажи правду! – Танора отхлебнула так спокойно, будто пила огненный напиток каждый день. – Дело не в том, что ты *не веришь* в его фантазию...

Она многозначно посмотрела на Кару, и та присела рядом.

Воцарилась такая тишина, что было слышно, как в другой комнате тикают старые часы.

– Ты права. Самое страшное – это если фантазия окажется правдой, – она сказала это так тихо, что у чуть приоткрытых губ, боящихся произносить эти слова, они прошелестели, будто прополз по сухой опавшей листве тревожный сверчок.

– Ты это вынесешь?

Глаза Таноры были жёстче, чем глаза Кары. Она была младше её – но лишь возрастом: взгляд её был груб и остёр, будто много сложных мыслей растила она в своей голове. Часто только редкую фразу она произносила, но такую, что держала в себе цельное тяжёлое сплетение дум и эмоций, и Каре – более лёгкой и свободной от дум, – нравилось беседовать с ней, той, которая будто уравнивала эмоциональный характер её самой.

– Нет! Я отомщу, я не смогу сдержаться! – мир вокруг как будто замер: перестали даже тикать часы в соседней комнате, будто ужаснулись тому неистовому огню, что загорелся в её глазах.

– Нужно быть умнее, – Танора лениво махнула пальцем, и огненная вода снова налилась в пустой бокал. – Ты ведь хочешь, чтобы он был с тобой, а не чтобы ты отомстила?

– Если только он не найдёт её...

– А он найдёт её.

– Ты это видишь? – обеспокоенно придвинулась к ней Кара, но та усмехнулась.

– Для этого не нужно заглядывать в будущее. Он сумеет её найти, ведь если им суждено быть вместе, тогда они снова встретятся, – и он это знает, – спокойно заметила глубоко чёрная брюнетка. – Он верит в это и воплотит эту силу в реальность. Он сам пишет своё будущее, а ты теряешь время.

– Я не смогу без него! – отчаянно воскликнула Кара, но Танора смотрела холодно и немного отрешённо, будто видела что-то, чего не было в этой комнате.

– Даже сидя сейчас со мной, ты теряешь время, – добавила она, и Кара ужаснулась ещё больше, пока, взглянув на задумчивое лицо, внезапно не поняла, что та имеет в виду не потерю времени на самого Аллена, который ей не принадлежит, а нечто иное...

– Заставь его остаться... – голос Таноры был немного глух, но твёрд. Она произнесла эти слова чуть тише, чем остальные, но они всё равно прозвучали грубо в пространстве этой комнаты.

– Как? – глаза Кары смотрели нерешительно, губы едва шевелились, задавая вопрос, но в голове уже шёл новый поиск: не попытка найти оправдание своему желанию, а стремление найти способ заставить Аллена быть только с ней.

– Ты спрашиваешь меня? – усмехнулась Танора. – Неужели ты так устала за последние дни, что перестала мыслить?! Ты помнишь, что когда-то сделала с мальчиком... Как его звали?

– Асер, – очень тихо, задумчиво ответила та.

– У тебя есть сила... Ты кротка, когда нужно, но можешь и сделать, что умеешь.

– Тогда зелье сработало не так хорошо – Асер запомнил меня, но на этом его память иссякла и больше никогда ничем ему не поможет... – очень тихо и немного нерешительно произнесла Кара.

– Но оно всё равно сработало, хоть и не полностью так, как надо бы, – спокойно отметила Танора. – Ты была мала; сейчас ты знаешь, умеешь больше... Ты *можешь* сделать так, чтобы Аллен забыл своё видение. Он сам ещё будет тебе благодарен, когда станет спокоен, когда будет замечать только тебя.

– Он никогда не видел во мне больше, чем подругу детства.

– Кстати, он ведь не знает о той истории с Асером? – что тебе нравился мальчик, который дружил с другой девочкой, и потому ты напоила его чудесным напитком? – грубо усмехнулась брюнетка. В глазах её, и без того жёстких, на миг мелькнула какая-то чернота, но Кара, не заметив, задумчиво мотнула головой в ответ. – Тогда всё складывается как нельзя лучше. Он тебе доверяет, легко будет подсунуть ему зелье.

– А если он разгадает меня? Тогда он больше никогда не придёт ко мне, никогда!

– Застань его врасплох, когда он будет занят только своими мыслями. И сделай всё так уверенно, чтобы у него не возникло ни ощущения, ни сомнения! – строго ответила Танора. – Или ты не хочешь, чтобы он остался с тобой? Ты же так долго об этом мечтала!

– Ты права, у меня нет выбора. Он мой, он только мой!.. – сказала Кара, и её голос ей самой теперь показался глухим и слишком отчаянным. Она даже не слышала своих же

слов – только интонации, только эмоцию, и ей стало жаль себя: такой жалкой показалась ей собственная слабость!..

После беседы Танора ушла медленно и с достоинством – не выходя за порог дома, просто испарилась в воздухе, как делают обычно те, кто знаком с тёмной магией. Но Кару это не смущало – она знала, что давняя подруга никому не причиняла особого вреда, если, конечно, её не задевали или не переходили ей дорогу...

Оставшись в одиночестве, Кара отодвинула пустой бокал и взяла в руки бутылку с огненным напитком. Чуть помедлив, она, морщась, допила её всю, собираясь с мыслями. Но ясным оставалось только одно: нужно было действовать, что-то сделать... Хотя самой предложить Аллену жениться на ней! Хотя из жалости, хоть...

Раздался мелодичный звонок колокольчика: кто-то был у двери. Страхнув мимолётные слёзы, она вяло подошла и открыла.

На пороге стоял Аллен; чем-то весьма возбуждённый, с горящими глазами, он не заметил, что Кара расстроена.

– Что это? – пропустив его внутрь, указала она пальцем – в его руках был кинжал с необычными мерцающими знаками на клинке, но он тут же прижал его к себе, будто опасаясь, что она дотронется до священного предмета.

– Мне это дали.

– Это вещь тёмного мага?... – насторожилась она, всмотревшись: рукоять светилась чёрным.

Но Аллен не обратил внимания на её беспокойство.

– О, ты не представляешь! Этот человек – Джонни, – действительно много знает, много!.. Конечно, я неплохо заплатил ему, но информация того стоила. Оказывается, можно воспользоваться вот этим кинжалом, чтобы разрезать пространство и войти в срединную зону – туда, где есть двери с проводниками, – и так пройти в другие миры. Представляешь?! Я открою пространство, найду нужную дверь и перейду в тот мир, откуда была девушка, и обязательно найду её! Может быть, даже проводник подскажет. Я знаю его имя...

– Чьё?

– Я знаю имя проводника, она называла... Я смогу быстро найти её!

Его глаза горели, он очень волновался, говорил торопливо и громко, будто решила его судьба.

– Ты хочешь воспользоваться тёмной магией. Неизвестны последствия, – глаза Кары сузились, она смотрела на Аллена как кошка, решающая, что сделать с хозяином, если он поступит неверно.

– Ты не понимаешь! Ничто не имеет значения, никакого. Я готов сделать всё, чтобы найти её! Это... как знаешь – найти свою судьбу.

– А я для тебя ничего не значу? – её голос был глух, но он не замечал.

– Милая моя! Мы ведь так давно знакомы, я – твой верный друг, но это... Эти глаза, эта улыбка... Не могу жить, если их не будет рядом! С тех пор, как я её встретил, мне кажется, что я только для этого и начал жить, – понимаешь? – чтобы быть рядом с ней. Она как свет для меня; её нет рядом, и мир теперь тусклый.

– Тот человек мог тебя обмануть – если кинжал на самом деле предназначен для другого действия, не для открытия пространства, ты проиграешь... – попробовала она ещё, но он сразу её прервал:

– Ты не доверяешь мне, моей интуиции?

– Я не доверяю чёрным магам! – не удержавшись, вскрикнула она. Её душа болела. – Ты сошёл с ума! Ты отправился на встречу с чёрным магом и даже не сказал мне! Что было бы со мной, если бы ты погиб?!

– Тебе нужно успокоиться, – с тревогой посмотрел он на неё. Её лицо горело. – Ты в порядке? Может, ты заболела?

– Да, мне нехорошо, – глухо ответила она, опускаясь на диван. – Побудь со мной сегодня, прошу!

– Не беспокойся! Я не брошу тебя в таком состоянии.

– Никогда? – блеснула надежда в её глазах и тут же погасла: присевший рядом Аллен думал уже о другом.

– Завтра я пойду. Кинжал заколдован, но его магия не вечна. Завтра я открою все двери...

Дыхание Кары как будто застыло. Она изменилась в лице и, собравшись с силами, поднялась.

– Пойду переоденусь – похолодало, – стараясь казаться спокойной, произнесла она и нежно провела рукой по его голове, как добрая старшая сестра. – И принесу нам что-нибудь выпить – надо же отметить успех твоих поисков!

Аллен согласно кивнул. Он просто сиял – столько времени он искал хоть какую-то лазейку, хоть какую-то информацию и, наконец, практически нашёл дверь, ведущую его к счастью! Он знал, что оставалось лишь набраться терпения, а время уже сделает своё дело – и скоро зеленоглазая судьба будет снова ласково глядеть на него...

Кара же, от душевной боли почти не чувствуя собственных рук и ног, поднялась в спальню и, сдвинув шторку, скрывающую небольшую дверь, быстро вошла в небольшую комнатку, где хранились старые книги и сундук с камнями, травами, сушёными насекомыми и бутылочками... Дрожащими руками она поспешно собрала знакомый рецепт и, торопливо перетерев сухие части в небольшой каменной ступке и высыпав в маленькую склянку, добавила в неё немного странного готового зелья из другого бутылка. Напоследок она сунула туда прихваченный с головы Аллена волос, и он тут же расплавился, став частью однородной жидкости.

Зажав флакон в руке, она снова заперла комнатку на ключ и, торопливо переодевшись, спустилась в кухню, чтобы добавить в бокал с огненной водой несколько заветных капель.

С ласковой и немного уставшей, как показалось Аллену, улыбкой она присела рядом и протянула ему налитый до краёв бокал.

– За тебя! – сказала она громко и тут же поняла, что часы в гостинной, будто тоже заметив, что её голос, уж не в первый раз за этот день, прозвучал до странности глухо, резко замолчали, чтобы не контрастировать с ним.

«И за тебя!», – хотел ответить Аллен, но в возникшей необычно тусклой тишине слова не желали идти, и он промолчал.

Она сделала глоток и снова посмотрела в его глаза. Она видела, что всё ещё можно изменить – её план ещё можно было остановить, пока он не поднёс бокал к своим губам, пока он ещё сам управлял своей памятью, помнил всё, что было в его жизни, всё, что сделало его именно таким, какой он сейчас... Даже этот горящий взор и жажда жизни, жажда будущего, что так ранила саму Кару, – этого горения не было в нём, пока он не встретил ту девушку... «И теперь не будет!», – решила она, твёрдо глядя в его слишком счастливые глаза и понимая, что если сейчас он не выпьет её напитка, то она лишится его навсегда.

Он дружески улыбнулся, видя пристальный взор, и поднял бокал.

– За судьбу! Пусть за неё нужно сражаться, но она одна на века! – сказал он и поднёс напиток к губам.

Кара дёрнула рукой, чтобы остановить его, но тут же остановила саму себя. «У тебя будет одна судьба – только другая, потому что ты – мой!», – подумала она, жадно глядя, как он пьёт до дна, до самой последней капли колдовства. Возврата не было.

В глазах Аллена резко потемнело, и, отставив пустой бокал, он прикрыл их рукой.

– Что с тобой, милый?

Через миг в голове посветлело, и он увидел, что рядом с ним на коленях стоит Кара и смотрит с такой тревогой, с такой любовью...

Пристально, не отрываясь, он глядел в ответ, будто рассматривая в её лице что-то, чего не замечал раньше.

– Ты плакала сегодня? – вдруг спросил он, чуть тронув пальцем её подбородок.

– Так, пустяки... Тебе же всё равно, – вздохнула она, медленно поднимаясь, – у тебя ведь завтра важный день, ты пойдёшь кого-то искать...

Он помолчал, задумавшись; потом тоже поднялся и спросил:

– Кого?

– Наверное, я совсем тебе не нужна, раз ты хочешь гулять где-то без меня... – пожала она плечами. Но Аллен, не ответив, схватил её на руки.

Звонко засмеявшись, она немного тревожно посмотрела в его глаза. Был ли он таким, как прежде?.. Или, забыв зеленоглазую незнакомку, он всё равно останется для неё самой только другом?.. Он глядел безмятежно, как обычно; как тогда – ещё до той злосчастной встречи, когда ещё не ждал свою *судьбу*.

– Поставь меня! – так глухо вдруг произнесла она, что он сразу её отпустил.

Она отошла на несколько шагов вглубь комнаты и медленно, будто только сейчас решившись, протянула руку.

– Уходи отсюда! И не приходи больше, – произнесла она, не глядя на него.

– Что случилось?

– Я не нужна тебе, – тихо повторила она.

Он пристально взглянул в ответ, развернулся и пошёл к двери. Она молча смотрела ему во след. Она ждала этого – она знала, что на память её зелье подействует, и Аллен забудет незнакомку; и, конечно, верила, что новые добавленные составляющие также заставят его полюбить её саму, но, кажется, эта часть не сработала...

Внезапно он остановился, будто почувствовав её взор. Потом повернулся и, не отводя от неё строгого серьёзного взгляда, вдруг встал на одно колено и спросил:

– Ты станешь моей женой?

Часы как будто ожили: тикали так громко, ускоряя свой темп, как нетерпеливое сердце Кары. Ошеломлённая, она не поверила своим ушам, и он повторил ещё раз. И у неё был только один ответ!

Он снова подхватил её на руки и закружил по комнате, и ей казалось, что это кружится весь мир, зная о её счастье! Конечно, это счастье было бы немного омрачено при мысли, каким способом оно было добыто, но она успела об этом забыть – ведь счастье, заполняющее всю душу и тело, былую печаль стирает лучше всего.

Глава 9

Жан ещё раз взглянул на старый, немного выцветший снимок. Обычно он хранил его на отдельной странице альбома, не желая, чтобы что-то ещё, какие-нибудь фотографии с другими людьми, *с магами*, были рядом. Но теперь он держал его в руках – это был снимок его деда Шамиля.

Тот не особо любил магию и сам почти никогда не колдовал. Только один раз Жан видел его волшебство – на своё десятилетие. В тот день его наказали за разбитое зеркало в холле – оно было огромным, старинным и очень красивым. Но он и не знал, как это случилось: он вернулся с улицы, где поругался с соседскими мальчишками; был обижен и зол, и просто посмотрел в зеркало – а оно резко треснуло, внутри него будто пробежала молния, и на пол посыпались осколки. Прибежали домочадцы и решили, что это он его разбил; особенно сильно ругалась мать Лидия. Только Роза приобняла его и сказала, что он не виноват, но праздник по случаю его дня рождения всё равно отменили. Все были возбуждены, и, как ему тогда показалось, сильно напуганы. Никто ему даже ничего не подарил, и целый день он провёл в одиночестве в детской комнате.

Только дед Шамиль к вечеру пришёл к нему. Мягко улыбаясь, он обнял его и подарил свой подарок – сделанный им самим, вручную, великолепный корабль, авизо. Судно посыльной службы выглядело точь-в-точь, как настоящее, только на большом ходовом мостике не было команды. Работа была тонкой и очень качественной, через большое окно надстройки у кормовой части даже можно было рассмотреть капитана у руля. Шамиль тогда так сказал Жану – что он тоже может быть *одним* капитаном, который самостоятельно способен вести своё судно, идти своим путём, и эти его слова были ценны Жану до сих пор... А ещё в этом корабле было то, чего он никогда раньше не видел от своего деда – его мягкая магия: паруса корабля меняли свой цвет, когда он дул в них, – от бледно-зелёного наливались сочным изумрудом.

– Даже если весь мир вокруг будет против тебя, не поддавайся ему! Никому не понять твоей души, потому что каждый занят самим собой, – сказал ему тогда Шамиль и, проведя рукой над подарком, мягко положил её на голову любимого внука. А над кораблём завис целый ворох мелких сияющих точек, как будто целое солнце рассыпалось на звёздочки, чтобы сиять мягче.

Затем снова шли дни. И всё было бы по-прежнему и потом, если бы через четыре года не родилась девочка – его сводная сестра, чьё имя после он успел забыть, ведь вскоре она навсегда исчезла из его жизни.

А тогда, когда она только-только появилась в его судьбе, что-то изменилось в самой атмосфере этого дома, хоть поначалу всё и казалось обычным. Даже Лидия как будто стала веселей – будто поняла, что всё, сделанное до этого дня, было правильным. Но потом всё стало хуже – взрослые очень изменились. Дед Шамиль внезапно поссорился с женой Гвендой, бабкой Жана, да так, что не прошло и нескольких недель после ссоры, как он собрал свои вещи и переехал жить в свой старый дом, а Гвенде пришлось уведомление о разводе. И она безо всяких колебаний его подписала.

Жан очень скучал по деду, но недолго – прошло ещё немного времени, и Шамиль приехал, чтобы забрать его к себе. Жану было гораздо комфортней с ним, чем со всей остальной семьёй, и он сразу забрал любимые вещи и игрушки, которые мог ещё позволить себе забрать в таком возрасте, и тоже ушёл из этого дома. Остальные взрослые,

казалось, не слишком и сопротивлялись. Хотя Лидия, конечно, была возмущена, что дед хочет забрать Жана, но, поразмыслив на досуге и послушав мудрых советов Розы Норие, тоже согласилась. И никому не могла бы она в этом признаться, даже самой себе, но ей стало гораздо уютнее и спокойнее, когда она перестала видеть своего сына.

Правда, спокойствие это продлилось для неё недолго: после очередной прогулки с маленькой Жанной она не вернулась. На папке с её делом до сих пор мерцает серая клякса с пометкой: «Не раскрыто», хотя официально было произнесено, что произошёл несчастный случай, при котором молодая женщина не справилась с собственной магической силой...

Жан помнил, как она выглядела тогда – когда тело ещё не укрыли землёй. Шамиль не желал, чтобы мальчик видел это, и не взял его с собой в тот день, но Жан слишком сильно хотел в последний раз на неё посмотреть... Внезапно для самого себя он переместился к тому месту – переместился сам впервые в своей жизни. А позже смотрел, спрятавшись за деревьями, как Шамиль снова ругается с Гвендой... Затем проследил, как после разговора с ней тот возвращается к дому Норие, заходит в свою пристройку, забрав оттуда некоторые вещи, разбивает кувалдой оставшееся, всё, что способен был уничтожить своими силами, и снова покидает это место, теперь навсегда.

Жан тогда ещё немного постоял за забором, глядя на дом, который, он уже знал, никогда не будет *его* по-настоящему, и видел, как бабка Гвенда, подойдя к разбитой пристройке и со вниманием рассмотрев дело рук Шамиля, хотела уже добавить и своего гнева поломанным вещам, но её остановила появившаяся рядом Роза Норие. Они о чём-то долго и тревожно беседовали, и Гвенда не соглашалась с матерью. Вскоре они поругались, и ей пришлось уйти, а Роза сделала то, что собиралась, и чего так не хотела её дочь: уверенным, сосредоточенным жестом она отправила остатки пристройки в другое пространство, где непосвящённый не мог бы увидеть их. И если бы не она, обломки, возможно, до сих пор лежали бы на своём законном месте, напоминая о том, что хранили в себе, быть может, слишком ужасные вещи. А теперь даже сама Гвенда и не знала, где находится всё то, что доставляло ей если и не опасения, то неприятные муки совести.

Жан вдруг вздрогнул, очнувшись от старых воспоминаний, – обострённым от напряжения чутьём он услышал шелест чёрных крыльев. Конечно, ему могло это лишь показаться, но он решил не рисковать. Резко вложив фотографию обратно, он захлопнул альбом и быстро поставил на полку, затем спешно вышел из тайного места; не теряя ни мгновения, жестом задвинул дверь и спустился вниз, в гостиную, чтобы встать у камина. Он ощущал, что сейчас появится Манди, и не хотел, чтобы она видела его тайник.

Чутьё не подвело его – она действительно вскоре появилась. Но не в доме, а за дверью – она позвонила в колокольчик, будто ей нужно было особое позволение для входа.

– Не удивляйся: не хотела рисковать – вдруг с тобой девчонка, – объяснила она.

– Она слишком глупа, чтобы снова обратиться за помощью, – пожал он плечами, следуя за ней: Манди направилась в гостиную, где сразу расположилась в кресле у камина и зажгла огонь.

– Или слишком умна? – задумалась она, и Жан присел рядом, чтобы поддержать её руку в своих ладонях. – О чём ты думал, когда оставил её одну?

– Если буду нужен, она найдёт меня сама.

– Мне всё больше не нравится эта затея! – хмуро качнула она головой. – Если она так глупа, как мы думали, она *уже* должна была к тебе обратиться!

– Если только не потеряла «Спутник», – заметил он.

– Тогда дело плохо, и ты должен прийти к ней. Иначе её может найти кто-нибудь другой.

– А ты сама можешь с ней справиться? – вдруг спросил Жан, пристально глядя в голубые, слишком холодные глаза.

– Могу ли я справиться?.. – непонимающе переспросила она.

Конечно, ответа у неё не было – она ведь не могла сказать, что он должен войти к Жанне в доверие и ослабить её, чтобы потом сама Манди смогла воспользоваться ситуацией!.. Лихорадочно она попыталась что-нибудь придумать, и тут же её взгляд расслабился, будто она поняла, что он шутит.

– Эта сила принадлежит моему возлюбленному, – негромко произнесла она, – а я не могу его обкрадывать.

Жан пристально смотрел в её глаза и мог бы поклясться, что она говорит правду!

– Прости, я... – начал он, но она перебила.

– Не стоит! Лучше скажи, как мы определим, какие способности у неё проявились, если ты не будешь рядом с ней? Хочется побыстрее узнать о них!

Её глазки снова загорелись тёмным пламенем, которое так любил Жан, – ему казалось, что он глядит в своё же отражение.

– Я придумаю, моя милая ненасытность!

Улыбнувшись, она провела рукой по его лицу. Но поцеловать себя не дала и быстро исчезла из его объятий.

Жан посидел немного у камина, ожидая, что тёмная шалунья вскоре вернётся. Но ничто не предвещало её прихода, и он снова отправился к тайному шкафу. На душе его было спокойно – его нисколько не трогало, что она так часто и резко от него уходит. Наоборот, такая загадочность увлекала его ещё больше...

Вновь пролистав несколько альбомов и не найдя в давних снимках более ничего интересного, он протянул руку к большой книге в тёмном и таком запыленном переплёте, будто её и вовсе никогда не читали. Впрочем, так оно и было – стояла она здесь, только чтобы прикрывать собой некий предмет. Тот хранился на верхней полке, у самой стенки шкафа, так что без знания, где его искать, его никто бы и не нашёл, если бы, конечно, не приспичило ему взять в руки эту старинную и весьма скучную книгу о том, куда перемещаются остатки уничтоженных тупелов.

Сдвинув книгу, Жан протянул руку и за тайным предметом, но тут же остановил себя. Нахмурившись и вытянувшись на носках, он долгим взглядом осмотрел его на расстоянии. И в этой тишине даже как будто услышал биение в унисон со своим сердцем... Он быстро поставил книгу на место. И понял, что нужно действовать!

– А ты неплохо готовишь! – придя к Жанне в гости, Мари с удивлением обнаружила, что той вполне прилично приготовлены сочные оладушки, политые маслом и клубничным вареньем с изумительным привкусом, источник которого не определил бы обычный кулинар, непосвящённый специально в таинство приготовления этого десерта.

– Я часто готовлю. Готовила раньше, – поправилась та. – Но, если честно, мне больше нравится что-нибудь другое, не готовка.

– И что именно? – спросила Мари, с удовольствием откусывая очередной оладушек.

Жанна задумалась, а потом смутилась.

– Наверное, ничего не делать.

– В этом мире ничего не делать не могут себе позволить даже те, у кого ничего нет, – рассмеялась Мари.

– Я имела в виду другое. Ничего не делать – это ведь можно сидеть размышлять...

– А ты размышляешь о чём-то?

Жанна поняла, что зашла в тупик, и поспешила сменить тему.

– Вот бы мне найти здесь друзей побольше, пока время есть! А то в том мире, где я жила, приходилось каждый день ходить на работу, и друзей обрести времени вообще не было. А сейчас я могу себе это позволить.

Она закончила свою речь гордо и вдруг вспомнила, что своими новыми возможностями обязана родственникам, которых никогда не знала.

– Вот только у меня нет никого, кроме тебя и Жана. Тот пропал... Родственников, видимо, я так никогда и не найду. А тот, кто мне нравится...

Она резко замолчала, поняв, что сболтнула лишнее, но замять разговор не получилось: Мари даже перестала есть и с таким интересом переспросила, что пришлось ответить.

– Как-то я встретила здесь молодого человека, который мне очень понравился. Он мне даже снился... И я ему тоже точно понравилась!.. – поспешила она добавить, чтобы никто не решил, будто это только её романтическая фантазия, а не влечение обеих душ.

– Так давай его навестим! Где он живёт?

– Я даже не знаю, как его зовут! – увлажнились вдруг глаза Жанны.

Мари помолчала, поняв, что та не на шутку расстроилась, словно на самом деле осознав сейчас, что того мужчину больше не найти.

– Не грусти! Что-нибудь придумаем, – ободряюще сказала она.

Та тут же улыбнулась и внезапно тихо добавила:

– Спасибо! Спасибо, что сама пришла по мне знакомиться, а то я до сих пор была бы одна и ничего-ничего не понимала бы в этом мире! И слишком бы всего боялась...

Она и забыла, что бояться начала как раз после рассказов Мари об этом мире, ведь всё, что та ни говорила, было ей в новинку. Теперь же ей казалось, будто она жила здесь всегда, что она *должна* была жить здесь всегда, и потому всё происходящее начинало уже казаться ей правильным. Кроме одного – того, что молодого галантного незнакомца с серыми глазами не было рядом. Из-за этого недавно она даже отказалась идти на праздник, хотя была приглашена...

В тот день она гуляла с Мари по главным улицам, широким, просторным... В выходные дни здесь бывало много народу, и Жанна оглядывалась, рассматривая людей во все глаза, стараясь найти кого-нибудь из знакомых. Конечно, в первую очередь она стремилась увидеть сероглазого мужчину, но помнила и об администраторе кафе Арсени, и надеялась встретить даже и Вильтона.

Но никого из знакомых не было, кроме старика Близэ – тот бодро шёл куда-то и не сразу заметил Жанну. Впрочем, когда она его окликнула и подошла ближе, он всё равно не признал в ней бывшую клиентку, так что пришлось напомнить, что когда-то он помог ей с документами. Немного посетовав на свою рассеянность, он протянул ей руку, приветствуя, и из рукава его внезапно вылетели небольшие светящиеся бабочки.

– Ох, простите! Вышел из дома и опять не заметил – племянница подарила мне несколько таких красавиц... А они то и дело норовят в одежду залезть – там, видите-ли, тепло и уютно... – заметил он, пытаясь их поймать, чтобы заключить в карман, но они не поддавались.

Жанна тоже разнервничалась, потому что боялась, что Близэ спросит про её спутника, с которым она приходила к нему за документами. Ей было бы неприятно говорить, что тот её бросил, и, чтобы отвлечься, она тоже сделала вид, что помогает ловить сбежавших бабочек. Правда, как только она провела рукой по воздуху, даже не дотронувшись до них, они сами вдруг юркнули обратно к старику, будто испугавшись.

– Спасибо, моя милая, спасибо! – удивлённо обрадовался Близэ. – Как вам так быстро удалось?..

Она неловко пожала плечами, а Мари посмотрела на неё даже с гордостью и каким-то уважением.

– А вы знаете, дорогие мои, а я вас приглашаю! – историк вытянул из кармана пару красивых бумажек. Маленькая бабочка снова вылетела вслед за его рукой, но, долетев до Жанны, тут же вернулась обратно и больше укрытия не покидала.

Они с интересом взглянули на протянутые им небольшие аккуратные листочки. К удивлению Жанны, там был указан адрес того самого кафе, где она когда-то пробовала изумительный кофе, и дата.

– У племянницы завтра свадьба. Только чур – приходить с мужчинами, чтобы у всех пара была, а то она у меня жуть какая ревнивая! – засмеялся Близэ своей шутке и, рассеянно махнув на прощанье, пошёл дальше.

Мари довольно улыбнулась. Она была явно горда за подругу.

– Молодец! Ты очень здорово загнала бабочек!

– Что ты! Я вовсе ничего и не делала.

– Как же! Я видела, как у твоих рук возникло пламя. Небольшое, правда, но ведь больше и не надо было. Как ты его создала?

«Не знаю...», – сумрачно подумала Жанна. Её уже перестала пугать окружающая магия и перестала даже возбуждать, как раньше, когда всё казалось новым и неведомым. Но то, что происходило с ней самой, начинало её беспокоить.

– Хочешь, я для тебя завтра приведу одного из своих знакомых? – Мари, похоже, всерьёз собиралась на праздник, но та помотала головой.

– Я не пойду, – глухо ответила она и слишком пристально посмотрела себе под ноги. – Мне не нужен незнакомый мужчина, и на чужую свадьбу я смотреть не хочу!

Мари поняла, что та не хочет об этом говорить, и перевела тему. Сама она на праздник к неизвестной девушке тоже не пошла, и больше они об этом не разговаривали.

И вот теперь, когда Жанна упомянула, что ей нравится какой-то молодой человек, но она не знает, как его искать, Мари сразу догадалась, что именно из-за него ей так не понравилась идея побывать на чужой свадьбе. Ей было слишком обидно или больно, так что она, похоже, просто не могла выдержать вида чужого счастья.

– А ты раньше любила? – тихо спросила она, но Жанна зарделась.

– А кто вообще сказал, что я сейчас влюбилась! Это просто так... он мне просто понравился.

Она попыталась посмотреть гордо, но вдруг увидела в глазах подруги жалость. Она тут же села за стол и размякла, и по её лицу потекли непослушные слёзы.

– Ну-ну, чего ты! Найдём мы твоего принца, даже не сомневайся! – приобняла её Мари, пытаясь лихорадочно придумать, как же его можно найти. Даже не зная имени...

Вскоре она выяснила историю той встречи – Жанна рассказала всё, да так подробно, будто всю жизнь только и жила, чтобы в мельчайших деталях запомнить тот день!

«Неужели это на самом деле любовь?», – в каком-то напряжении вдруг подумала она, от самой себя не ожидая такого подробного рассказа. «Но ведь и Жан – Жан мне тоже понравился? Или – нет? Или то, что я хочу нравиться всем, не имеет никакого отношения к тому, что мне самой нравится только один?..».

– Мы напишем объявление, – прервала её мысли Мари. – Разместим в газете, и он обязательно тебя найдёт!

– А если не прочтает? – испугалась Жанна.

– Будем держать объявление столько времени, сколько потребуется, чтобы он прочёл. Через неделю, месяц, год – когда-нибудь он его увидит! Или ему его прочтут.

«Через год? – так я не хочу!», – тоскливо подумала Жанна, и ей снова стало обидно. «Ну почему я сразу не поверила, что он *настоящий*?! Он же так смотрел, так говорил...».

Мари ещё раз выслушала её историю, и вскоре они написали текст. И через пару дней в местной газете было опубликовано странное объявление: «Голубая лошадь в розовую крапинку, которой нравятся фейерверк и мороженое, ищет сероглазого друга с букетом из бабочек»...

Глава 10

Жан, ничего не подозревающий о новых заботах Жанны, всё-таки решился. Ему самому не очень-то и нравилась эта затея – снова появиться перед её странными зелёными глазами. Но другого выхода он не видел, считая, что если глупая девчонка вскоре осознает себя магом, то её наивность превратится в ожесточённость, и она начнёт тратить силу, которая по праву первенства должна принадлежать ему.

Не желая больше рисковать, он решил выяснить, какие способности у неё уже раскрылись, и, наконец, отправился к ней. Жанна, уже не так опасаясь внешнего мира, не всегда теперь запирала калитку, особенно днём, и он спокойно прошёл прямо к дому.

Отворив дверь на очередной звонок, она весьма обрадовалась, увидев перед собой старого доброго друга Жана и не ощущая никакой опасности.

– Я очень рада тебя видеть! Очень! – она сказала это спокойно, но сердце почти выпрыгивало из груди.

Последние месяцы ей было сложно и легко одновременно. Она как будто сбрасывала старую шкуру, чтобы оказаться в новой, как та змея, чей рисунок был на многих предметах в доме подруги Мари. Конечно, Жанне не раз в голову приходил вопрос, почему у той так много узоров со змеями, но она никогда её об этом не спрашивала: теперь она училась не задавать глупых или неудобных вопросов. Общение с Мари стало для неё источником новой информации и какого-то нового понимания мира – обоих миров. Оказалось, не всё так просто в человеческой жизни, как она считала раньше. Оказалось, есть в окружающем мире что-то ещё – гораздо более важное, чем поход из дома на работу и обратно. И есть что-то более дорогое, чем ничего не значащее общение с людьми по пустякам, как это было в скучном офисе или ночном клубе.

Потому сейчас, уже немного думающая о том, как выглядят её эмоции в глазах других, она встретила Жана не так, как это было бы ещё несколько недель назад. И теперь ему даже не к чему было придраться, и он проглотил заготовленное язвительное замечание о том, что она так глупо пропала и не воспользовалась «Спутником», чтобы найти его самого.

– Ты уже обжилась? – спросил он.

Она кивнула и протянула руку, приглашая войти. Глаза её сияли, но губы молчали, не зная, что именно сказать, потому что её эмоции – это ведь были только *её эмоции*. «Зачем нужно нагружать ими других людей?..», – вспомнила она слова Мари.

– Выпьешь чаю? Принести в гостиную или посидим на кухне?

Её голос немного подрагивал от волнения, она старалась не сболтнуть лишнего и при этом остаться вежливой, и Жан с удивлением понял, что не злится на неё. Ни капли.

«Это невозможно!», – сразу нахмурился он, вспомнив, что, наоборот, должен быть очень зол, ведь иначе не сможет завершить дело. Да к тому же, она отобрала у него дом!

Он попробовал сказать что-нибудь язвительное, но Жанна ничего не услышала, потому что слова замерли у него на губах, когда он увидел вычищенную до блеска красивую гостиную.

Какие-то предметы стояли не на своих местах, как он помнил, но в основном комната походила на ту – которую он ещё ребёнком записал в своей памяти. Здесь, в дальнем углу, на зимние праздники ставили большую ёлку, и он постоянно бегал по кругу, пытаясь уследить, как волшебное свечение, переливаясь, меняет своё направление из одной стороны в другую, иногда перетекая в какой-нибудь золочёный шар, прячась в нём на миг, чтобы потом снова отправиться по волшебной спирали в путь...

– Я принесу напитков, – сказала Жанна, но Жан остановил её:

– Лучше посидим на кухне!

Ему не хотелось ненавидеть к этой девчонке мешать со своей нежностью к этому дому и своим воспоминаниям. Он решил, что кухня, где он бывал реже, не станет для него таким сложным испытанием, как гостиная.

– Как ты справлялась одна всё это время? Почему не приходила?

– Я не думала, что ты меня ждёшь, – тихо ответила она, смутившись: ей было странно, что он укоряет её, хотя это *он сам* бросил её на произвол судьбы. «Или я опять не права? Ведь он так много для меня сделал...», – внезапно подумалось ей, и она почувствовала ещё больший укор совести, будто стала ещё виноватей, чем была.

– Я ушёл, потому что проверял, сумеешь ли ты воспользоваться «Спутником», если меня не будет рядом, – солгал он и внимательно посмотрел в ответ.

«Обманывает ли он? – вдруг подумала Жанна странную мысль, будто не сама, и тут же остановила себя. – С другой стороны, зачем ему мне лгать?..»

– А я помню, как он работает, – улыбнулась она. – Могу хоть сейчас найти твой дом! По карте, правда, не найду, пока не узнаю адрес... Но ты ведь мне теперь его назовёшь?

Он усмехнулся.

– Конечно, дай карту – отмечу! – его лицо снова расслабилось, будто боясь отпугнуть своим напряжением. – Ты всё время сидишь в доме?

– Нет, гуляю, хожу по магазинам, – с удовольствием начала она рассказывать. – Познакомилась с соседями...

– А про будильник забыла?

Она помрачнела.

– Нет, не забыла, – солгала она, думая, что не лжёт. – Просто в этом доме его нет.

– Ты уверена?

– Я долго его искала, тщательно, в каждой комнате, среди всех предметов... Здесь его нет.

– Ищи ещё, не останавливай поиск! Или ты уже не хочешь возвращаться домой?

Он смотрел внимательно, и Жанна отвела взгляд. Конечно, ему нужно было только одно – чтобы она была под контролем, чтобы она всё время тратила на поиски и поменьше контактировала с внешним миром. Но она подумала о другом: она и сама уже не знала, хочет ли обратно... Ведь если тот сероглазый мужчина на самом деле не был творением сна, а был настоящим... «Как же хочется ещё раз посмотреть в его глаза!», – тоскливо подумала она и услышала, как по столу стукнула рука. Подняв голову, она увидела настороженный взгляд и порадовалась про себя, что Жан не умеет читать мысли...

– А может, ты мне поможешь? – вдруг нашлась она. – Ты ведь маг, ты можешь поискать будильник здесь с помощью волшебства.

– *Волишебства...* – передразнил он, лихорадочно обдумывая, как отказаться. – Ты что, себе не доверяешь? Раз не нашла, значит, он действительно не тут, не сомневайся!

Говорил он уверенно, и это было просто – он ведь наверняка знал, где есть будильник, а где его давно уже нет. Но Жанна поняла всё по-своему, тут же вспомнив разговор с Мари о литателях: та сказала, что тот, у кого их нет, может скрывать свою магическую слабость... И вновь она подумала, что Жан – слишком слабый маг, потому не может ей помочь. Она поспешила улыбнуться и замять свою просьбу:

– Ничего, где-нибудь в другом месте найдётся!

– Ты можешь поискать иной выход – возможно, это будет быстрее, чем гоняться за мифическими часами.

– А что нужно делать?

– Книги почитай, – поучительным тоном сказал он, – про проходы написано много. Найдёшь, как открывать вход в другое пространство, – сможешь найти проводника и дверь в свой мир.

– А ты не знаешь, как? – осторожно уточнила она и тут же закусила губу: Жан посмотрел ехидно, как тогда, раньше, когда она жила в его доме.

– Что-то знаю, что-то – нет, – уклончиво ответил он. – Но свой вход ты должна найти сама.

Она погрустнела, и Жан вдруг почувствовал, что за окном становится темнее. Внезапно и ему самому на миг отчего-то стало грустно, и он внимательно поглядел на Жанну, задумавшись над вопросом: а не может ли между ними быть какая-то связь, общие ощущения, не может ли между ним и его сводной сестрой быть что-то, кроме вражды?.. И, не найдя в её лице ничего, давшего бы ответ, он негромко добавил:

– Потом, если не сумеешь отыскать никакой информации, я помогу – расскажу, как можно открыть проход. Но сначала поищи сама – это ведь твоя жизнь и ты сама должна за неё бороться.

Он и не ожидал от себя таких слов, изначально желая лишь, чтобы её окутал страх и неверие в себя. А теперь, видел он по её засиявшим глазам, она даже воодушевилась! Это не входило в его планы...

«По крайней мере, поисками она будет занята ещё долгое время, а значит, ей не придёт в голову искать вокруг врагов, чтобы защищаться от них, и у меня есть время, чтобы понять, что она из себя представляет! Нет, что представляет собой пришедшая сила», – подумал он и вспомнил один разговор с Манди: она настаивала, что нужно выяснить, как Жанна сумела самостоятельно выйти из старенького дома с дверью без петель. В тот день, когда Манди привела её туда, она не сомневалась, что выхода та не найдёт, и просто ждала, чтобы прошло нужное ей время, и тогда она бы её вытащила. Но девчонка вышла сама...

– А где мне искать книги?

– В этом доме нет своей библиотеки? – терпеливо уточнил Жан.

– Есть, но как я узнаю, есть ли там на нужную тему?

– Только поиском. Ещё ты можешь посетить городскую библиотеку.

– Отличная мысль! – расцвела Жанна и тут же, остыв, осторожно спросила, – а ты пойдёшь со мной?

– Это тебя будет только отвлекать.

Она поняла это так: «Твои проблемы отнимают у меня слишком много времени». Она кивнула и даже собралась понимающе улыбнуться в ответ, но увидела, что Жан смотрит не на неё, а на свои сцепленные в единый кулак руки.

Она подлила себе чай, а к Жану придвинула ближе плетёную корзинку со свежими, недавно купленными булочками. Его кружка всё ещё была полна, и ей было непонятно, почему он до сих пор ничего не попробовал.

А он был несколько занят: сосредоточившись, он посылал в её сторону некоторые мысли, пытаясь заставить её заговорить о том, что было нужно ему самому.

– Тебе хорошо в этом доме? – спросил он, стараясь произнесёнными словами проложить дорогу к её сознанию.

– Да, очень! Как будто я жила здесь всю жизнь! – обрадовалась она, что диалог приобретает приятное направление. – Тут уютно, красиво! Я как будто...

Она хотела сказать: «защищена», но внезапно поняла, что это было бы так странно... – она никогда, никогда раньше не говорила таких слов!

– Наверное, я должен был бы принести тебе сегодня часы, – вдруг произнёс Жан.

– Зачем?

– Свой будильник ты не нашла. И других, наверное, в этом доме нет.

Жанна засмеялась. Дом, казалось, слышал несправедливые слова, и кухонные часы затикали громко и обиженно.

– Что ты смеешься? – Жан не отводил от неё пристального взгляда. Но уже не потому, что что-то искал в её лице или колдовал – просто он вдруг подумал, что никогда ранее ни одна из женщин его рода не отзывалась в его крови так странно: без ощущения, что его боятся, и без ответной обиды с его стороны...

– Да в этом доме так много часов и будильников, что ещё одни вряд ли пригодятся!

– Ты так говоришь, будто уже видела где-то так много часов, – усмехнулся он, всё ещё не отрываясь глядя на неё.

– Видела, – перестала она смеяться. – Видела.

На лице Жана застыл вопрос, но она молчала, и, поняв, что ей почему-то не хочется об этом говорить, он снова перешёл на нужную ему тему:

– Ещё хорошо, наверное, что, живя в *этом доме*, ты никуда не опаздывала, да? – немного грубо намекнул он на другой домик, тот самый – неказистый, странный, о котором она как-то мельком упоминала, рассказывая про день, когда не успела вернуться к проводнику. Он и не подозревал, что там она и наблюдала то странное количество часов, и именно про тот дом не желает сейчас вспоминать, и, видя, что она всё ещё молчит, нетерпеливо добавил:

– Ты ведь когда-то говорила о каком-то доме, да? В тот день ты как раз опоздала...

– В тот день, когда я... Да, когда я оказалась в вашем мире, я была в одном странном доме... – тихо, нерешительно ответила она, видя его пристальный взгляд, и опустила голову.

Но Жан должен был узнать, что там произошло! С трудом смягчив голос, он снова намекнул, что ему очень интересно. Она вздохнула, но отказаться больше не посмела.

Ей было странно рассказывать такие вещи... Она ведь и сама толком не знала, что там было тогда, внутри дома. «С другой стороны, может, он как раз и объяснит, что это за аттракцион был», – подумала она и, стараясь не упустить деталей, как и советовал Жан, начала свой рассказ.

Когда она упомянула детскую карусель, он на миг так посмотрел в её лицо, что, следя за ним внимательней, ей стало бы очень тревожно! Но она говорила, смущаясь, и потому смотрела то по сторонам, то на собственные руки, и взгляда собеседника не замечала, пока не рассказала всё. Тогда она взглянула и на него, ожидая ответа.

Но тот задумался, и слишком. Пауза затянулась, и, наконец, заметив, что она всё ещё ждёт объяснений, он произнёс:

– Интересная история. Только ты зря беспокоишься – ты всё сделала правильно.

Его слова были тихими, но спокойствия в них было мало, и Жанна это почувствовала так, как ощущается лёгкое дуновение нового ветра, незаметно возникшее в абсолютный штиль. Всё же спорить с ним она не смела и лишь кивнула, подумав, что стоило бы рассказать эту историю и Мари – вдруг та скажет что-то новое?

– Наверное... – ответила она ему. – А мне всё равно неприятно вспоминать тот день – я же как раз тогда и не успела к проводнику!

– Ещё бы! В том доме время течёт совсем иначе, чем у нас... – задумчиво произнёс он и, заметив загоревшийся взгляд, понял, что сказал лишнее.

– Оно течёт быстро-быстро, да? – воскликнула она. – Вот почему я не успела! Я-то знала, что прошло немножко времени, а оно на самом деле вот как было!

Её глаза расширились от изумления и возмущения. «Наверняка, та Манди знала, что это за дом!», – вознегодовала она.

– А с чем у тебя булочки? А то пододвинуть их ко мне – пододвинула, а попробовать и не даёшь со своими расспросами! – грубо произнёс Жан, стремясь перевести тему. Он уже корил себя, что упомянул о свойствах дома – о них знали далеко не все, и он не желал, чтобы Жанна узнала что-то от него.

– Ох, а я и варенье забыла принести! Сейчас достану самое вкусное – клубничное. Я тут нашла целый погреб с едой, представляешь? И тут варенье – почти как я у тебя ела, но, конечно, у меня вкуснее! – затараторила она, подсакивая, чтобы принести угощение.

Жан помрачнел. Он уже и не рад был вовсе, что заговорил о булочках – глупая девчонка произнесла то, чего и сама не понимала: кое-что из еды в его доме было не «почти» как здесь, а именно отсюда и было взято! Где бы ещё он достал вкуснейшие запасы, приготовленные его бабками?.. Хорошо хоть, она не видела в его доме банок, особым образом перевязанных яркой тесёмкой!

Хмурый, он поспешил подняться. Она не успела и ничего спросить, так быстро он отправился к парадной двери со словами, что должен срочно уйти, и, попрощавшись, вышел.

Закрыв за ним, она вздохнула. Только ей показалось, что они стали немножко ближе, как он снова похолодел и отстранился!.. На миг она даже подумала, что он больше к ней не придёт, но тут же отогнала эту мысль и, ещё раз глубоко вздохнув, отправилась в библиотеку – выполнять его задание.

Зайдя внутрь, она помрачнела, тоскливо оглядевшись, – здесь было так много книг, что, она поняла: ей никогда не удастся справиться с поставленной задачей!

Растерянно она присела у стола.

– Вот бы просто сказать: «Мне нужна книга о перемещениях в пространстве!», – громко произнесла она, немного надеясь на чудо.

Она подождала, оглядываясь вокруг, но ничего нового не происходило, и, разочаровавшись, тоскливо опустив голову на руки, она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Ей мечталось о свободе и просторе, где не пришлось бы ничего-ничего искать! И вскоре перед её мысленным взором поплыли странные, но чудесные картинки: зеленые луга под голубым небом... И она в лёгком платьице бежит по лугу, будто летит... А рядом с тихим шелестом, как листья клёна, падают и падают бумажные листы, где-то пожелтевшие, где-то – чуть почерневшие от времени и постоянного перелистывания. Сначала по одному, потом всё больше и больше... А потом уже, чуть не задевая её саму, целые упитанные книги с громким стуком вдруг начали падать прямо на опутанную зелёной травой землю...

Очередной глухой удар был явно не в воображении, и Жанна резко открыла глаза. И поняла, что на столе около неё появилось несколько книг, очевидно, слетевших со своих насиженных на полках мест.

С удивлением взяв в руки верхнюю, в тёмно-зелёном переплёте, она всмотрелась в название: «*Fortunam suam quisque parat*».

«Не верю! – вспомнила она изумлённо, что именно так назывался магазин Вильтона. – «Свою судьбу каждый находит сам»... Конечно, я её прочту! Может, тут как раз про то, как найти пространство именно с Вильтоном, а не какое-то другое?!».

Она не любила читать, но в нынешнем положении выбирать не приходилось, и, скрепя душу, она попыталась сосредоточиться.

Терпеливо, внимательно прочла она несколько страниц витиеватого текста, ожидая, когда начнётся самый смак. После, не дождавшись, пролистнула ещё чуток. Потом перевернула целую кипу страниц и всмотрелась в текст.

Потратив ещё некоторое время, она закрыла книгу и отложила в сторону. Та грустно прошелестела листами, так что Жанне даже стало её жаль.

– Я обязательно тебя прочту, вот честно! – громко пообещала она расстроенной книге. – Просто сейчас мне нужно что-то... ну хотя бы историческое! А не художественный роман... А то у меня времени маловато...

«Конечно, я лгу! – остановила она свои излияния, прекрасно зная, что пока что в этом мире особо ничего и не делает, чтобы у неё так совсем уж не было времени. – Но что в этом такого? Я ведь лгу только книге...». Она чуть не закашлялась, поняв тут же, что и подобное оправдание – то, что она сказала что-то *лишь книге*, – это всё-таки весьма странный аргумент...

– В общем, я всё поняла! – громко добавила она вслух, теперь обращаясь скорее к себе, чем к лежащим на столе томам. – Буду читать вас по очереди, а вы... никуда не разбегайтесь, чтобы я вас потом снова не искала!

Она взяла следующую книгу. Очевидно, это был научный источник – никаких картинок, пролистнув, она не заметила, а предисловие было очень скучным. В общих чертах в нём говорилось о том, что «...обретать знания – это дано не всем, но при должном усердии и труде можно добиться неплохих результатов». Жанна сразу закусил губу и нахмурила брови – ей казалось, что так она лучше сосредоточится. Но, конечно, на самом деле ей очень, очень сильно не хотелось это читать – слишком уж слог напоминал учебники, которых она уже поначиталась, зарабатывая свой диплом о высшем образовании в *том мире*!..

Через какое-то время она опять не выдержала: захлопнув книгу, она положила её на стол и подскочила, чтобы покинуть библиотеку. Как вдруг ей вслед будто зашумел лес – словно шелестели листья, но не легко падая на поляну, а кружась в водовороте вихря. Она остановилась и глубоко вздохнула.

Подумав немного и мысленно собравшись с силами, она вновь уселась и открыла ту же книгу. «Я должна найти решение... Иначе Жан даже не станет со мной разговаривать!», – подбодрила она себя и больше от чтения не отрывалась. Встала она только через несколько часов, когда устала бороться с голодом. Подойдя к двери, внезапно она услышала новый шум: за спиной раздавалось хлопанье листов, как аплодисменты. Она улыбнулась, но оборачиваться не стала – зачем разрушать сказку, если можно просто представлять, что там происходит?..

Пока она была в библиотеке, в гостиной тоже кое-что случилось – туда вернулся Жан. Увидев его сейчас, Жанна, конечно, очень бы удивилась, ведь собственноручно закрывала

за ним парадную дверь, но он, не боясь опасности быть замеченным, резко появился в пространстве большой комнаты, словно зная, что Жанны там пока нет.

Подойдя к одному из окон, он провёл рукой по странным часам, лежащим на подоконнике – тем, у которых циферблат был прикручен к куску дерева. Задержав над ними руку, он закрыл глаза и сосредоточился. Часы тикали, и как будто больше ничего не происходило. Лишь по чёрным стрелкам пробежало несколько молний в разные стороны и спряталось в цифрах. Жан открыл глаза, на губах его мелькнула тонкая улыбка. А потом он исчез и снова появился – но уже в своём доме.

– Ты что-то узнал? – при виде его с кресла тут же поднялась Манди.

– Многое! – кратко ответил он и быстро прошёл на кухню.

Она кинулась за ним, но то, что он начал делать, её поразило: он открыл буфет, и по мановению его рук с дальнего ряда полки одна за другой стали исчезать банки с вареньем.

– Ты спятил? – спросила она, но негромко и очень осторожно. Ещё бы! – стоит ли злить тёмного мага, если он случайно сошёл с ума? «Может, это девчонка повлияла на его сознание?», – с тревогой подумала она, но вслух произнести не рискнула.

Он не ответил, пока не избавился ото всех банок, перевязанных ажурной алой лентой.

– Что произошло? – повторила Манди, когда он закончил.

– Ничего! Просто не хочу дать ей ни одного шанса узнать обо мне.

– И что ты для этого сделал? – не поняла она, но Жан усмехнулся тревоге, написанной на её лице.

– Это необычное угощение – только моя прабабка Роза знала точный рецепт, чтобы получить этот великолепный вкус. А если девчонка случайно увидит здесь такие же банки, у неё могут возникнуть очень неприятные для нас вопросы. Повезло, что она не заглянула сюда раньше...

– А как она, по-твоему, их увидит? – Манди совсем не убедили слова Жана, и она даже испугалась, что теряет адекватного союзника.

– Она придёт сюда.

– А ты её не приглашай!

– Она *сама* придёт, – спокойно ответил Жан.

Манди тревожно всмотрелась в зелёные глаза. Они ярко блестели, не давая ответа – в порядке ли их хозяин...

Жан снова усмехнулся и тут же оказался за её спиной.

– Ты сомневаешься во мне? – положил он голову на её плечо. – А я чётко вижу, что она сама придёт ко мне.

– Когда?

Он пожал плечами.

– Видимо, когда настанет *наше* время.

Манди обеспокоенно молчала.

– Хватит выдумывать! – вдруг жёстко произнёс Жан. Схватив её за плечи и повернув к себе, он пронзительно посмотрел в её глаза.

– Не указывай мне! – зло отпихнула она его руки и, внезапно превратившись в чёрные крылья, обиженно испарилась.

Он невозмутимо прошёл в гостиную и уселся в кресло у камина. Он даже не стал разжигать огонь: он знал, что Манди скоро появится, что она не уйдёт на самом деле, пока он не расскажет о том, что именно сумел выяснить. И не прогадал – не прошло и десяти минут, как в камине внезапно разгорелся огонь. Пламя было таким большим, что запросто съело бы человека, если б он рискнул подойти ближе и если бы оно было настоящим – но

сейчас это была лишь бутафория, и Жан это знал. Потом, наконец, в пространстве возникла чёрная птица, но такая прозрачная, будто была нереальной.

– Не хочешь, чтобы я на тебя смотрел? Тогда тебе следовало появиться за окном и спрятаться за деревом, – невозмутимо заметил он. – А не скрываться в другом пространстве.

– Это на случай, если придёт твоя глупая сестрица. Уж она-то меня не увидит!

– Я уже сказал: она действительно придёт, но не сегодня...

Измученная Манди вдруг, не дослушав, полностью материализовалась и предстала в человеческом облике.

– А ведь она меня так уже видела! Когда мы были на площади... Времени прошло уже достаточно, она бы не успела уйти в свой мир, и я решила, что и мне можно уходить, и даже перешла в другое пространство, где меня не было видно, чтобы оттуда переместиться в мир теней. Но она продолжала со мной говорить! К нам как раз пристал какой-то мужчина, и я тогда не обратила на неё внимания...

– Значит, она может видеть тех, кто пришёл из мира теней?... – задумчиво повторил он.

Она под села к нему и тоже задумалась.

– Кстати, ещё она видела время... – негромко добавил он, вспомнив недавний разговор с Жанной.

– Что ты имеешь в виду?

– Наш старичок-дом, куда ты её водила... Она видела там двери, заходила в комнаты. В одной из них были часы.

– Какие?

– Только часы. Много часов.

– И что? – не поняла она.

Жан терпеливо посмотрел в голубые глаза и осторожно провёл рукой по её неаккуратно упавшей чёлке.

– Я забыл, что ты не из нашего мира и не всё знаешь про этот дом... Комната с часами видна только тем, кто дружен со временем. Это значит, он может пользоваться этими силами, менять время.

– Но ты ведь ей об этом не сказал?

Он помолчал, а потом серьёзно спросил:

– Мне иногда кажется, ты думаешь, что я дурак. Ты ведь действительно *любишь* меня?

Его взгляд был сосредоточен и пронзителен, когда он упорно смотрел в холодные глаза. Она не отводила твёрдый взор, а потом вдруг мягко улыбнулась.

– Я просто тревожусь: неизвестно, какие силы у неё могут быть; вдруг она на тебя нападёт? Как можно быть уверенным, что внезапная сила не сведёт её с ума?

Жан ещё немного поглядел в упрямые глаза, потом осторожно поцеловал их, хотя знал, что она не особо любит нежности. Впрочем, сейчас это её не возмутило – она была спокойна, даже слишком, слишком нарочито спокойна...

«Может, действительно волнуется за меня...», – подумал он всё же, но очень *негромко* – понимая, что, возможно, и чёрная птица, пришедшая к нему из другого мира, при своём сильном желании и его неосторожности сумела бы прочесть его мысли. А она никак не должна была узреть внутри него недоверия, иначе он лишился бы её!

– Это не всё, – продолжил он. – У неё было несколько дверей.

– Что ж удивительного... – скучно зевнула Манди. – У всех, кто входит, так бывает: три двери – прошлое, настоящее, будущее... И не у всех они открываются, по крайней мере, не на всех этажах...

– Да, но у неё дверей было пять.

Её скуку как рукой сняло – от удивления она чуть не подскочила, но Жан её удержал.

– Что это значит?

– Возможно, дополнительные двери – это альтернативное будущее и допустимое прошлое. То есть она могла бы смотреть, что может произойти или могло бы быть, если бы обстоятельства изменились. А может, это только возможность видеть больше картин или самой выбирать время просмотра... Не зря же ей показали, что она из тех, кто может дружить со временем. В любом случае она ничего не знает и не умеет, она даже ещё не использует ни капли магии в жизни, так что пока это не опасно; к тому же и не все двери перед ней открывались.

– А какие открылись?

– Похоже, настоящее и прошлое. Правда, некоторые картины из прошлого были странными... – вновь задумался он. – Например, она говорит, что каталась на карусели.

– Что ж тут необычного?

– Она точь-в-точь описала карусель, что была в *моём* детстве. В её воспоминаниях такой быть не могло! Она не должна была видеть эту сцену, тем более, что она заметила там девочку лет пяти, а значит, это не могла быть она сама – её же увезли из этого мира, когда ей не было и двух!

– Да, это странно...

Они помолчали.

– Но это ничего не меняет, – снова нарушила тишину Манди. – Она ничего об этом не знает, а если и видела чужое прошлое, то всё равно принимает его за своё и не подозревает о своих настоящих способностях. Или что-то не так?

Он нехотя постучал по подлокотнику кресла.

– Я боюсь лишь, что она на самом деле видела именно *своё* прошлое – вдруг бабка Гвенда привозила её сюда? Я сам видел Гвенду здесь после её исчезновения... Разве не могла она захватить с собой и девочку, хотя бы раз?

– А что это меняет? – Манди хотела усмехнуться, но сдержалась – Жан отчего-то был слишком напряжён, будто новая мысль насторожила его самого.

– Только то, что в этом случае сила *уже* была бы с ней... И нынешний приход в этот мир просто укрепил бы её понимание магии, позволив ощутить эту силу.

Манди помолчала. А потом тихо, но очень жёстко добавила:

– Тогда за ней нужно тщательнее следить. А, может, всё-таки правильней быстрее с ней покончить?

– В её гостиной я оставил стража – он доложит, с кем она видится и о чём говорит. И мы действительно скоро покончим с ней, но потерпи ещё чуть-чуть – хочу увидеть, что она сумеет ещё, кроме своих глупостей. И тогда её сила станет моей!

Глава 11

Жанна плакала. Мари суежилась, наливая стакан воды, но та не обращала внимания, занятая своими мыслями: ей было очень обидно.

Уже несколько дней она ходила на встречи с молодыми людьми. Конечно, сначала она и не верила, что поданное объявление принесёт хоть какие-то плоды, ведь, как Мари ни уговаривала её, публиковать свою фотографию, чтобы тот, кого она ищет, сразу же её

узнал, она не стала. Ей это показалось слишком стыдным – выкладывать своё изображение на всеобщее обозрение и писать, что она ищет кого-то конкретного, будто она к кому-то привязана. Ей хотелось выглядеть свободной и гордой, и потому она решила опубликовать только текст. Она ещё раз повспоминала день той встречи на набережной, и самым ярким напоминанием о себе ей показались слова о голубой лошади, потому именно такое объявление и было напечатано. Но в глубине души Жанна не верила, что хоть кто-нибудь им заинтересуется. И всё же это оказалось не так!

Первое же послание, принесённое почтальоном из редакции газеты, говорило о том, что объявление «голубой лошади» очень заинтересовало мужчину Джереми, и он приглашал Жанну на свидание.

Она сразу загорелась радостью, немножко и загордилась, поняв, что удача сопутствует ей, раз она так быстро нашла своего сероглазого поклонника! Узнав его имя, она даже стала прокручивать в голове разные сцены – например, как будет гулять с ним и сможет говорить о нём в кафе: «Мы с Джереми будем чай...», или скажет подруге: «А мой Джереми...». Она была довольна и хотела, чтобы и сероглазый Джереми гордился ею, потому купила самое красивое платье, которое только смогла найти в магазине. Оно было тёмно-зелёным, очень сочного оттенка, длинным, почти в пол, украшенным золотистыми кружевами. Не поскупившись, она прибавила к наряду дорогую золотистую брошь, напоминающую солнце с заострёнными лучами, хотя давно уже уговорила саму себя не бросаться во все тяжкие, чтобы попусту не истратить полученное наследство. Конечно, такая бережливость проснулась в ней не сама собой, а после очередного разговора с Мари, деликатно намекнувшей об этом, когда они в очередной раз вышли из магазина.

И вот она была прекрасна! Она хотела поразить возлюбленного, уже считая его *своим*. Неторопливо, гордо подошла она к дороге и позвала возницу; сразу приготовила оплату за проезд и назвала адрес, который в послании указал Джереми. И через миг уже оказалась у набережной.

«Вот оно что! Оказывается, эта Лучистая улица здесь и есть!», – восхитилась она, обрадовавшись, что снова встретится с сероглазым красавцем там же, где и раньше.

Она долго оглядывалась в поисках его самого, но его рядом не было. Только какой-то незнакомый мужчина, по виду гораздо старше её самой, стоял неподалёку. В его руках был огромный букет, будто он тоже кого-то ждал.

Прошло ещё немного времени, и Жанне стало неловко, что она, такая красивая, стоит тут одна, никому не нужная, когда этот мужчина вдруг подошёл к ней.

– Здравствуйте! Я – Джереми. А это вы та весёлая девушка, которая любит голубых лошадей?

Она открыла рот сказать, что он ошибся, но глаза её округлились: внезапно она поняла, что это действительно тот, с кем она договорилась встретиться. Она тут же растерялась и, мотнув головой, поспешила уйти.

Добежав до дороги и вызвав экипаж, она отправилась домой. Её даже немного потрясывало – от расстройства и сильного разочарования. Ещё какое-то время она была как в воду опущенная, пока не догадалась сходить в гости к Мари. Та её успокоила – мол, не стоит тревожиться, потому что таких встреч будет много, но если потерпеть, то именно её возлюбленный тоже сможет её найти. Это её немного подбодрило, как и несколько стаканов воодушевляющего напитка, приготовленного доброй подругой...

Теперь она была осторожна – каждый раз, получая новое приглашение, она радовалась уже не так яро, как в этот самый первый раз, и всё же, ещё искренне надеясь, что вот как раз именно сейчас и встретит *его*, старалась одеться получше. Но раз за разом эта надежда

таяла: ухажёры были красивы и галантны, и глаза у них тоже были серыми, но никто из них даже издалека не был похож на того, кого она желала увидеть!

Вконец разочаровавшись, после нескольких таких испытаний, как она сама окрестила эти встречи, она перестала тщательно прихорашиваться и, в конце концов, вовсе успокоилась по поводу своего вида. «К чему из кожи вон лезть, если это не имеет смысла?», – думала она, ходя на эти свидания уже как на работу.

– И чего им всем неймётся? – грустно посетовала она Мари. – Ведь не для них же публиковали!

– Написано интересно, вот и хотят познакомиться. А что, тебе ни один ещё не понравился? – осторожно спросила она, но Жанна в ответ жалобно мотнула головой:

– Да я на них особо и не смотрела – вижу, что не *он*, и сразу скучно, сразу жду, когда можно пойти домой...

Так было и в тот день, когда её пригласили в кафе «Для встречи» – молодой человек по имени Брайон.

Он оказался вполне себе симпатичным, с необычным взглядом, в котором проскальзывала странная хитреца, – как у старого тёмного лиса, который, ослабев, уже понял: чтобы заработать на пропитание, необязательно гоняться за быстрыми мелкими зверьками; достаточно за оплату принести хозяину нужный предмет, который никуда не убегает...

– Ты бывала тут, да? – он внимательно следил за реакцией новой знакомой: она совсем не оглядывалась по сторонам, будто всё ей здесь было уже знакомо.

– Бывала, – кратко ответила она, сравнивая его с *тем*, прежним знакомым, которого никак не могла найти.

В отличие от него, Брайона галантным назвать было сложно: он даже не открыл перед ней дверь кафе и не пододвинул стул, когда она присаживалась!

«И ещё не сказал ни одного комплимента...», – хмуро продолжила она подсчитывать его минусы, пока он делал заказ.

Решив утопить новое разочарование хотя бы в удовольствии от еды и питья, она не стала отговаривать его, и Брайон заказал так много блюд и напитков, что ими был заставлен весь стол.

Беседуя, они медленно обедали. Молодой человек был очень милым, хотя периодически и казался чем-то весьма озадаченным. Может быть, тем, что слишком часто в их сторону посматривал администратор, и ему это не нравилось... Но всё когда-нибудь кончается, в том числе и пристальное внимание обслуживающего персонала, и беспокоящий Брайона администратор, наконец, покинул свой пост у дверей кафе. Тогда молодой человек вежливо извинился перед Жанной за то, что ему нужно на минуту отлучиться.

Она улыбнулась, понимающе кивнув: она сразу догадалась, что скромный симпатичный мужчина просто стесняется сказать, что собирается сделать ей сюрприз – всё-таки описанный ею в объявлении букет цветов, превращающийся в бабочек, был лишь указателем для знакомства, а что-то новое и оригинальное он, конечно, мог придумать на свой вкус... И он действительно придумал!

Она ждала его – сначала недолго. Неспешно протекло ещё полчаса, и, совсем уже насытившись и едой, и питьём, она стала скучно осматривать чужие столы. Увидела администратора: сегодня был знакомый – Арсени, который как-то угощал её. Она довольно махнула ему рукой, приветствуя. Прошло ещё немного времени, но Брайон не возвращался.

– Выходной день? – подошёл Арсени, видя, что Жанна совсем уж заскучала.

Она робко улыбнулась.

– У меня куда-то собеседник делся... Вышел и, наверное, потерялся, – растерянно оглядываясь, произнесла она.

– Да у тебя тут настоящий пир! Такие дорогие блюда... – оглядел он стол. – Много из этого я ещё и не пробовал! Как будто для трёх великанов заказывали... Разве такая хрупкая девушка может столько съесть?

Она засмеялась.

– Конечно, это не я! Это Брайон голодный очень был. А, может, просто впечатление хотел на меня произвести...

Арсени поглядел очень внимательно. Ему уже всё было ясно, но он не знал, как объяснить это ей.

– Боюсь, твой Брайон не придёт, – негромко произнёс он.

– Он ещё не мой... – гордо начала она, но тут же осеклась и непонимающе уставилась на него. – Как это?

– А ты давно с ним знакома? Он – твой друг?

– Только что познакомились.

– Тогда, скорее всего, он не вернётся. Похоже, он из тех, кто любит питаться за чужой счёт...

Жанна похолодела.

– Ладно, хорошо... – попробовала она успокоить биение собственного сердца, которое от неожиданности участилось. – Это не так уж и обидно, если подумать... Он ведь просто был голоден, а когда человек хочет кушать, это тяжело...

– Только заказ-то не оплачен, – с сожалением перебил её Арсени.

Она замолчала. До неё начало доходить.

– Это значит, это я должна всё оплатить?

Глаза её покраснели. Столько денег у неё с собой не было, но ещё обиднее было то, что её так развели! «И даже ни одного комплимента не сказал!», – вспомнила она, и ей стало ещё горше.

– У тебя нет таких денег, да? – увидел он вытянувшееся лицо. – Я могу записать заказ на свой счёт, но для меня это тоже большая сумма, и я...

Она очнулась.

– Я принесу деньги сегодня же! Только дай мне чуть-чуть времени.

Он кивнул и, кинув на него последний растерянный взгляд, она быстро покинула кафе. На улице она пару минут постояла, оглушённая произошедшим. Несколько раз она огляделась в поисках Брайона, но того нигде вокруг не было.

Ждать возницу, который не всегда приезжал по вызову сразу же, она не хотела – её душа слишком горела, и она торопилась побыстрее завершить этот неудачный эпизод, потому тут же пешком отправилась в банк, который был неподалеку.

Сняв со счёта деньги, она возвратилась в кафе, чем весьма удивила Арсени, – он не думал, что она так быстро найдёт деньги. Конечно, после того первого раза в день их знакомства, когда у неё не было и на чашку кофе, она не единожды уже посещала это кафе вместе с Мари, но тратили они далеко не такую сумму!.. Ещё больше она удивила его, когда снова заказала самое дорогое блюдо и напиток, что были в меню, и отдала их ему – в благодарность за доброту...

После, всё ещё оглушённая, она вернулась домой, и вот как раз теперь горько плакала, опустив голову на кухонный стол, а рядом суетилась Мари, пытаясь её успокоить.

– Даже ни одного комплимента!.. – видя в этом особую несправедливость, опять громко всхлипнула Жанна.

– Но ты ведь не за словами шла.

– Да, но получается, что я вообще ничего не получила с этой встречи! С остальными я только время теряла, а тут ещё и деньги! А когда они закончатся, что я буду делать?! Снова идти работать? Меня тут никто и не возьмёт на работу, я ничего не умею в вашем мире!.. – громко рыдала она, когда у двери раздался звонок. – Если это ещё кто-нибудь из таких же, не открывай, не открывай!..

Мари сочувственно качнула головой, видя, что подруга слишком уж расстроена, и всё-таки пошла к двери. На пороге стоял молодой человек с букетом цветов.

– Вы ведь не по объявлению, да? – спросила она, увидев зелёные глаза. Ей вдруг стало немного тревожно, но она не подала и виду.

– А где Жанна? – удивился тот.

– О, вы, наверное, Жан?

Мари помнила рассказы о добром приятеле Жанны и пропустила его внутрь. Он сразу прошёл на кухню, будто кожей ощущая, что она там и что сама она сейчас к нему не выйдет. Услышав шаги, та подняла заплаканное лицо и расстроилась ещё больше: она ведь хотела выглядеть перед ним сильной и умной, а показалась такой слабой!..

– Я ещё не успела прочесть всех книг, – решила она тут же оправдаться, но он жестом её остановил, протягивая букет:

– Поставь цветы в вазу!

– А по какому они поводу?

Конечно, это было по-детски глупо, но она была уверена, что хоть сейчас он скажет то, что она всегда подозревала: она ему нравится, и он решил просто подарить ей букет! И ей так важно было услышать это именно сейчас, что она уставилась на Жана, не отрываясь и напроочь забыв, как печально выглядит!

Он же улыбнулся, на лице его даже появилась какая-то слишком радостная эмоция, какое-то странное счастье, и он довольно произнёс, смакуя каждое слово:

– А я решил жениться. Конечно, моя девушка ещё не дала полного согласия на моё предложение, но она уже думает. Уверен, вскоре мы с ней поженимся. Вот, хотел тебя порадовать этой новостью! Ты счастлива за меня?

Он смотрел пристально, выжидающе. Жанна сглотнула и собралась с силами, чтобы бледно улыбнуться:

– Очень.

Её голос дрожал.

– Если вы не против, зайдите лучше в следующий раз! А то мы должны выполнить ещё несколько дел, и осталось очень мало времени, – обратилась к Жану Мари, видя, что Жанна сейчас вообще не может ничего говорить.

Тот понимающе кивнул. Она проводила его до дверей, и он ушёл весьма довольный тем, что миссия выполнена с блеском! Недаром его шпион – энергия, запущенная в часы на подоконнике гостиной, – позволял слышать разговоры Жанны с Мари в зоне первого этажа. Благодаря этому он прекрасно знал, что она мечтает найти какого-то знакомого. Он уговорил своего приятеля Брайона подшутить над девчонкой, и, придя сейчас, рассчитывал букетом и словами о своей нежданной женитьбе опустить её в самую глубь разочарования от жизни. И этот план также удался!

Он вернулся к себе домой, где его ждала Манди.

– Всё сделано. Пусть думает, что никому не нужна... Это так важно для неё, что она больше ни о чём не будет размышлять! А у нас есть время решить, как с ней поступить.

– Неужели этот момент настал? – воскликнула она, не удержавшись, но даже радость не добавила света её тёмному силуэту.

– Да, – ответила Жан, – больше мы не будем ждать!

Она счастливо закружила по комнате в своём тёмном платье, но, оглянувшись, он увидел уже только, как мелькнули блестящие чёрные крылья и через мгновение испарились за окном. В воздухе звенел смех ворона.

В это время в открытое окно на кухне Жанны влетел конверт и, чуть-чуть покружив у потолка, мягко упал на стол.

– Гляди! – Мари осторожно тронула подругу, не желавшую поднимать голову со стола. – Только что прислали по воздушной почте... Наверное, очередное приглашение на встречу.

– Даже смотреть не хочу! – всхлипнула та, отодвигая её руку.

– Что ж, тогда я сама прочту, если ты не против, – она открыла конверт, мечтая, чтобы слова письма были столь нежными и тёплыми, что смогли бы успокоить расстроенную душу.

Но внутри не оказалось лишних слов – только адрес для встречи. И было кое-что ещё, что отличало письмо от многих предыдущих: под листом с адресом лежала небольшая фотокарточка.

– Смотри, какой красавец! – Мари, с удовольствием насмотревшись, подсунула её под опущенную голову Жанны.

Та нехотя открыла глаза, чтобы сказать что-нибудь неприятное о новой личности, как вдруг выхватила снимок.

– Это он! Это *он!* – не веря своим же глазам, кричала она. – Тут имя и адрес, смотри, адрес для встречи!..

Она резко подскочила и сразу же остановилась, пытаясь сообразить, в какие комнаты нужно бежать, чтобы быстрее привести себя в порядок и красивее принарядиться.

– Подожди, тут указано два числа – сегодня и завтра. А ты сегодня такая... – Мари хотела сказать: «осунувшаяся», но решила не портить ей настроения и мягко добавила, – день у тебя тяжёлый был, может, завтра сходишь?

Но Жанна не слушала. А если и слушала, то не слышала. Ей было всё равно, кто и что теперь говорит, ведь она смогла найти того, о ком грезил столько времени! Она лихорадочно бегала по комнатам, прихорашиваясь, и вскоре даже Мари замолчала: то счастье, что вновь окутало Жанну, так украсило её, что про тяжёлый день уже никто бы и не догадался.

Она подбежала к дороге и, торопясь, позвала экипаж. Сердце билось так часто, что, казалось, хотело выпрыгнуть, чтобы самому посмотреть на окружающий мир, который внезапно расцвёл в её глазах. Возница прилетел, как на крыльях. Конечно, умей она внимательнее глядеть в пустоту, она бы поняла, что так оно и было на самом деле – в упряжке нетерпеливо крутили головами две огромных белых птицы...

Они поднялись в воздух и, пропав, тут же появились там, где было нужно. Жанна щедро расплатилась, не собираясь брать сдачу, и выскочила на землю. Экипаж испарился, будто и не было, а она огляделась.

Место было интересным: с одной стороны высилось несколько гордых домов, с другой начинался уже сплошной лес – похоже, здесь была граница между городом и безлюдной природой. По тонким дорожкам между домами кое-где бродили люди. Жадно всматриваясь в каждое лицо, она поняла, что *его* рядом пока нет, и догадалась посмотреть на часы – до назначенной встречи был ещё час, и понемногу она успокоилась: опоздать она уже не сумеет, выглядит она потрясно, и молодой человек в этот раз будет именно тот, что нужно! С самого начала этот день был для неё не особо удачным, но теперь она

готова была взять все свои слова обратно и восхвалять его, потому что окончание его сулило счастье, которое она так долго искала!

Она терпеливо ждала, когда пройдёт этот сложный, длинный час. Но когда он минул, знакомый сероглазый мужчина всё ещё не появился. Прошло ещё время, и ещё... Она продолжала ждать, веря, что он всё равно придёт... Вскоре совсем стемнело, над городом повисла луна. В домах зажегся свет, на заборах загорелись фонари; и проходящие мимо люди с интересом глядели на одинокую девушку. Со страху ей даже показалось, что неподалёку остановилась одна прохожая специально, чтобы рассмотреть именно её!.. Постояв ещё чуть-чуть, она робко вернулась к дороге и вызвала экипаж.

Возница был старый и уставший. Она попросила его ехать как можно медленнее, и они грустно поплелись по дороге, и только через пару часов оказались у её улицы.

Было уже ближе к ночи, когда к ней зашла Мари, чтобы убедиться, что всё в порядке. Но, увидев Жанну, не стала ничего спрашивать.

– Завтра всё получится! – ободряюще тронула она её за плечо.

– Завтра, – попыталась спокойно кивнуть Жанна, но горло скребли когти.

На следующий день она снова терпеливо стояла у окраины города, ожидая *его*. Но если бы она знала, что в этот момент происходило с тем, чьё фото было трепетно спрятано в её сумочке, она бы уже развернулась и ушла, понимая всю тщетность своего ожидания!

Конечно, поначалу их встреча действительно была так близка! – сероглазый Аллен, с которым она когда-то провела праздник Ветреного Вечера, ещё вчера собирался на встречу с ней. И это никак не могло радовать его жену Кару.

– К чему тебе туда идти? – дрожа от беспокойства, провела она рукой по его плечу.

Она и так была встревожена, когда несколько месяцев назад он настоял, чтобы празднование свадьбы прошло именно в кафе «Для встречи». Его внезапное упорство тогда её напугало – она решила, что, не помня всё же о незнакомке, он инстинктивно пытается прийти туда, где она могла бы быть, к тому месту, где они виделись в его забытом прошлом...

А когда он прочёл странное объявление в газете, их совместная жизнь сразу омрачилась его новой идеей – познакомиться с тем, кто пишет столь необычные тексты. Он говорил, что ему нужны люди с таким мышлением на работу, говорил что-то ещё упрямо и настойчиво, и с каждым словом Каре становилось всё более неудобно: будто он, сам того не понимая, пытался что-то придумать – что угодно, даже любую нелепость, лишь бы отправиться на эту встречу! Она и не верила, что это может быть та самая зеленоглазая, о которой она столько слышала, но и не хотела этого проверять, потому отговаривала его, как могла. Но спустя некоторое время Аллен всё равно отправил письмо в редакцию – Кара узнала об этом в тот же день, когда увидела на столе в кабинете испачканное перо, а на полу – пару скомканных листов. Начало было банальным: «Меня заинтересовало ваше объявление...», «Хотел бы встретиться...», – очевидно, Аллену этот текст не понравился, и раздражённо он бросил листы вниз, где они и валялись, как помятая улика. Поняв всё, Кара не произнесла и слова укора мужу, но сердце её похолодело, и она тут же отправилась в редакцию, чтобы перехватить письмо.

Сотрудник, проверив её документы и удостоверившись, что она действительно жена оплатившего услугу, поверил её словам о том, что муж, прислав письмо ошибочно, попросил забрать его обратно. Но всё же получить письмо ей не удалось – воздушная почта считалась самой быстрой... Правда, она требовала не транспортных, а магических затрат, потому и ценилась дороже, но, как выяснилось, Аллена это не остановило, и он оплатил сразу всю сумму. Услуга была уже произведена, и деньги никто возвращать не собирался. Конечно, Кару беспокоили не они, а само письмо, но ей пришлось

довольствоваться только обещаниями сотрудника, что хотя бы последующие письма мужа, если и попадут в редакцию, никуда далее отправлены не будут. Впрочем, Кара не питала никаких иллюзий насчёт того, что сотрудник газеты действительно озаботится её проблемой, как он сказал, но в офисе она неожиданно встретила знакомую, которая работала тут же, и та обещала ей помочь и всё проконтролировать. Так что покинула редакцию она более-менее спокойная.

Теперь оставалось только сорвать уже назначенное мужем свидание с незнакомкой. Понимая, что все её устные доводы весьма слабы и мнения Аллена не изменят, она поступила решительно – и отравилась.

Доза яда, которую она подсыпала себе в бокал, была незначительной – не той, от которой можно было бы погибнуть, но она так сыграла свою роль, что налицо были все признаки сильного отравления.

Аллен был очень напуган и никуда не пошёл. Остаток дня и ночи он ухаживал за женой, и она, действительно ощущая слабость из-за своего слишком отчаянного поступка, была счастлива тем, что он рядом. Это придавало ей сил, и она боялась только одного: чтобы завтра он не решил, что она уже здорова.

Следующим днём она продолжила играть эту роль и добилась своего – муж пообещал и в этот раз не оставлять её одну. Правда, он ощутил некоторую досаду, что вновь не увидит того, кто написал столь необычный текст... Текст этого объявления странным образом задевал его и, конечно, никому он и не собирался предлагать никакой работы, хоть и упоминал об этом Каре! Просто ему нужен был ответ – почему эти слова так тянут его, так заставляют думать о «голубой лошадке»... Он решил, что завтра снова отправит через редакцию письмо, совсем не предполагая, что жена об этом уже позаботилась и оно больше никогда не дойдёт по назначению.

А Жанна, ничего не зная о том, что и сегодня Аллен не появится, уже несколько часов стояла на одном и том же обозначенном месте, которое поначалу сулило ей столько счастья! Вокруг постепенно становилось прохладнее, но ей казалось, что это стынет только её собственная душа. Новая луна на миг поднялась над головой и тут же исчезла, быстро спрятавшись за глухие тёмные тучи, но ей было уже всё равно, что так темно. Она даже как будто перестала бояться, и ночная тьма вдруг показалось ей лишь новым миром – более тихим, более спокойным, чем день. Миром, где мало людей и где никто не увидит слёз, сколько бы ни текло их по лицу. Она даже не была расстроена. Расстройство – это слишком затратное чувство, требующее каких-то эмоций, движения души... А у неё больше ничего этого не было. Она была опустошена, будто её, обессиленную, бросили в яму, где она больше не может и не хочет двигаться. Не хочет...

Она вернулась домой и плотно закрыла за собой дверь. Она не стала подниматься на второй этаж, в свою спальню цвета тёмного бордо, а зашла в гостиную. Там она уткнулась в подушку дивана, собираясь провести здесь всю ночь, как в те первые дни, когда ещё не доверяла этому дому и этому миру. Когда боялась, потому что была одна.

Глава 12

Жанна проснулась от стука – кто-то стоял у крыльца. Ей было холодно и очень неуютно, будто она заболела. «Неудивительно, учитывая, что я вчера так устала. Ещё и целую ночь провела на таком холоде!», – угрюмо подумала она, не торопясь к двери. Медленно она закрыла распахнутое окно, будто теперь оно могло принести ей ещё больший холод, чем это было ночью, и, шмыгая носом, подошла к парадной двери.

Конечно, там была Мари, но Жанне сейчас не очень хотелось видеть подругу – всё-таки именно она заставила её поверить в мечту, что можно найти... «Любимого...», – нехотя закончила она свою мысль, впервые признавшись в своих чувствах самой себе.

– Ты не в настроении? – осторожно спросила та, видя, что Жанна, открыв дверь, уже с минуту молча смотрит на неё, не пропуская внутрь.

– Ох, входи! – очнувшись она, покраснев. А потом снова разозлилась: ей было неприятно, что она ещё и вот так оконфузилась перед подругой, и вообще выглядит какой-то неудачницей!

Казалось, ничто больше не сможет привести её в радужное настроение в этом мире, как вдруг Мари произнесла слова, напрочь перевернувшие весь её настрой:

– Собирайся! Пойдём в редакцию – выяснять, где живёт твой сероглазый красавчик.

Если бы это сказал ей Жан, она бы ещё растерянно постояла рядом, ожидая продолжения, чтобы понять – а не шутка ли это, а всё ли правильно она поняла... Но это была Мари – и Жанна, быстро оценив слова, бросилась собираться. В неё как будто снова вдохнули жизнь, ей захотелось лететь, лететь навстречу счастью!.. Сердце опять билось – уже не медленно и отрешённо, как утром, а торопливо, вновь оживая.

Поймав возницу, они переместились к большому зданию с очень большими окнами. За ними было светло и даже со стороны было видно, как там просторно. Внутри ходили люди, и Жанна поначалу застенялась, что придётся к ним обращаться, но скрыла чувства внутри, чтобы не беспокоить ими подругу, которая так много для неё делала.

Администратор у входа рассказал, куда идти, и они поднялись на два этажа выше. Третий этаж специализировался на работе с читателями. Сюда приходили письма, вопросы и пожелания, ответы на викторины. Почта присылалась разными путями, иногда её оставляли и внизу, на стойке администратора, где стояла специальная коробка для писем. А разбирали их всегда вручную и, разложив по тематикам, передавали, куда надо, – ответы на викторины относили в один отдел, тексты знакомств – в другой...

– В общем, у нас тут всё чётко определено! – закончил объяснять им сотрудник, откладывая в сторону новую пачку конвертов. – Вот сюда приходят письма, обязательно настоящие, от реальных людей – письма без обратного адреса мы просто оставляем без внимания. Потом отправляем то, что нужно, тому, кому указано. Так что нашей работой вы можете быть только довольны!

– Да, всё так, конечно! – поторопилась Мари убедить, что они ни в чём его не укоряют. – Но нам нужен домашний адрес вот этого мужчины, который письмо прислал.

Молодой человек, его звали Неви, одинаково скучно посмотрел и на протянутый листок, и на фотокарточку, и пожал плечами.

– Ничем не могу помочь: редакция – только посредник. Мы не имеем права передавать контакты, адреса без позволения. Вот вам самим тоже было бы неудобно, если бы те, кто

знает ваш адрес, давали его каждому первому встречному, кто об этом попросит. Вы подождите лучше, когда вам снова напишут, назначат где-нибудь встречу, – посоветовал он, равнодушно отвернувшись к новой пачке писем.

– Но нам сейчас очень надо, – нежно попросила Мари, а Жанна вдруг села на стул и заплакала. – Или хотя бы сами сходите по адресу и спросите мужчину, можно ли вам дать нам его контакты, пожалуйста!

Она смотрела так умоляюще и так нежно, и так размеренно, не переставая, вертела в руках какую-то переливающуюся светом веревочку, что у Неви немного закружилась голова, но – лишь ненадолго... Он медленно подошёл к шкафу, где лежали архивы писем, и нашёл нужный конверт; переписал с него данные и протянул листок Мари.

Она улыбнулась ещё нежнее, и на миг ему даже показалось, что прелестница наградит его поцелуем. Но та дёрнула заплаканную Жанну и выскочила в коридор.

Помахав перед ней листочком с адресом, она звонко засмеялась: она знала, что паренёк ещё несколько минут будет приходить в себя, а потом всё равно не поймёт, что сделал! Как не поняла и Жанна. Впрочем, та об этом и не размышляла: увидев домашний адрес Аллена, она жадно впиалась в него глазами.

– Вот видишь! Главное – найти к людям правильный подход, – подмигнула ей Мари.

– А почему он вдруг согласился помочь? – Жанна утёрла мокрое от слёз лицо.

– Это всё твоя магия.

– Что? – испугалась она, но Мари засмеялась ещё звонче.

– Ты так искренно плакала, что он тоже растрогался.

Жанна смутилась, но ненадолго – теперь она думала только о надвигающемся счастье, к которому была готова прямо тут же бежать!.. Конечно, она хотела бы в момент встречи быть очень красивой и нарядной, но переодеться сейчас не собиралась – слишком долго уже она ждала этой встречи, чтобы потратить ещё хоть полчаса на ожидание, и они с Мари сразу отправились по полученному адресу.

Вскоре они были у небольшого дома, окутанного лианами с алыми цветами. Чтобы не мешать, Мари осталась у дороги, а Жанна прошла в незапертую калитку и направилась к дому. Сердце её колотилось.

У двери висел колокольчик – маленький, очень изящный, с резным рисунком по всему куполу. Его странные узоры показались на первый мимолётный и совсем не внимательный взгляд какими-то символами, которых она никогда не видела. Но это было не так – на самом деле она уже видела их, но это было очень давно: когда она ещё не умела и говорить...

Трижды тронула она его нетерпеливой рукой, и он ответил ей, прозвучав в тишине сада тоже слишком нервно. Она не собиралась уходить, но и он, отдавая свой звук, не был глухим, а настойчиво звал хозяев.

В это время те находились в гостиной. Аллен всё порывался подойти к двери, но Каре от этого звонка стало не по себе, и рвение мужа только сильнее её обеспокоило. Ей удалось задержать его – но лишь на несколько минут! Потом он всё равно оказался у входа, и ручка показалась ему огненной, когда он открывал дверь.

За ней стояла незнакомая девушка с сияющими зелёными глазами. Увидев его, она радостно улыбнулась, не зная, как начать разговор.

– Я пришла. Искала и нашла, – робко произнесла она, видя, что он молчит.

– Вы – настоящий изумруд! – ответил он, замороженный её взглядом. – Сиянье ваших глаз...

– Меня Жанна зовут, – быстро добавила она. – А ты – Аллен, правильно? Я нашла тебя. Долго так искала, думала, что это вообще невозможно... Я ведь даже не знала, как тебя зовут, где мы гуляли, на какой улице познакомились...

– Мы знакомы?

Она замерла с открытым ртом, остановившись на полуслове.

– А разве – нет? – ей было легко это спросить, но этот же вопрос ей самой показался странным. «Разве можно так шутить? – растерянно подумала она. – И разве сама я не знаю точно, что это был он? Я не могу ошибаться, у него не могут быть двойники!.. Это он прислал мне письмо, он тоже хотел встретиться, хотел найти меня...».

Её глаза вдруг увлажнились.

– Это игра такая? Ты не мог меня забыть... Ты ведь говорил, что я... А тот букет из бабочек, а фейерверк в праздник Ветреного Вечера? Неужели для тебя это всё было *просто так*?

– Жанна?... – Аллен задумался.

В жёлтом неприятном тумане памяти ему привиделись какие-то отрывки. Словно у него было прошлое – и его не было, как будто зеркало, в которое он всегда смотрелся, было разбито, и ему остались лишь осколки, в которых он не мог найти цельного изображения...

Она смотрела с надеждой. Она не понимала, как можно было её забыть, но сейчас в ней не было никакого возмущения и никакой обиды – потому что внезапно её поглотил страх. И резко вдруг стало холодно – так, будто рядом снова мелькнула чёрная Манди, так, будто рядом был враг, о котором она не знала...

За спиной Аллена послышались торопливые шаги, и через миг у свидания оказался новый свидетель – Кара.

Как только она увидела Жанну, она всё поняла. И сразу испугалась – Аллен, не отрываясь, смотрел на незваную гостью, и даже не повернулся, когда подошла она сама!

– Я – его жена. А вы кто и зачем пришли? – резко спросила она.

Глаза Жанны округлились, и, видя, что она не торопится отвечать, Кара надменно добавила:

– Вас сюда не приглашали, так что покиньте этот дом! – говоря это, она попыталась захлопнуть дверь, но не удалось – Аллен придержал её.

– Ты слишком строга, девушка ведь не сделала ничего плохого, – произнёс он, всё также не глядя на жену.

– И Аллен меня сам пригласил – он написал мне письмо, ответил на моё объявление, – вспомнила Жанна.

Он тут же хлопнул себя по лбу.

– Точно! А я думаю – что у вас за странный стиль разговора... Что-то непонятное говорите. Вот и в газете текст у вас такой необычный.

Он тут же произнёс его наизусть.

– *Голубая лошадка*... – снова повторил он. – Это ведь надо было так придумать... Я даже как будто где-то такое слышал...

Он снова потёр голову, будто пытаясь разбудить что-то, что могло бы прятаться в уголках памяти.

– Всё, хватит! – резко дёрнула его Кара. – Дорогой, мне сегодня так плохо, а вместо того, чтобы утешить меня, ты тратишь время на незнакомых людей. Прошу, пойдём в дом! У меня так болит голова...

Она ласково провела рукой по его лицу и, наконец, заставила посмотреть на себя.

– Да, ты права...

Жанна увидела мелькнувший взгляд Аллена, и ей даже показалась в нём какая-то растерянность. Потом перед ней захлопнулась дверь, и вместо глаз Аллена перед её внутренним взором застыл взгляд Кары, полный гнева.

Она медленно повернулась и пошла к дороге, где ожидала Мари. Та, увидев её осунувшееся лицо, изумилась:

– Неужели не он?!

Жанна ничего не ответила – ей нечего было сказать... Она ведь так верила ему, так верила!.. Только в кафе, когда они просидели там уже прилично и несколькими кружками огненного коктейля она попыталась залить пережитый крах мечты, она вкратце объяснила, что произошло.

Мари её рассказ, казалось, не устроил: она просила повторить его снова и снова, будто пытаясь в словах отыскать ответ на какой-то, известный лишь ей самой вопрос. Жанне же всё было ясно: женатый мужчина по какой-то причине не смог праздновать день Ветреного Вечера со своей женой и решил развлечься с молоденькой незнакомкой. Наговорил ей комплиментов, потому что как иначе... Поводил по красивым местам, погулял, а потом снова вернулся к жене... Впервые в жизни она была так сломлена! Мечтать больше было не о чем!

В этот раз она напилась так сильно, как никогда раньше, пытаясь заглушить все воспоминания этого дня, и прошедшие, связанные с *ним*, тоже.

«Я даже не буду звать его по имени, просто будет – «он»...», – в каком-то тумане думала она, но губы продолжали бессвязно шептать, противореча её же решению: «Аллен, Аллен...».

Больше она ничего не помнила – ни сейчас, ни потом.

Когда она очнулась, то поняла, что опять находится в неизвестном месте. Кровать была явно чужой, комната – тоже. Что происходило вчера, и точно ли это было *вчера*, она не помнила, да и не хотела вспоминать. Она сразу поняла, что боль от внезапной утраты мечты до сих пор с ней, и огненные напитки не помогли ничему, только добавили своего яда голове. Она была разбита, как никогда! И всё вдруг стало так безразлично, что она даже не торопилась вставать и выяснять, где находится. Ей просто стало всё равно...

Положив руку под голову, она повернулась на бок и уставилась в окно. Оно было задёрнуто плотной зелёной шторой, но её как будто это устраивало – она продолжала смотреть в одну точку, будто на этом однотонном полотне разыгрывались интересные картины, как от проектора. И она действительно видела сцены – но не из прошедшего дня, а ответы своим нынешним мыслям. Впервые так сильно не желая более находиться в этом мире, она обдумывала, как ей действительно можно отыскать проводника. Она вспомнила, что нужно просмотреть книги и, возможно, посетить библиотеку; подумала, что стоило бы походить по общественным местам, где можно встретить сведущих в магии, чтобы как-нибудь выяснить у них про возможные проходы и перемещения; решила, что нужно попробовать ещё раз обыскать весь дом и, если получится, – призрачную пристройку, потому что теперь, имея уже некоторое представление об этом мире и его магии, она не сомневалась в существовании этой пристройки, пусть и в другом пространстве...

От этих мыслей её отвлек осторожный шорох – кто-то открыл дверь. Видимо, её боялись разбудить, потому что к комнате подошли так тихо, что она даже не слышала шагов. Медленно повернувшись, она увидела Мари.

– Ты как? – спросила та мягко, и Жанна сглотнула подступивший к горлу ком.

– Нормально. Значит, я у тебя? Здесь уютно.

– Можешь оставаться, сколько хочешь...

– Но у меня есть мой дом. И я должна вернуться в него, мне нужно искать часы, – ответила она, даже не задумавшись, будто это решение чётко ждало своего выполнения и изменению не подлежало.

Мари понимающе улыбнулась. Она не собиралась ни уговаривать Жанну, ни даже утешать. Её все ещё интересовал рассказ о вчерашнем свидании, но тревожить её воспоминаниями она больше не стала и, проведив до калитки, просто убедилась, что та благополучно вернулась к своему дому. Заметив, что свечение на его крыше стало теперь красным, Мари подумалось даже, что дело во вчерашнем дне. Но что должна была ощутить Жанна, чтобы энергия так всколыхнулась, Мари не знала...

Вернувшись в свой дом, она переделалась для выхода, и вскоре снова была на улице. Вызвав возницу, она переместилась к дому одной из своих знакомых – Альбины.

Та ждала её в давно оговорённое время. Запись к такому мастеру велась за целый месяц, и это было неудивительно: не каждый специалист сферы красоты мог создавать такие шедевры на ногтях, как Альбина! Её нарисованные цветы, казалось, шевелились от любого порыва ветра; внутри рисунка появлялись капли воды, когда пальцы хозяйки окунались в воду, и потом не сразу, а медленно и степенно высыхали, как настоящая роса. Необычные птицы раскрывали крылья, показывая весь спектр безумно цветастых перьев, а все вместе ногти складывались в целые пейзажи и иногда – даже в картины причудливых миров, которые никто и никогда не видел.

– Ты сегодня хороша, – с удовольствием отметила Альбина, пропуская Мари в гостиную, где стоял столик с принадлежностями для маникюра.

– Здоровое питание и прогулки, – не замедлила та ответить.

Альбина тонко усмехнулась, понимая, что это только слова, – ей и не нужно было ничего объяснять: она отлично знала, что Мари не любит заполнять воздух рассказами о том, что и почему она делает и как живёт. Всё оттого, что даже произнесённые слова могли быть схвачены не тем, кому они адресованы, – тёмный ветер, иногда незаметно присутствующий рядом, забирает фразы и буквы, складывая из них свои смыслы, передаёт тем, кто готов использовать информацию во зло... И Мари не желала говорить о той магии, что украшала её саму, вне родного дома – там, где на своей территории была защищена родовой силой.

– Но ты чем-то озабочена?

Она вздохнула.

– Ничто не укроется от твоего пронизательного взора!

Альбина не ответила. Молча, осторожно наносила она на ногти слой за слоем цветные линии, и Мари не стала продолжать, ожидая, когда момент будет подходящим. Она прекрасно ощущала – если сама начнёт просить тайного мага о помощи, вряд ли получит ответ. Она ждала, и вскоре её терпение было вознаграждено: закончив с одной рукой, мастер взялась за вторую, и, наконец, произнесла:

– Ты найдёшь решение.

Та замерла, надеясь на продолжение, но его всё не было. Тогда она рискнула добавить:

– Помощь нужна моей подруге, и не думаю, что у меня есть силы ей помочь. Я сама слишком мало знаю...

– Ей не нужна помощь. Твоей *поддержки* ей достаточно. А её заботы – это не её заботы. Это проблемы другой женщины и мужчины, – не отрываясь от работы, отметила Альбина.

– Другой?... А она – брюнетка?

– Рыжая.

Мари задумалась – на её памяти рыжих знакомых у Жанны в этом мире не было.

– А что мужчина? – поняв, что пауза затянулась, поторопилась она уточнить.

– Он во власти чар.

Мари от неожиданности так дёрнулась, что из пальцев мастера прямо на её руку вылетел флакончик с краской. По безымянному пальцу растекался красный огонь.

– Ты ведь и сама это подозревала, – спокойно усмехнулась Альбина, приподнимая её руку и рассматривая испорченную работу.

– Мне так жаль!..

– Конечно, ты дополнительно заплатишь, но ведь это того стоит, да? – заметила та, всё ещё всматриваясь в рисунок. – Ты же хотела узнать ответ? Вот он, на твоей руке!

Она повернула к ней её ладонь, по которой стекала краска, образуя непонятный рисунок.

– Это туман? – всмотрелась Мари в странные контуры.

– Читать символы трудно, но учитывая все знаки и то, что я вижу, это туман забвения, наложенный на мужчину из-за любви. Видишь, это безымянный палец... – его хотели обручить и для этого наложили заклятие.

– А как его снять?

Альбина подняла на неё удивлённый взгляд. Конечно, с высоты её возраста ей был удивителен вопрос молоденькой девушки, ведь для неё самой всё было так очевидно!

– Ты знаешь ответ, он перед твоими глазами, – терпеливо указала она.

Та ещё раз посмотрела на руку, с которой Альбина вытирала краску.

– Кровь... – тихо произнесла она.

– Кровь той, которая любит, если она сильна.

– И память вернётся?

– Вернётся. А что будет дальше – знает только судьба! Заклятием можно усыпить, можно разбудить... Но никто не властен над душами, и если он не любит её – он вспомнит и об этом.

– Главное, что будет помнить!

Та молчала, и Мари поняла, что в этот раз маг больше ничем ей не поможет. «Ну ничего, главное она сказала», – порадовалась она. На самом деле она и вовсе не надеялась узнать хоть что-нибудь, ведь Альбина не занималась предсказаниями. Мало кто знал, что её видения в своё время многим помогли, но это было в другой её жизни, когда её звали Роксая, что на языке её народа означало *рассвет*. С тех пор минуло много лет, и теперь она не столь открыто дарила свет своих знаний, как раньше, – слишком много бед ей самой пришлось узнать из-за своего дара...

– Вот, пожалуй, и всё!

Мастер последний раз провела ладонью над обеими руками Мари, и ногти с готовым узором ярко заблестели на свету.

Та согнула пальцы, чтобы оценить работу, и, не удержавшись, воскликнула:

– Потрясающе!..

Правда, она тут же замолчала, поняв, что главный подарок мастер оставила ей напоследок: сквозь переливчатые золотые, подстать цвету волос Мари, тонкие линии, изображённые так искусно, будто это струились нити настоящего горячего металла, она прочла ответ, который так жаждала найти! Слово: «Волосы...», – замерло на её губах, так и не зазвучав в пространстве.

Альбина молча вытирала кисти.

– Благодарю! – Мари положила деньги в деревянную кубышку, по обыкновению поставленную рядом, и направилась к выходу.

– Кто ищет, всегда находит... – кивнула та, закрывая за ней дверь. – Если ищет, там где нужно!

«Если ищет там, где нужно...», – мысленно повторила её слова Мари, шагая обратно к дороге. Она уже не так радовалась тому, что сумела узнать, почему Аллен не вспомнил Жанну. Она понимала, что теперь той придётся бороться... «А стоит ли говорить ей, молодой, наивной девушке из другого мира, почему тот, кого она полюбила, сейчас не с ней? Стоит ли беречь раны и начинать борьбу?.. Вдруг, если Жанне не сказать про заклятие на Аллене, она потом просто забудет его и будет жить спокойно, не думая о нём, не вспоминая об этом прошлом, как о разочаровании?.. Что, если так будет легче всем? – той женщине, которая столь сильно полюбила Аллена, что решилась прочесть над ним заклинание; ему самому, ведь сейчас он вряд ли мучается сознанием того, что рядом нет любимой; Жанне, которая теперь уверена, что ей незачем думать о любви, а значит, она не будет потом и страдать... И мне самой, – хмуро подумала она, – ведь тогда не придётся ввязываться в эту битву, а между магами-то она сложнее, чем обычная; и так никогда нельзя быть уверенным, что кто-то из них сейчас не смотрит в твою сторону, в твою...».

Она резко обернулась – внезапно ей показалось, что за спиной уже кто-то стоит. Но там никого не было. Она глубоко вздохнула – все эти мысли, что толпились в голове... поиски ответа, как поступить... – были ни к чему, потому что она и так прекрасно знала, что всё расскажет Жанне! Каков смысл искать информацию, пытаюсь помочь, а потом отступить? Каков смысл сдаваться только потому, что боишься?.. Страх всегда будет – даже когда от него избавишься, он всё равно найдёт причину заставить тебя дрожать и сомневаться, бояться краха и потерь. Так не лучше ли наступить ему на глотку и сказать: «Это я решаю!»? А там – будь, что будет!

Вздохнув ещё раз, она вызвала воздушную колесницу. Возница приехал неторопливо, очевидно, ощущая, что пассажир не слишком его ждёт. И это действительно было так – она хотела ещё немного постоять на улице, чтобы привести мысли в порядок. А что может сделать это лучше простора и отсутствия людей.

Глава 13

«Я тоже тебя люблю... так сильно, что никто и никогда...», – в последний раз прошептала Жанна во сне и, резко проснувшись, открыла глаза.

В комнате всё ещё было темно – как в её надломленной обманутой душе. Она замерла, глядя в пустоту, и задумалась. Ей вдруг вспомнились *те* люди, из прошлой жизни, из *того* мира – коллеги, Федя... Никто из них, сколько бы ни было между ними споров или случайных ссор и склок, никогда не оставлял в ней такой раны, как всего лишь один человек в этом мире. Было ли это чем-то большим, чем простая надежда увидеть того, кто говорил тебе комплименты, кто убедил тебя, что готов тобой восхищаться?.. Была ли это только сломленная вера в то, что нашёлся человек, который безо всяких требований к тебе самому готов смотреть на тебя, как на солнце?.. Она ничего этого не знала, потому что никогда раньше не ощущала подобного ни к одному человеку – не только ядовитую ревность от того, что он сейчас с другой, но и странную, непонятную, отвратительно настырную боль из-за того, что его даже просто нет рядом.

– Я тебя не люблю! – категорично, громко произнесла она, но пространство, очевидно, не поверило: слова, звонко прозвучав в стенах комнаты, ещё раз гулко ударились о подоконник и только потом испарились за окном.

Но Жанна сдаваться не собиралась – теперь, когда её так сильно ударили, ей показалось, что терять больше нечего, и, значит, она может вести себя так, как захочет. Больше ей никто не указ! Она не будет делать вид, что спокойна; не будет кроткой, хотя так старалась, чтобы друг Жан её похвалил, когда увидит, чему она научилась; не будет... Ничего, что ей не захочется, больше не будет!.. Она откинула бордовое одеяло и поднялась.

Вокруг всё ещё было темно, но даже без взгляда на часы она чувствовала, что близится утро. Она привела себя в порядок и спустилась в библиотеку. Там взяла одну из ранее отложенных книг – тех самых, что, казалось, могли рассказать что-нибудь о перемещениях в другие пространства; зашла с ней в кухню, сделала пару бутербродов и уложила всё на металлический поднос с серебряными ручками.

В гостиной она забралась с ногами в уютное кресло у окна и погрузилась в чтение, иногда прерывая его глотком утреннего чая.

Книга не была очень интересной, но поучительной – да. В ней говорилось о том, что нельзя заходить в миры, чьих законов ты не знаешь, потому что можно стать изгоем. Но самым страшным было иное – то, что тебя могут ещё и уничтожить, раз ты другой... «*Другие* не нужны никому. Они могут спокойно жить только среди *своих* – таких же, как они сами. Только среди своих они *не другие*...».

«Где я другая, а где – нет?», – задумалась Жанна и снова вспомнила свой прежний мир. Такая же, как все, и всё равно среди них всех – тоже другая... Ни подруги, ни друга, которые понимали бы точно, что она за человек, что творится внутри неё, чем она на самом деле живёт и чего хочет от этого мира. «От *того* мира...», – поправила она сама себя.

«А Мари? – она ведь *не другая* в этом мире... И для меня она тоже не другая, а словно своя. Она как будто меня понимает, и мне её слова всегда ясны, будто она говорит именно то, что я могу понять и что мне интересно, но что раньше просто неоткуда было узнать...».

В глаза ей внезапно ударил свет – за отодвинутой шторой засверкало солнце, которое, наконец, появилось за горизонтом, чтобы осветить этот день.

Тут она от неожиданности захлопнула книгу, задержав на прочитанной странице палец. Всё потому, что за окном, там, где высилось мощное дерево, которое она успела полюбить, она заметила нечто странное: мягкий свет солнца, преломившись и упав на него сбоку, создал необычный рисунок, мягко светящийся контур...

«Дверь!», – недолго думая, Жанна подложила под прочитанную страницу облизанную ложку из-под чая и пошла во двор. Она поняла одно: если раньше, глядя на бук, она не видела ничего подобного, то дело или в нынешнем дне, или в конкретном времени. А значит, терять момент нельзя – вдруг она больше не застанет такой картины и всегда будет жалеть, что не успела проверить, что там? Пусть это была бы даже просто иллюзия двери, или рисунок волшебным мелом, который виден только под определённым углом, но она должна была знать это наверняка!..

Подойдя ближе, она поняла, что ошибки быть не может – это была самая настоящая дверь, хотя и выглядела, как цельная часть дерева, как его кора. Потянув за нарост, как нарочно торчащий прямо посередине контура, она отворила её и, чуть помедлив, размышляя, стоит ли заходить внутрь, в темноту необычного места, сделала первый шаг.

Перед глазами оказалась густая тьма, за спиной негромко скрипнула начавшая закрываться дверь...

Жанна сделала глубокий вдох и подумала, что здесь тоже должен быть свет, иначе бессмысленно создавать отдельное помещение, которым невозможно пользоваться. По привычке она протянула руку к деревянной стене и действительно нащупала выключатель. Сначала он не хотел нажиматься, но вскоре нехотя сдался, и вверху с негромким шипением разгорелся шар света. Он был тускловат, но вполне позволял осмотреться. Правда, ей вдруг стало так тоскливо, что она тут же устало присела на старый бочонок, покрытый тканью и, очевидно, поставленный тут в своё время как раз в качестве стула.

Ей стало очень грустно – понимать, что не с кем поделиться своими мыслями, что даже эту находку – это место, ей приходится осматривать самой и не с кем разделить радость открытия... А если бы она жила здесь с детства?.. Может, это было бы её укромным местечком, где она прятала бы самые важные вещи и куда водила бы друзей?.. Может, тут она пряталась бы сама, когда обижалась бы на родных или боялась, что накажут за какую-нибудь провинность?.. Сейчас она даже с завистью думала о том, что могла бы получить и нагоняй, ведь он был бы от родных людей, от родственников, которые всегда были бы рядом!..

Но – ничего... И никогда уже не будет. Одна, без детства, которое могло бы быть, с осколками памяти, в которой изредка понемногу просыпались старые, слишком далёкие и непонятные воспоминания. Их никогда не собрать воедино, не создать цельного мира из их кусков, никогда!..

Холодные слёзы текли по щекам. В груди что-то трепетало и рвалось, словно сама она знала это место, но не могла вспомнить. И это было больно – ощущать то, что из тебя будто вырвали кусок и заставили забыть. А теперь ты о нём знаешь, и оттого дышать сейчас так мучительно!..

Очнувшись от странно горьких мыслей о своей судьбе, она подняла голову и вспомнила, что всё ещё сидит в древесной комнате. Вздохнув, она поднялась и поняла, что, одна не одна, а осматриваться всё равно придётся, и, чуть прищурившись, медленно обвела пытливым взглядом комнату.

Вокруг лежало много мелких предметов. Игрушки, целые и не очень; щепки и высохшие листья, собранные, видимо, для игры; карандаши и листы бумаги... Были и другие предметы, и даже немного странные для подобного места: ворох веток, сложенных в углу будто для костра; один из тех старинных столов, за которыми взрослые длинными вечерами играют в настольные игры; несколько старых, но вполне ещё презентабельных зонтов в запыленном углу...

«А откуда здесь пыль?», – попробовала поразмышлять Жанна, но ответа не нашлось как на этот вопрос, так и на другой: каким образом столько всего уместилось в одном дупле?!..

Осмотревшись и потрогав предметы, она пришла к окончательному выводу, что это – обычная комната с обычными предметами. Даже бочонок с накидкой был набит всякой всячиной, из которой она ничем не могла бы воспользоваться. Но всё равно тут было так уютно, что уходить не хотелось, и она ещё раз неторопливо огляделась.

На стене напротив был прорисован, – похоже, мелом, – контур окна, за которым вполне ожидаемо можно было рассмотреть дерево. Весьма красноречиво выпирала тут и самая настоящая ручка, будто приглашая открыть его, но Жанна даже не улыбнулась. «Странные люди!», – подумала она и снова вздохнула: она бы очень хотела сказать то же

самое, но только вслух – своим родственникам, даже если б они заругали за такие слова! Но сказать было некому.

Она подняла с пола куклу – милое личико, обрамлённое золотыми волнистыми волосами. В руках та держала небольшого тёмно-зелёного дракона с рыжим хвостом. Она выглядела так спокойно и так крепко сжимала любимца, что Жанне даже захотелось такой же безмятежности и уверенности!.. Страхнув с золотистого платица пыль и прижав куклу к себе, она открыла дверь. Впереди не было ничего нового – перед ней оказался двор её дома, и она облегчённо усмехнулась: всё-таки она опасалась, что снова окажется в каком-нибудь чужом месте, откуда не сможет сразу выбраться...

Выключив свет, она закрыла за собой дверь, и та тут же слилась с корой. Солнце было высоко над головой, и ничто не указывало бы уже на наличие двери, если бы не небольшой нарост, который, – Жанна теперь знала, – на самом деле был ручкой у входа в комнату, тоже принадлежащую ей.

Вернувшись в дом, она снова взялась за книгу и до вечера больше не отрывалась, даже чтобы поесть. Только когда у двери раздался звон колокольчика, она закрыла книгу и поднялась.

За дверью стояла Мари, чем-то явно довольная. В руках её была маленькая корзинка со свежее испечёнными кексами с зёрнами подсолнечника, которые она любила, как говорила, «за близость к солнцу». Жанна провела её в гостиную, а сама зашла в кухню, чтобы приготовить свежий чай. Мари ожидала её нетерпеливо, и, как только та принесла поднос с чашками и, усевшись у пустого камина, они взяли по кружке чаю, она, наконец, поспешила начать свой рассказ:

– Я встретила давнюю знакомую. Просто так вдруг столкнулись на улице... Даже её не узнала! – она сама подошла ко мне, напомнила, что её зовут Танора... Правда, я и теперь не могу вспомнить, что когда-то была знакома с какой-то Танорой, но неудивительно: столько лет прошло! – она говорит, это давно было, в детстве. И, видишь как, – она меня запомнила, узнала... А мне, представляешь, и сейчас сложно припомнить её лицо!.. – задумалась на миг Мари об этой странности, но тут же вспомнила, для чего вообще затеяла этот разговор с Жанной и, замаявшись, исподтишка посмотрела на неё. – Разговорились мы с ней, и она рассказала мне старую историю, которая случилась у знакомых её друзей много лет назад: одна девочка с помощью магии лишила мальчика памяти – ей хотелось, чтобы он забыл других и любил только её. Танора даже рассказала, из чего там могло состоять зелье, прям повезло...

Жанна нервно сжала руки. Она совершенно не понимала, зачем Мари ей об этом говорит, но так горько было снова слышать о несчастной любви!..

– Это грустно, – только и смогла она ответить, отрешённо повернув голову к окну, но Мари резко хлопнула по столу, привлекая её внимание.

– А ещё я посоветовалась со знающими людьми, и они говорят, что твой Аллен тоже находится под действием заклятия!

Жанна резко обернулась и, не мигая, уставилась на неё.

– Этого не может быть, – её голос был немного глух, но она твёрдо повторила эти слова ещё раз.

– Потому что в твоём мире не было магии? – осторожно уточнила та, видя, что разговор оказывается тяжелее, чем она ожидала.

– Потому что это немыслимо! – заставляя другого человека поступать так, как хочется тебе самому. Это... немыслимо! Жестоко... – задыхаясь, подбирала Жанна слова, не отводя от подруги застывшего и очень странного взгляда – такого, будто в ней началась борьба первого неверия с постепенно нарастающим гневом.

– Если желание сильное... Я говорила тебе – все используют свои способности так, как им самим хочется...

Жанна так подскочила, что задела столик с подносом. Чашки зазвенели, из опрокинутого чайника на пол потекла вода.

– Ты хочешь сказать, что он... что он... Что это *не он* забыл меня? Что он не посмеялся надо мной?

Её взгляд, направленный на Мари, был до странности резок и сосредоточен. И та даже вдруг почувствовала, как её саму словно начали жечь красные угольки, выскочившие из пламени в камине. Но там было пусто.

– Видимо, нет. Возможно, он и мог бы забыть тебя сам потом, с течением времени... А пока что его заставили забыть тебя колдовством.

Жанна не ответила, и Мари подумалось, что она сейчас мечтает о жестокой мести. Как вдруг та выдохнула:

– Аллен...

Внезапно ей стало так легко оттого, что она снова может произнести его имя, – ведь он её не предавал! И она даже ощутила свою вину в том, что могла так плохо о нём подумать, когда он просто нуждался в помощи.

– Это значит, что его можно вернуть?

– Если узнаем, кто наложил заклятье...

– Его жена?

– Сложно сказать наверняка. Может, это кто-то другой, а он, забыв тебя, женился на ней?

– Что же тогда делать?

– Не терять надежды, – пристально посмотрела на неё Мари. – Ты ведь будешь... бороться за него?

Жанна молчала. Она внезапно поняла, что Мари имеет в виду: ввязаться в борьбу с тем, чего она сама толком не знает; бороться с человеком, который умеет в этом мире гораздо больше, чем она... Или – потерять Аллена навсегда. А если так случится, что она будет проживать здесь, недалеко от него, не сумев вернуться в свой настоящий мир, он всё равно будет жить своей отдельной жизнью и останется для неё лишь воспоминанием...

Она подняла голову, и в глазах её мелькнул какой-то блеск.

– Конечно.

Мари всмотрелась в этот взгляд и удовлетворённо кивнула, увидев решимость, которую тщетно искала в нём раньше.

– Тогда за это стоит выпить что-нибудь, покрепче чая?

«За пробуждение твоей силы, которой ты всё-таки решилась воспользоваться!», – мысленно добавила она, пристальным взглядом провожая Жанну, отправившуюся на кухню за огненным напитком.

В дверь снова позвонили. «Это может быть только Жан», – мелькнуло в голове Жанны, но она тут же забыла о нём, думая лишь об Аллене. Включив свет у входа в погреб, она спустилась вниз, чтобы принести бутылку напитка, и не видела того, кому Мари открыла дверь. А гостем оказалась Кара.

– Вам кого? – спросила Мари, увидев незнакомку.

– Мне нужно поговорить с Жанной, – ответила та сквозь зубы. У неё сейчас не было настроения для вежливой беседы, но, видя, что дверь открыла не хозяйка, ей пришлось сдерживать kloкочущий гнев.

Мари впустила её и оставила в гостиной, а сама отправилась на кухню. Он не спешила, пытаясь по пути решить, как сообщить подруге, что нужно бы опасаться гостей? –

Альбина предупреждала, что колдовала рыжая, а теперь *рыжая* как раз ждала в гостинной...

Жанна вышла из погреба, держа в руках бутылку с огненно-красной жидкостью, и очень удивилась, увидев на кухне Мари.

– Не дождалась?

– Там к тебе пришли. И это не Жан... – начала та, но продолжить ей не удалось: Жанна тут же оставила бутылку на столе и кинулась в гостиную с одной мыслью: «Больше некому... Там Аллен!».

Мари поспешила за ней, но то, что произошло дальше, она предвидеть не могла: увидев Кару, Жанна резко остановилась.

– Если ты ещё раз посмеешь сунуться в мой дом, если ещё раз окажешься рядом с *моим* мужем... – в бешенстве начала Кара, увидев, наконец, противницу, но та не стала ждать продолжения: она просто кинулась на обидчицу, чтобы кулаками выместить на ней свою собственную боль.

Они вцепились друг другу в волосы, размахивали руками и кричали. Мари не вмешивалась, понимая, что им нужно хоть немного высказаться, но когда потасовка затянулась, она вытянула руки вперёд, – появилась вспышка и что-то откинуло спорщиц в разные стороны.

– Довольно! Вы всё сказали, уходите из этого дома! – добавила она строго, глядя на Кару, поправляющую потрёпанные волосы.

– Да, я всё сказала! – ещё раз окинув Жанну ненавидящим взглядом, та покинула комнату, и через пару секунд раздался звук хлопнувшей парадной двери.

– Вот ведь хамство какое, да?! – громко воскликнула Жанна, наконец, придя в себя от возмущения, но Мари, не собираясь подливать масла в огонь, лишь подошла ближе.

– Покажи-ка свои руки, только осторожно... Ты ведь крепко держала её за волосы?

Жанна недоуменно опустила взгляд на ладони – меж пальцев было несколько рыжих волосков.

– Да и этого мало! Нужно было всю голову ободрать!..

– Не кипятись! Ты хорошо сделала, что они сейчас у нас, – теперь можно и зелье приготовить... Дадим его выпить Аллену и, возможно, память к нему вернётся, если, конечно, колдовала она, – пояснила Мари и, вытащив лист из тетради, лежащей на каминной полке, завернула края, как конверт. – Положи сюда.

– Мало, – с сожалением отметила Жанна, оттряхнув ладони.

– Достаточно. Но, пожалуй, ты права – лучше соберём все, что есть в комнате!

Закрыв глаза, она сосредоточилась, и вскоре ещё несколько волосков поднялось с полу и прилетело в бумажный конверт. А Мари вдруг нахмурилась.

– Что-то не так? Ничего не получится? – с тревогой уточнила Жанна – теперь она боялась каждой мелочи, которая могла неожиданно всё испортить! Но та, не отвечая, направилась к окну и склонилась у подоконника.

– А, это часы. Странные такие... Холодные, – зачем-то добавила Жанна, тоже подойдя ближе.

Перед ними лежали необычные часы – те самые, к которым когда-то подходил и Жан.

– Знаешь, а ведь это шпион, – спокойно сказала Мари, осторожно проведя над ними рукой.

– Шпион? – изумилась Жанна и тоже наклонилась, чтобы всмотреться получше. – Зачем?

– Видимо, за тобой следить. Похоже, жена твоего Аллена постаралась, когда я выходила... Но не ломай их, я выгоню шпиона! – быстро добавила она, видя, как резко та их схватила.

Жанна снова осторожно положила часы на место, и Мари, задержав над ними ладонь, сосредоточилась. Раздалось шипение и щелчки, как будто по стрелкам пробежали разряды молний. Потом всё затихло, но она не торопилась убирать руку, и вскоре ещё раз что-то затрещало.

– Стекло треснуло... – тихо отметила Жанна.

– Да, жаль... – прищурившись, Мари ещё раз мысленным взором пробежалась по остановившимся стрелкам. – Не очень получилось сохранить, зато шпиона больше нет...

– Спасибо, – кивнула Жанна и осторожно взяла часы в руки.

Ей вдруг стало так жаль их, так жаль... Будто они много для неё значили, или могли бы значить, поживи она тут дольше!.. Конечно, она не могла знать, что они действительно значили много – но не для неё, а для другого человека, того, который сейчас, нахмурившись, стоял у окна в своей гостиной и глядел в глубокую даль...

Он не любил смотреть в небо, по крайней мере, когда там не было туч. В грозные тёмные кручи можно всматриваться, искать взглядом молнии или ощущать эту мощь, окунаясь своей силой прямо в гущу скопленных энергий... А в пустом небе его взгляду было нечего делать!

Тем не менее отчего-то Жан стоял теперь здесь, у окна, и молча смотрел в голубую даль. Это было так непохоже на него, что Манди не сразу решилась оторвать его от этого занятия. Но время шло, а он не двигался, так сильно задумавшись о чём-то своём, что она не выдержала.

– Что с тобой?

– Она нашла шпиона. И мои любимые часы разрушены. Теперь докладывать некому...

– Нужно приставить другого? – она подошла ближе, чтобы не упустить ни малейшего изменения в его взгляде.

– Бессмысленно и уже опасно. Боюсь, время подошло...

Глаза Манди сузились. Она поняла, о каком времени идёт речь, но её напугало слово, сказанное им: «Боюсь...», будто он не желал приближения долгожданного момента...

– И что надо делать? – осторожно уточнила она, но он молчал.

Через пару минут она попробовала снова с ним заговорить:

– Что ты ищешь за окном?

Он странно усмехнулся.

– Сам не знаю... Небо.

Почувствовав, что Манди начинает тревожиться, он заставил себя отвернуться от окна и посмотреть на неё. Взгляд его снова потемнел.

– Скоро сила будет у нас.

Она пристально взглянула в ответ, и на лице её мелькнула улыбка, которую можно было бы назвать красивой, если бы в ней не было столько яда и скрываемой ненависти.

Глава 14

Жанна беспокойно спала. В последнее время ей не везло со снами – то не снилось ничего, то снился какой-то тёмный угол. Она заходила туда, в темноту. Было неприятно, но что-то тянуло осмотреться... Перед ней оказывались полки, тёмные, кое-где пыльные, будто к ним очень давно не прикасались ничьи пальцы. А ей хотелось только одного – протянуть руку туда, поглубже, в дальний ряд книг на второй полке сверху. И она протягивала её, немного страшась, а потом сразу же просыпалась! И только в голове что-то продолжало негромко стучать, как в продолжение сна...

Она открыла глаза и тяжело вздохнула. Поиски будильника ничего не дали, но она давно оставила их – с тех самых пор, как ей здесь понравилось. Она не стремилась уже найти его – с тех самых пор, как поняла, что влюбилась. И сейчас перед ней стояла ещё более сложная задача – вернуть того, кто никогда и не принадлежал ей, но мог бы, если бы не вмешательство другого человека.

«Можно ли жить, не задевая кого-то другого? Чтобы твоя жизнь ни одним краем, ни одним углом не касалась жизни иного человека? Жить так, чтобы все остальные только радовались, что ты существуешь на этой земле?», – вдруг подумала она, не торопясь вставать.

Она опять закрыла глаза, будто желая в этой тишине и мраке, что оказался перед ней, услышать ответ. Но его не было, и, снова тяжело вздохнув, она поднялась. Каждый новый день в этом мире становился для неё, казалось, всё интереснее, но и всё сложнее – будто день за днём ей на шею набрасывали петлю за петлей, чтобы потом в один момент стянуть все разом, – так она ощущала. Ей оставалось только отбросить прошлую наивность и детскую веру в людей, с которой она жила в своём настоящем, первом мире, и попытаться разобраться с этими нитями, что всё сильнее окутывали её...

Она надеялась сегодня поговорить о многом с Мари, но, как ни странно, та идти к ней не торопилась. Напрасно прождав до обеда, несколько раз выйдя во двор, чтобы посмотреть, не помашет ли она рукой из своего окна, Жанна уже перестала надеяться на приход подруги. Зайти к ней сама она так и не решилась, уверенная, что та занята чем-нибудь важным, и потому, наскоро перекусив тем, что осталось с вечера, в одиночестве отправилась в свою библиотеку.

Выбрав самый тёмный угол за всеми шкафами, у дальней стены, она села за стол, и над головой и у столешницы зажглись светящиеся сферы. Открыв недочитанную литературу о том, как важно для перемещений понимать суть собственной магии, она уткнулась в страницы тесно напечатанного текста. Здесь была информация об энергиях, способных переносить магов в другие миры, и о том, что не все люди могут ими воспользоваться. Кроме того, она прочла, что бывает несколько видов пространства даже в одном и том же, казалось бы, месте, и что некоторые люди в силу своих особенностей могут видеть тех, кто в них обитает. «Наверное, это те, кто видит лошадей в упряжке воздушных колесниц», – подытожила Жанна, ещё раз с досадой подумав о том, что сама никогда бы и не узнала об этой упряжи, если б об этом не рассказала Мари. Тут же отвлекшись от чтения, она снова задумалась о том, почему же подруга до сих пор не навестила её, и чем это она сейчас занята. С небольшой завистью подумалось ей, что занятие Мари намного интереснее, чем чтение сложных, непонятных книг! Впрочем, тут Жанна была права –

нового Мари сейчас ничего не изучала: она целый день размышляла о том, какое зелье нужно готовить для Аллена...

Прошло уже немало времени, когда, разложив всевозможные ингредиенты на большом каменном столе, стоящем в отдельной комнате её дома, она чертила на листе бумаги предполагаемые варианты соединения растений и каменной пыли, чтобы создать целебный раствор, способный вернуть память независимо от того, какие ингредиенты были задействованы в зелье, принесшем проблему... Как вдруг в её окно постучали.

Обычный человек никак не мог произвести подобный звук, ведь находилась она сейчас на втором этаже, и лестницы, ведущей с улицы к окну, не было, потому она резко выскочила из-за стола и спряталась за шкафом, и только после этого немного высунулась, чтобы оглядеться. Конечно, это могло бы показаться ребячеством, но она прекрасно помнила истории о том, как много раньше погибало людей, не уделявших должного внимания своей безопасности и без оглядки подходивших к незащищённым окнам!

Напряжённым взором всё осмотрев, она облегчённо выдохнула: очевидно, пытающийся проникнуть через закрытые стёкла бумажный конверт, хоть и являлся источником незваного шума, нанести собой особого вреда не мог!

«Если только страницы внутри не отравлены...», – ответила она себе на следующую мысль и, не теряя бдительности, осторожно отворила окно. Конверт тут же влетел внутрь и, не опускаясь на стол, остался кружить в воздухе перед глазами хозяйки. Она взяла его, и только тогда он затих, будто ощутив, что выполнил задание. «Интересно... – оценивающе осмотрела она его. – Он не почтовый... Просто сложенный лист, и искал он именно меня, потому и не влетел в открытое окно на первом этаже. Значит, доставка лично в руки, но зачем?...».

Адресов, штампа не было – отправителем явно был кто-то неизвестный... Мари оперлась на каменный стол и закрыла глаза, держа самодельный конверт в руках. Она ждала, когда в её сознании поплывут тёмные образы – чёрные облака, туман или жёлтый дым, или в голове появится боль... Но ничего этого не было; письмо было чисто от тьмы, и она, наконец, раскрыла его. А увиденное внутри вдруг так её заинтриговало, что она тут же снова подбежала к окну, чтобы быстрее распахнуть его и, высунувшись наружу, попытаться кого-нибудь разглядеть. Не увидев никого ни во дворе, ни на улице, она спешно спрятала письмо в карман и спустилась вниз.

Пройдясь по двору и убедившись, что признаков присутствия чужого человека здесь нет, она выглянула и за калитку. Там тоже не было ничего интересного, и она вернулась в дом, к каменному столу.

Бережно отогнув края конверта, она всмотрелась в два небольших, высушенных тёмно-зелёных листа с грубыми жёсткими прожилками. На бумаге под ними рыжими рваными линиями было написано только одно слово: «Карикут». Конечно, Мари помнила, что так называлось растение, с помощью которого можно было одурманить любого, но никогда ранее никто из её знакомых не упоминал, даже в качестве хвастовства, что видел его ближе, чем на книжной странице, – оно было слишком редким и в этих краях не произрастало; добыть его можно было только в далёких лесах, откуда мало кто возвращался. Если только на чёрном рынке...

«Как оно могло оказаться у этой рыжей?», – задумалась она, догадавшись, что кто-то неизвестный знает о том, что она пытается создать зелье против колдовства Кары. «Возможно, он знает и её саму... И если я поняла всё верно, *это* мне сейчас поможет», – решила она, рассматривая рисунок жёстких прожилок. Ей не нужно было объяснять, что это такое – она хорошо разбиралась в травах и прекрасно помнила обучающие фотоснимки. Это были драгоценные листья – не того растения, чьё название было

отмечено рыжими линиями, а другого редкого кустарника. «Заветный луч» – такое название получили они в народе за свою силу, способную противостоять большинству из известных дурманящих растений, в том числе и действию горьких корней карикута. Но и эти листья достать было практически невозможно, так что загадка оставалась загадкой, кто и почему прислал их именно ей.

«Вероятно, он что-то знает и обо мне самой, иначе не был бы так уверен, что я их определю...», – ещё крепче задумалась Мари. Но ничто не могло приоткрыть ей завесу этой тайны, и, отложив на время поиски ответа, она принялась за изготовление зелья, которое должно было вернуть всё на свои круги.

Правда, если бы она всё же ещё раз подбежала бы теперь к окну, то, возможно, успела бы заметить в воздухе небольшое колыхание. Так маг, который только что был невидим, менял своё положение в пространстве, больше не имея нужды стоять на улице у забора и наблюдать за окнами второго этажа, и перемещался к себе домой. И человеком этим была Танора.

Ещё недавно она не собиралась более ничем помогать Мари – она и так достаточно сделала, когда специально столкнулась с ней на улице и, представившись знакомой из прошлого, рассказала некую занятную историю, способную навести на определённые мысли. Далее Жанна, или её подруга, должна была сделать всё сама...

Но потом её посетила Кара. После визита к Жанне она была в такой ярости, что не могла отправиться сразу же к себе домой – ей надо было успокоиться, и для этого нужна была подруга. Весь вечер она провела у неё, снова и снова в красках расписывая всё, что произошло.

Танора слушала внимательно, не перебивая. Она прекрасно знала историю любви Кары. Даже видела и Жанну – в тот раз, когда Кара, отравившись, удержала Аллена при себе и не дала ему пойти на назначенную встречу, Танора сама отправилась в указанное место. Тогда она долго следила за незнакомой девушкой, терпеливо ожидающей Аллена. Но Каре об этом знать было необязательно...

– Вцепилась мне в волосы, представляешь?! Посмотри, даже пара синяков осталась, – Кара показала ей руки, на которых действительно было несколько пятен.

– А муж твой? – уточнила та.

– А что он? – не поняла Кара.

– Ты довольна, счастлива?

Она замолкла. Раньше Танора, казалось, не задавала пустых вопросов – просто, чтобы поговорить... «К чему она клонит?», – подумала Кара, но вслух произнесла:

– Я счастлива, хотя...

– Что? – та даже не смотрела на неё, вперив жёсткий взгляд в чёрную столешницу, так, будто её не интересовал ответ. Или словно она просматривала будущее...

– Хотя я хотела бы, чтобы он *больше* любил меня, – нехотя ответила Кара, ощущая, что в этот раз и рада была бы промолчать. Но что-то тянуло ответить...

Танора усмехнулась, закрыв глаза.

– Неведомо, кто из нас что именно чувствует... Порой мы сами не знаем, что нам нужно от других... Что уж ждать от них!

Кара помолчала, а потом негромко выдохнула:

– Тебе стоило пойти работать в лечебницу – твои слова всегда так успокаивают...

Она уже не сердилась на Жанну так сильно. В конце концов, у её ярости было только одно начало – страх потерять свою любовь. Кто ж виноват, что и у той, зеленоглазой, любовь оказалась такой же, как и у неё? Это просто судьба, вершительница чувств и иногда – обманных надежд...

– И он всё время думает о ней, – вдруг тихо, с ужасом, который она не смогла скрыть, добавила Кара, – всегда. Говорит про её объявление и глаза... Смотрит на меня, но я вижу, вижу! – этот взгляд уже не тот, что был сразу после зелья, которое он выпил. Тогда он видел *меня*, а сейчас, сейчас, после того, как он *снова* познакомился с ней, он опять глядит будто в пустоту, где меня нет...

Танора резко открыла глаза и взглянула на подругу.

– Я опять, опять была вынуждена добавить несколько капель в его напиток, вчера... – дрожа, тихо сказала та. – И он вновь её забыл. Но я боюсь – что, если она снова придёт сама или случайно попадётся на его пути? Вдруг я наврежу ему, если буду постоянно стирать его воспоминания?

– Это возможно, – глухо ответила Танора. – Но тогда ты потеряешь его навсегда.

– Нет, он всегда будет дорог мне, я это знаю! Даже если не будет помнить меня, я всегда буду рядом с ним, лишь бы он не помнил других, лишь бы ему не была нужна другая!..

Она дрожала, когда говорила это; она продолжала говорить ещё много, иногда переключаясь с Аллена на Жанну, а потом вновь на него... И только когда все слова боли и страха были высказаны, будто она выложила их на этот чёрный дубовый стол, ей стало немного легче и спокойнее, и она ушла домой.

Заперев за ней дверь, Танора вернулась на своё место и ещё раз закрыла глаза, положив руки на колени. Она просидела так довольно долго, пока не погас огарок свечи, стоящий рядом с ней на столе. Тогда она дёрнула рукой, и от этого движения воск, закапавший весь подсвечник, мгновенно исчез, а дверцы нижнего ящика шкафа отворились, открыв за собой запас свечей, но она тут же остановила себя... Она поднялась и, вручную достав новую свечу и установив её в подсвечник, зажгла её с помощью спички, а после долгим пристальным взглядом всмотрелась в огонь.

Нет, ей не было тепло, как бы этого не хотелось, и не было радостно видеть этот золотой цвет пламени. В нём она видела только боль – прошлую, застарелую, но до сих пор ещё не истлевшую и не растаявшую. Ту боль, которая всегда остаётся, даже когда пытаешься её забыть. Капли её живут в настоящем, напоминая о себе, и потихоньку сжигают твою душу пониманием своего бессилия и жаждой мести...

Танора снова закрыла глаза. Решение было принято – ответ на свой мысленный вопрос она уже получила, просмотрев варианты развития ситуации в будущем, и считала, что теперь лучше всего будет *помочь* девчонке, наследнице дома Нориен, вернуть то, чего ей так сильно хочется. Потому она и решила отправить Мари необходимый ингредиент для зелья. Благо, узнать, что помогать Жанне будет её подруга, оказалось несложно!..

Эта неожиданная помощь оказалась очень полезной – задача Мари весьма облегчилась, и к вечеру из полученных листьев она изготовила базу для зелья, в которую оставалось добавить лишь пару ингредиентов.

К Жанне она отправилась на следующий день. Она и не хотела бы особенно торопиться, но боялась, что после столкновения Кары и Жанны кто-нибудь из них сгоряча что-нибудь натворит, а так – Аллен бы вспомнил всё, что должен был знать, и сам разрешил бы ситуацию!

«А после этого зелья ещё раз тем же зельем опоить его не сумеют, у него будет иммунитет...», – с удовлетворением подумала она, тронув колокольчик у двери дома Нориен.

Жанна, похоже, его не слышала – после трёх длинных звонков Мари поняла, что открывать та не собирается, и пошла обратно. Но не успела она вернуться к калитке, как увидела, что на дороге остановилась воздушная колесница. Открылась дверца, и из неё

появилось что-то большое, воздушное... Потом – несколько ящиков, подозрительно звенящих, а после показалась и Жанна.

Мари подбежала помочь, пока та пыталась расплатиться, удерживая в руках ещё несколько пакетов. Возница получил оплату, и колесница тут же исчезла, оставив Мари и Жанну в окружении коробок.

– А что это? – Мари удивлённо огляделась – та на днях ни словом не обмолвилась, что собирается идти в магазин! Но Жанна, не замечая её удивления, продолжала сиять от радости.

– Представляешь, я всё это купила!

– А что здесь?

Она махнула рукой – мол, для начала помощи занести! Она была так возбуждена, что даже не заметила, как заинтригованная Мари изменила своей прежней привычке не использовать лишний раз магию в быту и тут же отправила все предметы в холл дома.

– Давай, рассказывай! – присела она у коробок, ожидая, когда Жанна откроет их и покажет, что внутри. Но увиденное её изумило.

– Кастрюли? – не веря, она даже постучала по сияющему новенькому металлу.

– А что тебя удивляет? – Жанна чуть не прыгала от радости, так её воодушевила прогулка по магазину.

– Зачем тебе столько? – Мари поняла, что и в остальных коробках здесь была разная кухонная утварь, да ещё и какая-то ткань. – Зачем это тебе?

Та перестала ходить между ними, оживлённо рассматривая купленное, и нерешительно потёрла руку, понемногу приходя в себя.

– Честно сказать, даже не знаю... Я в магазине была, а там столько предметов, столько...

– Я ждала, что ты зайдёшь ко мне, поинтересуешься, как там зелье для Аллена, – осторожно уточнила Мари.

– А я решила, ты занята. Но и в магазин-то я пошла ради него!.. То есть ты ведь приготовишь зелье, да? А его нужно будет как-то передать, но тебя в его доме знают – эта рыжая женщина, его жена... И меня знают. Кто же тогда передаст? Только Жан!

– Жан?

– Ну да. А у него ведь свадьба будет, он говорил... Вот я и подумала, что нужно купить какой-нибудь подарок, и в магазин пошла. Иду я там, на вещи смотрю... Жану ничего особого не выбрала, вот только шары эти большие, праздничные, – виновато пояснила она, кивнув на прыгающие у потолка фигуры с цветными лицами, – а когда оплачивать подошла... За мной стояла женщина с посудой в руках, и, знаешь, мне так резко вдруг захотелось купить кастрюльку, вон ту! – ткнула она пальцем в одну из коробок. – Я решила её взять, а потом захотелось ещё, и вот... вот так получилось...

Она растерянно потёрла руку, на самом деле уже не особо понимая, как её угораздило столько купить. Особенно, если учесть, что и готовить-то она не особо любила...

– Ясно... А я вот пришла сказать, что создала зелье. Осталась одна деталь... - Мари многозначительно посмотрела на Жанну, и та сразу поняла, что нужно её участие.

Они отправились к Мари, и та снова разожгла под котлом огонь, чтобы добавить пару капель крови Жанны в пламя, которое доведёт зелье до готовности. После этого она разлила полученную жидкость с необычным запахом в два флакона, а лист бумаги с описанием созданного рецепта спрятала в специальную книгу с особым замком-ключом, который непосвящённый открыть бы не смог, в виде змеи, поднявшейся при приближении угрозы.

Оставалось использовать рыжие волосы, и Жанна с какой-то мелькнувшей жалостью к жене Аллена осторожно добавила их. Жидкость на миг забурлила и, будь её во флаконе чуть больше, она перелилась бы прямо на пальцы.

– Ты уверена в Жане? – спросила Мари, плотно закрывая его.

– А кто, если не он, сможет напоить Аллена зельем? Он такой мудрый; наверняка, он сумеет. Я попробую его уговорить.

Мари согласилась. Оставив один флакон себе про запас, она отдала второй Жанне. Та крепко зажала его в кулаке и ощутила уверенность. Теперь, когда способ вернуть Аллена был в её руках, терять время больше не хотелось, и, простившись с Мари, у дороги она сразу вызвала колесницу. Усевшись, она назвала заученный адрес и закрыла глаза, и через минуту была уже на месте, но так задумалась, что вознице пришлось её окликнуть. Она поспешно расплатилась и вышла.

Колесница тут же испарилась, а перед ней снова оказался тот дом – первый дом в этом мире, который встретил её если не с любовью, но с добротой и пониманием, как ей тогда казалось, ведь если бы не Жан, она не смогла бы обрести своё прошлое в этом мире и то, что должно было принадлежать ей по праву рождения. Медленно, с теплотой и благодарностью пройдясь по нему взглядом, она подошла к крыльцу. Дверь была не заперта, и Жанна, уверенная, что хозяин внутри, вошла в холл и позвала его. Никто не откликнулся, и она зашла в гостиную, столовую, в кухню... Жана не было нигде на первом этаже, и она поднялась на второй.

Здесь находилась спальня, в которой она провела столько дней, пока он пытался ей помочь, искал информацию... Сейчас, она видела, в ней никто не жил – кровать была застелена, на комодке грустно лежала пыль. Видимо, в этой комнате только она сама и прибиралась... Окинув её последним взглядом, она вышла и прошлась по коридору. На этом этаже Жана тоже не было, и несколько нерешительно она направилась к лестнице, чтобы подняться на третий. Тогда, в те дни, которые она проживала тут, лишь пару раз она бывала на том этаже: Жан как-то сказал ей туда не входить, объясняя тем, что там его личные вещи, кабинет и старый хлам... Тогда она не спорила, но сейчас мысль о том, что нужно быстрее передать Аллену зелье, было не перебить ничем, даже страхом вызвать недовольство Жана, и, скрепя душу, она вступила наверх. Перед ней оказался коридор и несколько дверей.

Здесь она вдруг остановилась отдышаться – дыхание резко сбилось, в голове тихонько застучало... Взглянув вперёд, внезапно она ощутила сильное желание войти в одну из комнат, в ту, что слева... «Пойду присяду, отдохну немного», – мысленно оправдала она свои действия и тронула пальцами ручку двери.

Та была не заперта, но это и не казалось удивительным: кроме стола, пары стульев и нескольких стеллажей с книгами и стопками листов, тут не было ничего интересного.

Присев, она уставилась на стол – там лежали бумаги. Чуть подвигав их, чтобы не сильно было заметно, что их трогали, она попробовала хоть что-то прочесть, но язык был незнаком, по крайней мере, верхние листы было не разобрать. У другого края стола лежал фотоснимок, она привстала и всмотрелась в него. На фотографии был мужчина, улыбающийся так по-доброму, что Жанне вдруг тоже стало так приятно, будто он улыбался именно ей. «Никогда бы не подумала!..», – решила она про себя, что многого не знает о Жане, раз он, всегда такой уверенный в себе и немного нахальный, сентиментально держит у себя чей-то портрет. Станным было и то, что снимок совсем не двигался – это была статичная работа, никак не связанная с магией... Ещё раз осмотрев неизвестное лицо, она поймала себя на мысли, что оно кажется ей знакомым, но никого похожего вспомнить не смогла и отвернулась к стеллажам.

Книг тут было в разы меньше, чем в её доме: всего три шкафа, и не все полки были заполнены. Кое-где лежали стопки бумаг, где-то – просто вырезки; одна целая полка была вовсе забита старыми номерами газет... – ничего интересного, как и во всей комнате: больше рассматривать было нечего. Но уходить отсюда всё равно почему-то не хотелось, и Жанна вновь присела на стул. Как вдруг тут же поднялась – взгляд зацепился за длинный гобелен, закрывающий кусок стены до самого пола, и она с интересом подошла ближе.

Работа была искусной – на ткани был изображён пейзаж, причём крайне реалистично: зелёное дерево с огромной кроной и несколько диких, несущихся по простору коней казались просто настоящими! Только одна лошадь не мчалась – она стояла близко у края ковра и внимательно глядела мудрым взглядом прямо перед собой, будто осматривая того, кто в этот момент смотрел на неё саму.

Жанну так умилил этот взгляд, что она даже провела рукой по мягкой морде... И тут же ощутила, что под гобеленом что-то есть! Ещё раз тронув его, она решительно приподняла нижний край и очень удивилась: здесь, на каменной стене, оказалась лепнина. Она была похожа на косматого дракона или дракона, за спиной которого пышет пламя, и была такой искусной, что оставалось только удивляться, зачем её спрятали от людских глаз! Любопытствуя, она осторожно провела пальцами по выпуклым линиям – и внезапно ощутила дрожание. И отпрянула от стены – та начала двигаться!

Оцепенев от ужаса, она слушала, как тишина комнаты ломается от неимоверно страшного скрежета, который всё не затихал, пока дверь полностью не открылась и не замерла. Она и подумать боялась, что скажет Жану! Конечно, найди Жанна что-то подобное у себя дома, она бы порадовалась. Но обнаружить такое скрытое место в чужом доме было точно наказуемо, особенно со стороны Жана. Он мог отругать её, назвать глупой девчонкой или даже перестать с ней разговаривать!..

Всё это вихрем пронеслось в бедовой голове, но Жанна быстро успокоилась, вспомнив, что теперь у неё есть Мари, потому она уже не пропадёт в этом мире. «И я не виновата, что Жан не предупредил об особенностях этой комнаты! – решила она. – Тем более, не может же существовать что-то такое, чего мне нельзя знать. А, значит, я могу посмотреть...».

На всякий случай она снова прислушалась, но никаких новых звуков слышно не было, хозяин явно ещё не вернулся в дом. И только из открытого входа тянуло странным воздухом – немного затхлым и неимоверно таинственным!

Ещё раз поймав себя на мысли, что стоило бы всё же пойти обратно, вниз, чтобы подождать там, и тут же ощутив, что очень, очень хочется войти и посмотреть, что же тут, за этим проходом, она осторожно шагнула внутрь, в темноту.

Нащупать по привычке выключатель не удалось – его просто не было. Но не успела она огорчиться, как медленно и нехотя появился свет – вверху у тёмного потолка возник небольшой шар с очень слабым свечением, которое всё же вполне сносно позволяло рассмотреть совсем не роскошное окружение: здесь стоял один стул рядом с каменным шкафом сбоку, казавшимся вытянутым из плоти стены; пара дополнительных полок выливалась в комнату из стены, смежной со шкафом, и нижнюю из них можно было бы использовать, как столешницу. А ещё очень узкая лестница вела куда-то вниз через темноту.

«Наверняка, там подвал», – решила Жанна, спустившись по ступеням. Недалеко она услышала слабый скрежет, но неясно было, откуда именно он шёл. Наощупь, держась о стену, она спустилась ещё ниже, но светлее не становилось, и, ощутив, что становится только прохладнее, она вернулась обратно.

Подойдя к шкафу, она вытащила одну из книг и, взглянув на название, поставила на место. Взяла другую, и третью, и поняла, что здесь собраны самые скучные книги мира! Она попробовала вернуть их на полку, но было так плотно заставлено, что вставлялось с трудом. От неуклюжих движений один из альбомов, лежащих сверху томов, с глухим стуком свалился на пол и, собирая вылетевшие из него листки, Жанна поняла, что это – обычные фотокарточки. Вкладывая их обратно, с удивлением она заметила, что на неё смотрит всё тот же мужчина: тот же самый снимок, который лежал на столе в той обычной комнате, опять был в её руках, только меньшего размера, и она снова всмотрелась в него, уже с большим интересом.

«К чему прятать фотографии в таком месте?..», – подумала она, недоуменно раскрывая альбом. Но первые же страницы только прибавили вопросов: тут не оказалось ничего – ни фотографий, ни записок или указаний... А на следующих уже были снимки: в отличие от альбома, выглядевшего новым, они казались совсем старыми, пришедшими чуть ли не из прошлого века, и, пожелтевшие, смотрелись на белых страницах, как высохший гербарий в новом блокноте.

Просмотрев немного, Жанна внезапно поймала себя на очень нелепой мысли – что эти снимки, эти люди чем-то ей знакомы... Пальцы её листали страницы всё лихорадочнее, всё быстрее разглядывала она их, когда вдруг поняла, что так её зацепило! Она резко вспомнила и того мужчину с широкой улыбкой, и некоторых других, которые были здесь, перед ней, улыбаясь или смотря строго со старых снимков: она уже видела их! – но у себя дома, в альбоме, который нашла в кабинете. Она входила туда лишь, когда прибиралась в поисках часов. Альбом с фотографиями лежал в комод; в тот раз она торопливо пролистнула его и положила обратно. Тогда ей стало очень одиноко – ещё больше, чем когда она совсем ничего не знала о своей семье, потому что в тот миг она видела её и как никогда осознавала, что так много родных людей могло бы быть рядом с ней и что на самом деле не было никого! Даже спросить о том, кем были все эти люди, было не у кого, и потому она отложила альбом, ощутив, что не имеет пока сил рассматривать их, эти снимки, – единственное, что оставалось у неё от настоящей семьи.

А сейчас она снова видела их, но на этих страницах людей было ещё больше. Встретила она тут и своё фото – точнее, так она решила бы раньше. Теперь же она сразу поняла, что это было фото её прабабки – Розы Норие. Были тут и дети – младенец на руках молодой женщины, маленькая девочка посередине и юноша, чем-то похожий... Очень похожий на Жана.

Жанна похолодела. «Этого не может быть... – подумала она, застывшим взором уставившись на сжатые в руках снимки. – Не может!».

Очнувшись и ощущая странную мелкую дрожь, она торопливо сложила всё в альбом, вернула его на полку и кинулась к двери. Она поняла одно: теперь, если Жан застанет её в этом месте, будет точно тяжело – если он действительно её родственник и так отчаянно это скрывает, пряча альбом в тайном месте, значит, у него есть на то основания. И она не должна показать, что хоть как-то догадалась об их родственной связи! «Придёт время, – подумала она, – и он расскажет, сам...».

Тут она заметалась, поняв, что не видит дверь. Помахав руками и пощелкав пальцами, она попробовала привлечь внимание парящего в воздухе светящегося шара. Нехотя, лениво он подчинился и подлетел ближе, чтобы осветить тёмный кусок пространства, в котором была каменная дверь, с другой стороны укрытая от случайных взглядов гобеленом; и Жанну резко обдало морозом: она поняла, что та заперта!

«Не может быть!», – в ужасе повторила она те же слова, что недавно думала о Жане, но с совсем уже другим смыслом, гораздо более страшным! Она бросилась обыскивать стену,

ерзать по ней ладонями, пытаясь отыскать хоть какой-то намёк на выпуклость или, наоборот, трещину, которая могла скрывать рычаг!..

Всё было тщетно, и, устав от сотни бесплодных попыток, она присела на стул и, облокотившись на каменную столешницу-полку, закрыла глаза. Посидев так какое-то время, чуть собравшись с мыслями, она снова открыла их и осмотрелась.

То ли оттого, что закрытые глаза привыкли к темноте, то ли по другой причине, в которую она не хотела бы верить, но света вокруг, казалось, стало меньше – у светящего шара вверх исчезло мягкое свечение. Он выглядел тусклым – таким, который скоро должен погаснуть...

Она решительно поднялась. Выход был, она это знала – было невероятным, чтобы эта дверь открывалась только снаружи!.. «Теперь, когда у меня есть... когда у меня точно будет Аллен... – шептала она беззвучно, едва шевеля пересохшими от страха губами. – Нельзя сдаваться! Я *должна* выбраться...». Она подошла к тёмному узкому проходу, крутыми ступенями резко уводящему вниз. Остановившись у первой, она оглянулась.

– Эй, ты! – позвала она вслух, обращаясь к едва светящемуся шару и надеясь, что призыв подействует.

Но он, как старая собака, улёгшаяся у вещи хозяина, по привычке методично покачивался в воздухе прямо над шкафом, где тот проводил своё время.

Жанна ещё раз открыла рот, чтобы позвать снова, но внезапно обомлела: эта обстановка, этот тёмный угол и полки в едва видимом свете показались ей знакомыми – как во сне... Она подошла ближе и уставилась на шкаф.

Пыльные толстые книги на второй полке сверху привлекли особое внимание. Она осторожно вытащила большой, тяжёлый том и повернула к себе. «Слишком скучное название», – мелькнуло в голове, и она отложила его на столешницу, чтобы смотреть дальше.

А дальше была только темнота. Остатки света, маячащие немного выше, не проникали в глубину мрака, и, повинувшись внезапному желанию, привстав на носки и уперевшись в шкаф, с охватившей её дрожью она протянула туда руку.

Та наткнулась на что-то и цепко схватила. Небольшой скрежет металла, когда Жанна тянула его к себе, краешком задевая полку, в опускающейся темноте показался предвестником ужаса.

Она разжала пальцы. На ладони лежали часы – такие же, которые она давно не видела, в последний раз поставив их у своей кровати *дома*. Там, где жила раньше, в своём первом мире, где всё так понятно и спокойно. Это были те самые часы, которые она так долго искала, которые...

«Часы, которые Жан обещал помочь найти», – она была оглушена: радостью и мучившими вопросами. Он нашёл их и не успел отдать? Или так влюблён в неё, что не захотел, чтобы она отправилась в свой прежний мир? Теперь рассказ о его свадьбе показался ей только предлогом, чтобы навестить её саму, чтобы... чтобы...

Она сжала часы в руке. Больше она их не выпустит, никогда! Она будет передвигаться по двум мирам, будет жить так, как захочет!.. Теперь никто и никогда не сможет принести ей вреда! – если она увидит какую-то угрозу, то перейдёт в другой мир. А, может, уговорит Аллена насовсем уйти с ней в её первый мир, и тогда никакая Кара не мешает их счастью! Она глубоко вздохнула. Теперь всё казалось ещё лучше, чем было, а будущее – ещё прекраснее!

Тут она резко очнулась от этих мыслей и вспомнила, что всё ещё закрыта в темноте. Шар уже погас, и только маленькая светлая точка маячила близко, рядом с ней, будто сам он тоже боялся мрака и хотел, чтобы она защитила от тьмы и его.

Она подержала рядом с ним свободную руку и прошептала: «Пойдём со мной», и, на миг вспыхнув, он полетел за ней, когда она решительно направилась к проходу.

Сорок три ступеньки насчитала она, пока спустилась вниз, на более широкую, чем узкая лестница, площадку. Здесь был тупик.

Остатки шара, немного полетав от угла к углу, показали, что наверху, у первой двери, было гораздо просторней. Но Жанна, боясь упустить любой шанс выбраться, не пожалела усилий и также, как раньше, прошлась ладонями по стене, где только могла дотянуться, стараясь посильнее надавить на возможную кнопку или найти рычаг. Всё же выхода не было и здесь! – отыскать удалось только странную трещину в самом низу, будто проделанную специально. Она была сквозной, шириной почти в палец, но посмотреть в неё можно было, лишь присев на корточки. Правда, Жанна сразу поняла, что при всём желании не смогла бы разглядеть в ней ничего, даже если бы там, на той стороне, горел свет!

Оставалось только вернуться наверх, к двери, и надеяться, что та вскоре сама откроется. Или же что в ближайшее время сюда войдёт и Жан... При этой мысли она передёрнула плечами – после того, что она отыскала в шкафу, такой вариант показался ей пугающим. Как она сможет оправдать своё любопытство, как сможет объяснить, что она тут делала?..

С другой стороны, теперь у неё были часы. И они *принадлежали ей* – она так чётко это ощущала, как будто это действительно было истиной... А значит, она сама могла бы обвинить Жана в том, что он укрыв их от неё!.. Тут она вдруг похолодела – внезапно ей подумалось, что это могло быть правдой – что он мог *спрятать* их специально, и совсем не потому, что влюблён. Но эта мелькнувшая на секунду мысль тут же исчезла: «Не мог! Он – мой друг и родственник!», – твёрдо повторила она вслух самой себе и сразу осеклась: ей показалось, что слова прозвучали странно, но, прислушавшись, она поняла, что *это* был не её голос – где-то недалеко звучала другая речь. Не очень разборчиво и так тихо, будто шипение змеи...

Она снова присела на пол, чтобы прислониться к трещине. Звуки стали чётче.

– Ты сам сказал, что пора её уничтожить!

Голос был на надрыве, будто человек едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик. А может, так лишь казалось, потому что слова были едва слышимыми и такими страшными...

– Забрать то, что принадлежит мне... мою силу... а не... Есть...

Тихие слова было не разобрать. Раздался звук, как будто по столу ударили кулаком или что-то кинули на пол.

– ...другие варианты? – раздался пугающий смех, как карканье ворона. – Их нет! Её надо убить, ты обещал!

Жанна отпрянула – рядом с трещиной на миг взвилось красное пламя и тут же погасло. Что-то затрещало, как будто в камине дрова занимались огнём, и она почувствовала лёгкий запах дыма.

Она крепко сжала часы. Искать выход сейчас было очень опасно – вдруг он найдётся? Тогда будет практически невозможно объяснить хозяину или его гостям, что она зашла сюда случайно и что она ничего *не слышала*, ничего из этого странного и страшного разговора!

Поманив рукой едва мерцающую точку, которой давно стал шар, она прошептала:

– Иди обратно, наверх, на своё обычное место, и погасни, будто здесь никого нет. А то вдруг хозяин войдёт... Ты тогда проследи, где он нажмёт, чтобы дверь снова открылась...

Она и не верила тому, что шар сумеет выполнить её наивные просьбы, и не надеялась, что он хотя бы слышит её, но не могла не попросить: вдруг она больше никогда не выйдет отсюда и это – её последний шанс *хоть кому-то* произнести слова?

Шар не заставил себя упрашивать и сразу полетел вверх по лестнице. С сожалением проводив его взглядом, она вновь уставилась на трещину. Только там для неё сейчас оставалось немного света и человеческих голосов, хоть она не могла разобрать ни большинства сказанных слов, ни - кому они принадлежали.

А Жан и Манди продолжали ругаться.

– Ты обещал мне, обещал её уничтожить! – настаивала она. – Только благодаря мне она осталась в этом мире!

Разозлённый, он снова ударил кулаком по столу. Манди явно не хотела уступать, а он ощущал нечто странное – что если в ближайшее время он убьёт Жанну, то ему самому это только навредит.

– Есть много других способов забрать силу, – ещё раз твёрдо повторил он, схватив Манди за плечи.

– Ты не понимаешь, не понимаешь! Ты должен убить её, – она была в каком-то иступлении, будто рушились все её планы.

– Всё будет, но позже! Сначала мы просто лишим её сил, а потом, если ты так хочешь, если тебе так надо, мы убьём её. Но позже!

Она затихла. Голубые холодные глаза казались тёмными, когда она обдумывала, что делать.

– Хорошо, хорошо... Я дам тебе ещё один шанс, один... Попробуй испытать её силу, но если не получится – ты *сразу* убьёшь её.

Руки Манди дрожали. Жан по привычке решил её обнять, но вдруг понял, что ему не хочется к ней прикасаться. Он разжал пальцы, до этого крепко державшие её за плечи.

В её взгляде было что-то странное. «Ты изменился!», – хотела обвинить она его, но только сжала губы. Мелькнули чёрные крылья, и она исчезла; раздался звон – на пол посыпались осколки разбитого стекла. Пустая оконная рама качалась от резкого порыва ветра...

Жан устало присел в кресло. В камине всё потрескивал огонь, уже не такой яркий, как несколько минут назад. «Твой мрак меня сегодня настораживает...», – подумал он, скрестив пальцы. Он и сам не мог бы объяснить, почему их нынешний разговор так не сложился, ведь не один раз они уже поднимали эту тему и всегда находили общий язык, а сейчас... Манди будто с цепи сорвалась. Словно знала что-то, чего не знал он сам... Он задумчиво замер у огня, и в комнате воцарилась тишина.

Жанна потрогала стену – очевидно, с той стороны недалеко был камин: камень уже нагрелся и можно было прислониться, чтобы стало теплее и уютнее, и помечтать, будто это она сама сейчас сидит у себя дома у камина... Прижавшись, она замерла и терпеливо стала ждать: в комнате за стеной ещё кто-то был, и огонь, подкормленный новыми поленьями, разгорался по новой, потом затихал, а потом снова разгорался... Она закрыла глаза и ещё крепче сжала часы, чтобы они случайно не выпали. И стала слушать, когда же тишину разбудят звуки шагов или хлопнувшей двери...

Было уже темно, когда она снова открыла глаза. Видимо, в камине давно догорело, потому что и стена успела остыть. Она сжала руку и почувствовала, что всё ещё держит свои часы. Они тихонько тикали, и в голове её тоже сначала раздался звук: тик-так, тик-так... Она поднялась и оглянулась – внезапно стена показалось ей какой-то странной,

какой-то... нереальной. Она тронула её рукой и та вдруг провалилась, упав вниз, как дверь, которая открывается сверху.

Сделав шаг вперёд, Жанна прищурилась – после темноты глаза нехотя привыкали к свету фонарей, расставленных по краям дороги и кое-где свисающих со спящих домов.

День был сложным – так много эмоций, так много вопросов... Она лениво шла по центральной улице. Ещё не родные, но уже такие знакомые места, кафе «Для встречи»... Она остановилась и заглянула в большое стеклянное окно – внутри сидели люди, но их было мало. Незнакомый администратор вышел на улицу и постоял у порога, не обращая на неё внимания. Очевидно, он ждал, чтобы сообщить последним клиентам, что кафе закрывается...

Ещё раз всмотревшись в стеклянную витрину, она увидела себя – вполне симпатичная девушка, только немного уставшая. В руках зажаты часы... Она опустила взгляд и всмотрелась в ладони – настоящие, не отражённые. Потом усмехнулась, вспомнив, что когда-то вот также глядела на свои руки, во сне... и, вздрогнув, быстро пошла дальше.

Мимо проплывали дома, но она торопилась, и в голове всё сильнее что-то стучало.

Впереди появились знакомые очертания. Она прибавила шагу, ощущая, что внутри всё трепещет, и вскоре, запыхавшись, остановилась у старинного здания. Над массивной дверью из красного дерева мерцала медная, немного поцарапанная вывеска.

– Свою судьбу каждый находит сам! – быстро произнесла она, дёргая за ручку.

Она оказалась в помещении со странным дизайном – под мягким мерцающим светом, спускающимся от потолка, можно было рассмотреть углы с паутиной и сухими насекомыми. За стойкой стоял молодой человек – увидев Жанну, он широко улыбнулся, и, всё ещё не веря своим глазам, она торопливо махнула ему рукой.

– Привет, Вильтон! Завтра столько всего тебе расскажу! – выкрикнув на ходу, она распахнула дверь в свой мир.

Она бежала по центральной улице *своего* города, бежала, от счастья размахивая руками. Она знала, что произойдёт потом: она проснётся, и дальше всё будет так, как она захочет, как *она* выберет! В руках её затрепетало металлическое сердце – небольшой будильник начинал свою песню, которую она слышала как будто с эхом: «Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь...»...

При первых же звуках она поторопилась проснуться и открыла глаза, и сразу подскочила! – вокруг неё была прежняя комната, её кровать, зеркало, обои... А на столе стояли знакомые часы, которые в последний раз она видела много недель назад. От бешеной радости ей захотелось хлопать в ладоши! Но она вдруг поняла, что руки чем-то заняты...

Она опустила взгляд и похолодела: пальцы упрямо сжимали старинные часы – как две капли воды похожие на те, что сейчас стояли на столе. И те, и другие громко звенели в унисон, как будто зная о существовании друг друга и приветствуя своего двойника.

Взгляд Жанны потух. Поблекшая, она села на кровать и дотронулась до часов, чтобы они перестали звенеть. Вокруг всё затихло. И только внутри безрадостно стучала одна и та же мысль: возврата – не было.

Акулина

Сновидение / Акулина – akulinabook.ru, 2019

Все права защищены. Эта книга или любая её часть не может быть воспроизведена или использована любым иным способом без письменного разрешения автора, исключая использование цитат из книги или другого способа, предусмотренного законодательством.

Официальный сайт автора
akulinabook.ru

По вопросам сотрудничества, рекламы и иным предложениям
обращаться по e-mail: akulinabook@mail.ru

Все авторские права защищены.
Copyright © 2019